
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КИЕВ. Крещатик.

Фото Н. Козловского.

На первой странице обложки: Логуйоро — охотник из селения Оньяке в Южном Судане. Лук и копье — до сих пор его главное оружие.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: В этом году в селении Ильянари (Южный Судан) открылась школа. Учитель Эдидио обучает грамоте детей под большим деревом. Ученики пишут палочками на земле.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

№ 28 (1569) 7 ИЮЛЯ 1957

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

22—29 июня с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум принял соответствующее постановление, которое сегодня публикуется.

Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС т.т. Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста Секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова.

Пленум избрал ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС в следующем составе:

Члены Президиума: т.т. Аристов А. Б., Беляев Н. И., Брежнев Л. И., Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Жуков Г. К., Игнатов Н. Г., Кириченко А. И., Козлов Ф. Р., Куусинен О. В., Микоян А. И., Суслов М. А., Фурцева Е. А., Хрущев Н. С., Шверник Н. М.;

Кандидаты в члены Президиума: т.т. Мухитдинов Н. А., Поспелов П. Н., Коротченко Д. С., Калнберзин Я. Э., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Мазуров К. Т., Мжаванадзе В. П., Первухин М. Г.

Пленум пополнил состав Секретариата, избрав Секретарем ЦК КПСС т. Куусинена О. В.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум Центрального Комитета КПСС на заседаниях 22—29 июня 1957 года рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС.

В то время, когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по выполнению исторических решений XX съезда, направленных на дальнейшее развитие народного хозяйства и непрерывный подъем жизненного уровня советского народа, на восстановление ленинских норм внутрипартийной жизни, ликвидацию нарушений революционной законности, на расширение связи партии с народными массами, развитие советской социалистической демократии, на укрепление дружбы советских народов, проведение правильной национальной политики, а в области внешней политики — на разрядку международной напряженности в целях обеспечения прочного мира; и когда достигнуты уже во всех этих областях серьезные успехи, о которых знает каждый советский человек, — в это время антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова выступила против линии партии.

С целью изменения политической линии партии эта группа антипартийными, фракционными методами добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС.

Это не явилось случайностью.

В течение последних 3—4 лет, когда партия взяла решительный курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности, и ведет успешную борьбу против ревизионистов марксизма-ленинизма как на международной арене, так и внутри страны, когда партией проведена большая работа по исправлению допущенных в прошлом извращений ленинской национальной политики, — участники раскрытой теперь и полностью разоблаченной антипартийной группы постоянно оказывали прямое или косвенное противодействие этому курсу, одобренному XX съездом КПСС. Эта группа по существу пыталась противодействовать ленинскому курсу на мирное сосуществование между государствами с различными социальными системами, ослаблению международной напряженности и установлению дружественных отношений СССР со всеми народами мира.

Они были против расширения прав союзных республик в области экономического и культурного строительства, в области законодательства, а также против усиления роли местных Советов в решении этих задач. Тем самым антипартийная группа противодействовала твердо проводимому партией курсу на более быстрое развитие экономики и культуры в национальных республиках, обеспечивающему дальнейшее укрепление ленинской дружбы между всеми народами нашей страны. Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению раздутого государственного аппарата. По всем этим вопросам они выступали против проводимого партией ленинского принципа демократического централизма.

Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание Совнархозов в экономических районах, одобренное всей партией и народом. Они не хотели понять, что на современном этапе, когда развитие социалистической промышленности достигло огромных масштабов и продолжает быстро расти при преимущественном развитии тяжелой индустрии — необходимо было найти новые, более совершенные формы управления промышленностью, раскрывающие большие резервы и обеспечивающие еще более мощный подъем советской индустрии. Эта группа зашла настолько далеко, что даже после одобрения указанных мер в процессе всенародного обсуждения и последующего принятия Закона на Сессии Верховного Совета СССР — она продолжала борьбу против реорганизации управления промышленностью.

По вопросам сельского хозяйства участники этой группы обнаружили непонимание новых назревших задач. Они не признавали необходимости усиления материальной заинтересованности колхозного крестьянства в расширении производства продуктов сельского хозяйства. Они возражали против отмены старого, бюрократического порядка планирования в колхозах и введения нового порядка планирования, развязывающего инициативу колхозов в ведении своего хозяйства, что дало уже свои положительные результаты. Они настолько оторвались от жизни, что не могут понять реальной возможности, позволяющей в конце этого года отменить обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников. Проведение этой меры, имеющей жизненное значение для миллионов трудящихся Советской страны, стало возможным на основе большого подъема общественного животноводства в колхозах и развития совхозов. Участники антипартийной группы вместо поддержки этой назревшей меры выступили против нее.

Они вели ничем не оправданную борьбу против активно поддержанного колхозами, областями, республиками призыва партии — догнать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения. Тем самым участники антипартийной группы продемонстрировали барски пренебрежительное отношение к насущным жизненным интересам широких народных масс и свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве, в развернувшееся всенародное движение за ускоренный подъем производства молока и мяса.

Нельзя считать случайным, что участник антипартийной группы т. Молотов, проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости освоения целинных земель, но и сопротивлялся делу подъема 35 миллионов гектаров целины, которое приобрело такое огромное значение в экономике нашей страны.

Т.т. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный Комитет и вся наша пар-

Президиум Центрального Комитета КПСС

А. Б. Аристов

Н. И. Беляев

Л. И. Брежнев

Н. А. Булганин

О. В. Куусинен

А. И. Микоян

М. А. Суслов

Е. А. Фурцева

Н. С. Хрущев

тия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают возможность повторения их в дальнейшем.

В то время, как рабочие, колхозники, наша славная молодежь, инженерно-технические и научные работники, писатели, вся интеллигенция единодушно поддержали мероприятия партии, проводимые на основе решений XX съезда КПСС, когда весь советский народ включился в активную борьбу за претворение в жизнь этих мероприятий, когда наша страна переживает мощный подъем народной активности и прилив новых творческих сил, — участники антипартийной группы остались глухими к этому творческому движению масс.

В области внешней политики эта группа, в особенности т. Молотов, проявляла косность и всячески мешала проведению назревших новых мероприятий, рассчитанных на смягчение международной напряженности, на укрепление мира во всем мире.

Тов. Молотов в течение длительного времени, будучи министром иностранных дел, не только не предпринимал никаких мер по линии МИДа для улучшения отношений СССР с Югославией, но и неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией. Неправильная позиция т. Молотова по югославскому вопросу была единогласно осуждена Пленумом ЦК КПСС в июле 1955 г. — «как не соответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающая принципам ленинской политики».

Тов. Молотов тормозил заключение государственного договора с Австрией и дело улучшения отношений с этим государством, находящимся в центре Европы. Заключение договора с Австрией имело важное значение для разрядки общей международной напряженности. Он был также против нормализации отношений с Японией, в то время как эта нормализация сыграла большую роль в деле ослабления международной напряженности на Дальнем Востоке. Он выступал против разработанных партией принципиальных положений о возможности предотвращения войн в современных условиях, о возможности различных путей перехода к социализму в разных странах, о необходимости усиления контактов КПСС с прогрессивными партиями зарубежных стран.

Тов. Молотов неоднократно выступал против необходимых новых шагов Советского правительства в деле защиты мира и безопасности народов. В частности, он отрицал целесообразность установления личных контактов между руководящими деятелями СССР и государственными деятелями других стран, что необходимо в интересах достижения взаимопонимания и улучшения международных отношений.

По многим из этих вопросов мнение т. Молотова поддерживалось т. Кагановичем, а в ряде случаев т. Маленковым. Президиум Центрального Комитета и Центральный Комитет в целом терпеливо поправляли их, боролись против их ошибок, рассчитывая, что они извлекут уроки из своих ошибок, не будут настаивать на них и пойдут в ногу со всем руководящим коллективом партии. Но они продолжали оставаться на своих неправильных, неленинских позициях.

В основе позиции т.т. Маленкова, Кагановича и Молотова, расходящейся с линией партии, лежит то обстоятельство, что они находились и находятся в плену старых представлений и методов, оторвались от жизни партии и страны, не видят новых условий, новой обстановки, проявляют консерватизм, упорно цепляются за изжившие себя, не отвечающие интересам движения к коммунизму формы и методы работы, отвергая то, что рождается жизнью и вытекает из интересов развития советского общества, из интересов всего социалистического лагеря.

Как в вопросах внутренней, так и в вопросах внешней политики они являются сектантами и догматиками, проявляют начетнический, безжизненный подход к марксизму-ленинизму. Они не могут понять, что в современных условиях живой марксизм-ленинизм в действии, борьба за коммунизм проявляются в претворении в жизнь решений XX съезда партии, в настойчивом проведении политики мирного сосуществования, борьбы за дружбу между народами, политики всемерного укрепления социалистического лагеря, в улучшении руководства промышленностью, в борьбе за всесторонний подъем сельского хозяйства, за изобилие продуктов, за широкое жилищное строительство, за расширение прав союзных республик, за расцвет национальных культур, за всемерное развитие инициативы народных масс.

Убедившись в том, что их неправильные выступления и действия получают постоянный отпор в Президиуме ЦК, который последовательно проводит в жизнь линию XX съезда партии, т.т. Молотов, Каганович, Маленков встали на путь групповой борьбы против руководства партии. Сговорившись между собой на антипартийной основе, они поставили перед собою цель изменить политику партии, возвратить партию к тем неправильным методам руководства, которые были осуждены XX съездом партии. Они прибегли к интриганским приемам и устроили тайный сговор против Центрального Комитета. Факты, вскрытые на Пленуме ЦК, показывают, что т.т. Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним т. Шепилов, став на путь фракционной борьбы, нарушили Устав партии и выработанное Лениным решение X съезда партии «О единстве партии», в котором говорится:

«Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному Комитету полномочия применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной Ко-

К. Е. Ворошилов

Г. К. Жуков

Н. Г. Игнатов

А. И. Кириченко

Ф. Р. Козлов

Н. М. Шверник

Н. А. Мухитдинов

П. Н. Поспелов

Д. С. Коротченко

Я. Э. Калнберзин

А. П. Кириленко

А. Н, Косыгин

К. Т. Мазуров

В. П. Мжаванадзе

М. Г. Первухин

миссии такой крайней меры должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в ЦК и всех членов Контрольной Комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно».

Ленинская резолюция обязывает Центральный Комитет и все партийные организации неустанно крепить единство партии, давать решительный отпор любому проявлению фракционности и групповщины, обеспечивать работу действительно дружную, действительно воплощающую единство воли и действия авангарда рабочего класса — Коммунистической партии.

Пленум ЦК с огромным удовлетворением отмечает монолитное единство и сплоченность всех членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, единодушно осудивших антипартийную группу. В составе Пленума ЦК не было ни одного человека, который поддержал бы эту группу.

Оказавшись перед лицом единодушного осуждения Пленумом ЦК антипартийной деятельности группы, когда члены Пленума ЦК единодушно потребовали вывода членов группы из ЦК и исключения из партии, они признали наличие сговора, вредность своей антипартийной деятельности, обязались подчиняться решениям партии.

Исходя из всего изложенного выше и руководствуясь интересами всемерного укрепления ленинского единства партии, Пленум ЦК КПСС постановляет:

1. Осудить, как несовместимую с ленинскими принципами нашей партии, фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.

2. Вывести из состава членов Президиума ЦК и из состава ЦК т.т. Маленкова, Кагановича и Молотова; снять с поста секретаря ЦК КПСС и вывести из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова.

* * *

Единодушное осуждение Центральным Комитетом партии фракционной деятельности антипартийной группы т.т. Маленкова, Кагановича, Молотова послужит дальнейшему укреплению единства рядов нашей ленинской партии, укреплению ее руководства, делу борьбы за генеральную линию партии.

Центральный Комитет партии призывает всех коммунистов еще теснее сплотить свои ряды под непобедимым знаменем марксизма-ленинизма, направить все свои силы на успешное решение задач коммунистического строительства.

(Принято 29 июня 1957 г. единогласно всеми членами Центрального Комитета, кандидатами в члены Центрального Комитета, членами Центральной Ревизионной Комиссии при одном воздержавшемся — в лице т. Молотова).

П. КРАВЧЕНКО

Фото В. Тарасевича.

ЧТО ТАКОЕ

Дружба этих двух людей не такая уж простая. И дружба старая, и спор старый. Два председателя колхозов, два Николая: Лыскин — из колхоза «Россия», Ставропольского края, и Табаков — из колхоза «Кавказ», Краснодарского края.

В 1953 году Лыскин приехал на Кубань и нагрянул к Табакову. Привез он с собой несколько десятков человек: были тут и рядовые колхозники, и звеньевые, и бухгалтеры, и агрономы, и зоотехники. «А ну, Микола, показывай свое хозяйство!» Неторопливо обошли все фермы, все полеводческие бригады, побывали в кузне, в мастерских, помяли в пальцах землю с разных полей, заглянули в амбары, осмотрели и ощупали машины. Торжественно заключили договор о соревновании и под конец даже несколько умилились. «Вот, Микола,— сказал Лыскин.— Друзья мы теперь с тобой навеки. Давай обменяемся шапками в знак дружбы». «Давай, Микола, обменяемся»,— сказал Табаков и сдернул с головы свою великолепную кубанку. В ней и уехал Лыскин обратно в свой Ново-Александровский район. А Табаков кепку своего друга перешил на полувоенную фуражку. И каждый про себя думал: «Нет, Николай, не обогнать тебе мой колхоз».

Ставропольский колхоз «Россия», где работал Лыскин, быстро стал известен всей стране. Про кубанский колхоз «Кавказ» в центральной печати писали реже.

В середине марта нынешнего года оба председателя встретились в Ростове на совещании работников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа. Лыскин взял слово одним из первых. Показатели колхоза были хорошие, и Лыскин держал речь уверенно. Ему дружно и с удовольствием аплодировали.

Попозже взял слово Табаков. Бумажка в руках у него была небольшая, и заглядывал он в нее редко. Подумал и сказал: «Ничего не скажешь, и колхоз «Россия» хороший, и руководитель в нем настоящий, можно сказать, замечательный. Соревнуемся мы с ним пять лет и шапками обменялись. Давай теперь обменяемся итогами работы. И коровы у вас много молока дают, товарищ Лыскин, и зерна собрали вы порядочно, и мяса в центнерах немало сдали. Но у нас бывает и так, что колхоз козыряет большими цифрами потому, что земли у него много. А земля, товарищи,— достояние народное. И на мой взгляд, если по-научному прикидывать, то самое правильное измерение будет не «сколько всего по валу собрали», а «сколько хлеба, мяса, молока собрали с каждой сотни гектаров». Вот тогда и будет ясно, кто больше, а кто меньше пользы извлек из своей земли. Давайте же посчитаем».

И начал считать с трибуны. Оказалось, что колхоз «Кавказ» молока на каждые сто гектаров сельскохозяйственных угодий получил почти в полтора раза больше, чем колхоз «Россия», мяса — на шестнадцать процентов больше, свинины на каждые сто гектаров пашни — в полтора раза больше, а урожайность зерна оказалась на пятнадцать процентов выше, чем в колхозе «Россия», «чистого зерна, которое мы льном не заменяли»!

Участники совещания все руки отбили, аплодируя Табакову, а Лыскину дружелюбно крикнули: «Отдай назад шапку!»

«Нет, шапку я назад не возьму,— серьезно ответил Табаков.— Но соревноваться давайте теперь за каждые сто гектаров! Наши показатели нас не удовлетворяют, и свои обязательства мы будем пересматривать. Вряд ли и ваши показатели удовлетворяют вас, товарищ Лыскин!»

* * *

И вот мы отправляемся из Краснодара в станицу Курганную. Мой попутчик — работник Краснодарского крайкома КПСС. Он сначала немногословен, но, узнав о цели моей поездки, оживляется:

— Из редакции? Хотите узнать, что такое сто гектаров? А в какой колхоз направляетесь? К Николаю Григорьевичу Табакову?.. Знаете, я от него впервые услышал красочное кубанское словечко. «Да что вы прицепились ко мне? — смеялся тогда он.— Нашу Кубань давно понехаили». Понимаете? Понехаили! А, мол, нехай! Ладно, пускай, мол, живут, как жили, чего зря голову ломать. Земля хорошая? Хорошая. Пшеницы много дает? Много. Ну, и нехай себе продолжает давать много.

Теперь он так уже не пошутит, Табаков. Выражение «А, мол, нехай!» начинает выходить из моды. Да вы знаете, что такое кубанская земля? Сколько от нее получить можно? — резко поворачивается ко мне спутник.— Вы цифры любите? Я оглушу вас немного цифрами, без них трудно понять, что оно такое, сто гектаров. Вот сейчас, после совещания, в Краснодаре и в Ростове решили: можно на Кубани давать на каждые сто гектаров пашни уже в пятьдесят восьмом — пятьдесят девятом году по восемьдесят центнеров свинины. А колхозы давали в 1956 году знаете сколько? Меньше семи. Вот и считайте. Семь — или восемьдесят... Не кажется ли вам простодушным это словечко «можно»? Можно, оказывается, дать у нас молока с каждой сотни гектаров сельскохозяйственных угодий триста пятьдесят — четыреста центнеров. А колхозы Кубани дали в пятьдесят шестом году знаете сколько?.. Сто три центнера на круг. Нравится теперь вам это словечко «можно»? Вот ездили мы по районам и спрашивали: можно? Кое-где сидят председатель с агрономом, скребут затылки, потом отвечают: «Можно-то оно можно, если задание по хлебозаготовкам скостите нам. Посеем поменьше зерновых, побольше кормовых, тогда что ж... Можно, хотя и не сразу...» Правильно рассуждают?

— Будто бы и разумно,— осторожно соглашаюсь я.

— «Разу-умно»! — досадливо тянет спутник и почти сердито добавляет: — А если и воронежцы, и уральцы, и горьковцы, не говоря уже об украинцах, тоже такими разумными станут? Чем они хуже нас? Что им, тоже скостить план хлебозаготовок? А потом и целина попросит скостить: она ведь тоже начинает коров и свиней разводить. Что ж, тогда с одним мясом, без хлеба оставаться? Кубань давала сто миллионов пудов зерна, она и будет давать их государству. А кормов — само собой — надо гораздо больше, чем раньше. Знаете, сколько надо кормов, чтобы это словечко «можно» не выглядело таким простодушным?

— Сколько?

— Сорок процентов от всего валового сбора зерна надо перекачивать на мясо. Ясно?

— Ясно,— говорю я.

— Боюсь, что многим это еще не ясно! — смеется мой спутник.— Так резко увеличить сдачу молока и мяса — это значит увеличить производство зерна, чтобы полностью выполнить и план хлебозаготовок и животноводству отдать положенные ему сорок процентов. Теперь я вам коротко скажу о резервах. Остальное вы сами в колхозах увидите. Вот вам резервы. Первое. Кубань собирает сейчас четырнадцать — пятнадцать центнеров зерна с гектара. Если повысить урожайность только на два — три центнера с гектара, то это даст Кубани прирост зерна в тридцать пять — сорок миллионов пудов, а если увеличить на три — три с половиной центнера, то и пятьдесят миллионов... Ясно? Второе. При сборе урожая всегда бывает много потерь. Если эти потери сократить хотя бы только в два раза, то Кубань получит дополнительно еще двадцать пять — тридцать миллионов пудов зерна. Третье. Слыхали о раздельной уборке? Так вот, если правильно производить эту самую раздельную уборку, то она даст нам дополнительно еще центнера по полтора — два с гектара и, значит, по всей Кубани еще двадцать пять — тридцать миллионов пудов... Считайте, считайте, не бойтесь цифр! Четвертое. Вы знаете, что такое пожнивные посевы кукурузы? Пожнивный посев — это когда ты собрал летом на поле, скажем, озимый ячмень, а потом на этом же поле тем же самым летом взял и посеял кукурузу. Тогда ты в одно лето соберешь на одном поле еще и второй урожай. Это у нас вовсе не новинка... Предположите, что Кубань произведет такую операцию всего на двухстах тысячах гектаров — это совсем немного. Тогда мы получаем дополнительно минимум по двести пятьдесят — триста центнеров зеленой массы с каждого из этих двухсот гектаров. Ясно? А они заменят нам семьдесят — восемьдесят миллионов пудов зерна. Вы считаете? Используйте эти резервы, и вы получите дополнительно без малого двести миллионов пудов зерна. Переведите это зерно в мясо. Это будет — не удивляйтесь! — триста пятьдесят — четыреста тысяч тонн мяса... А дали мы в прошлом году сто двадцать тысяч тонн всего.

Вы думаете, это все! Нет. Самым главным резервом была и остается кукуруза. Если перевести на зерно, то собрали мы в прошлом году всего по двадцать два центнера кукурузы с гектара — непростительно мало. Если мы соберем хотя бы по тридцать центнеров,— это тоже очень мало, обязаны собрать гораздо больше,— но даже если только по тридцать, то Кубань получит в переводе на зерно еще сорок миллионов пудов. Вот и взвесь-

СТО ГЕКТАРОВ

те теперь это простодушное и заманчивое словечко «можно», если одних резервов — двести с лишним миллионов пудов зерна, а государству мы должны сдать сто миллионов... Вы разобрались в этих цифрах? Я вам преподнес схему. Грубую. А как эта схема приобретает живые очертания, как она облекается в кровь и плоть, посмотрите у Табакова.

* * *

Кабинет председателя колхоза «Кавказ» Николая Григорьевича Табакова очень маленький, да и весь домик правления колхоза не производит внушительного впечатления. Фигура председателя занимала довольно значительную часть кабинетика и казалась совсем несоразмерной. У бритоголового председателя были удивительно светлые глаза.

— Что, кабинет оглядываете? — улыбнулся Табаков.— Да, кое в чем пришлось ремешок затягивать. Не правленческие хоромы главное в колхозе. Что такое сто гектаров, спрашиваете? Восемь киловатт электроэнергии на каждые сто гектаров угодий — вот вам ответ на вопрос. Колхозную гидроэлектростанцию заканчиваем. Семь миллионов рублей в нее вложили. А то в самые горячие деньки всего по одному киловатту на сто гектаров приходилось... Что, слишком коротко ответил? Ладно, поехали. Сами увидите их, эти гектары.

В машину, кроме нас, сел представитель из Новгородской области. Табаков сам правил машиной. Заехали на колхозный маслозавод, а потом на свиноферму. Это был целый городок — большие кирпичные свинарники, везде подвесная дорога. Нарядный павильончик конторы с библиотекой и читальным залом был, пожалуй, не меньше, чем контора колхозного правления. На волейбольной площадке ребята перебрасывали мяч через сетку, а на скамейках для зрителей сидели болельщицы в кокетливых шляпках.

— Свободные от смены,— коротко сказал заведующий фермой.

В свинарнике было чисто и сухо. По белым опилкам, показывая свои пятачки зрителям, похаживали белые, гладкие поросята. Здесь самые маленькие, дальше покрупнее, потом еще крупнее и, наконец, самые крупные, откормленные и важные... Один свинарник, другой, третий, четвертый...

— Да сколько их у вас? — спросил новгородец.

— Свинарников? Еще столько же на другой ферме.

— Нет, свиней сколько штучек?

— Штучек? Тысячи четыре с половиной. Небось, побольше, чем у вас в целом районе! — не удержался от похвальбы свинарь.

Вышли за постройки, и новгородец опять удивился: на совершенно черном, будто перевороченном поле ни единой травинки. А по этому полю под присмотром свинарок, сосредоточенно роясь в земле, пасутся сотни свиней.

— Что они... землю едят, что ли?

— Топинамбур едят. Земляную грушу. Землю нарочно около самого свинарника отвели. Растение многолетнее. Чтобы не тратить рабочей силы, предоставили свинушкам поработать. И разомнутся, и корм богатый сами достанут. Все не съедят, летом опять здесь повсюду зазеленеет, к осени новый урожай будет.

Уже садясь в машину, новгородец спросил:

— А свинарников хватает вам?

— А вон глядите направо. Видите, там три корпуса? Колхозный кирпичный завод. А слева еще два корпуса — второй кирпичный завод. Не хватит свинарников — есть из чего строить.

Побывали в огромных птичниках, в овчарнях, объехали одну за другой полевые бригады и молочнотоварные фермы. Ездили до самого вечера.

Наконец председатель подвез нас к Дому приезжих и спросил:

— Как, товарищ корреспондент? Поняли, что такое сто гектаров?

Не дожидаясь ответа, засмеялся, потом посоветовал:

— Зайдите завтра к плановику и к агроному. Люди золотые. Без них, пожалуй, не поймете.

В садике Дома приезжих сидел с цигаркой в зубах старик-колхозник. Сирень выпускала свои первые робкие листочки, но он смотрел куда-то в сторону от нее. Новгородец подсел к нему, полный впечатлений, и шумно стал восторгаться тем, что видел сегодня на полях. Старик слушал хмуро, потом положил на землю окурок, старательно затоптал его ногой, помолчал и сказал простуженным басом:

— Хорошо, когда хорошо, да плохо, когда дюже хорошо! Некуда пальцем ткнуть. Каждый сантиметр на поле занят. А где скот пасти?

Встал, сказал: «Прощевайте» — и неторопливо ушел.

* * *

Агронома и плановика можно было застать в конторе только часов в пять утра, а потом ищи-свищи их — не найдешь: уже на полях, «в степу», как говорят на Кубани.

В пять утра мы с новгородцем сидели в правлении против колхозного плановика Федора Сергеевича Котлярова. Осторожно поправив очки, Котляров раскрыл конторские книги, потом улыбнулся.

Н. Ф. Лыскин и Н. Г. Табаков

— Увлекательная у меня профессия, — сказал он. — Цифры. Цифры живут, колеблются, меняются, и есть в этой их изменчивости железная закономерность. Поэму можно сочинить... Не верите? — Он перевернул несколько страниц. — Тысяча девятьсот пятидесятый год. Взяли мы и посчитали. Всех угодий у нас больше девяти тысяч гектаров... Сколько денег можно взять с каждого из этих гектаров? Подсчитали в первый раз в пятидесятом году. Получилось: растениеводство нам дало с каждого гектара тогда триста тридцать семь рублей, а животноводство... восемьдесят три. Как это вам нравится?

— М-м-м, — неопределенно ответил новгородец.

— Теперь смотрите. За пятидесятым годом — один, второй, третий, четвертый, пятый, шестой годы, смотрите... Растениеводство то возносится, то падает, то опять возносится, но как ни капризничало, а в пятьдесят шестом году дало с каждого гектара не триста тридцать семь рублей, а восемьсот восемьдесят шесть. Увлекательно?

— Да. — Мы следили за пальцами плановика, бегавшими по графам.

— Теперь смотрите... Животноводство. Оно не так зависит от погоды, и почерк тут другой — упрямый и не капризный. Смотрите. Ровно и аккуратно, нигде не снижаясь, все эти годы, как упорный ломовик, в гору, вперед и вперед, нигде не оступаясь, — от восьмидесяти трех рублей на гектар в пятидесятом году до четырехсот пятнадцати в пятьдесят шестом, с ровным ежегодным нарастанием... Есть смысл человеку жить и работать в колхозе?

— Есть! — бодро ответил новгородец.

— А теперь еще смотрите. Трудодней в колхозе скапливается много. А сколько дохода получает колхоз с каждого трудодня? Возьмите опять те же шесть лет. В пятидесятом году на каждом трудодне по растениеводству колхоз получил дохода по восемь с лишним рублей, а по животноводству — по шесть тридцать. И снова каждый год по растениеводству цифры меняются, скачут, капризничают, но достигают в пятьдесят шестом году двадцати одного рубля одиннадцати копеек, а по животноводству ползут упрямо вверх, спокойно перегоняют своего соседа — растениеводство — и дают в пятьдесят шестом году по двадцать три рубля восемьдесят копеек! Как? Нравится?

— Здорово! — кивнул головой новгородец.

— А почему такая разница?

— Ну, вы сами сказали: на растениеводство погода больше влияет.

В свободную минуту пастух Алексей Яковлевич Годин из колхоза «Кавказ» готовится к зачетам. Он студент-заочник третьего курса физико-математического факультета Майкопского педагогического института.

— Это одна сторона вопроса. А другая знаете какая? Растениеводство — мамаша, а животноводство — сынок-первенец. Растениеводство-мамаша может подставить свою спину погоде, погода изобьет ее, но мама защитит своего первенца и, пострадав сама, не даст пострадать сынку — выделит что ему полагается. А сынок растет и с каждым годом требует все больше и больше. Если сказать попроще, свинкам и коровам кушать надо, а кормит их растениеводство. Откуда же доставать корма, чтобы растущий сынок не вытянул все соки из мамаши?

Еще в пятьдесят первом году у нас свинарки рассердились и сказали нам: «А что вы понимаете в свиноводстве? Одна свинья за год может трех коров родить!» «Как трех коров?» «А так. Приплоду от каждой свиноматки можно нарастить за год больше тонны».

За дело взялась Евдокия Григорьевна Минжулина, сама воспитывала поросят от матки Волшебницы, и знаете, сколько этот приплод весил к концу года? Почти шесть тонн! Это отдельный рекорд. А в прошлом году у нас на круг по колхозу приплод от каждой свиноматки куда больше тонны — это и действительно весе почти трех коров... Там много тонкости, в воспитании и свиней и телят...

— А корма?

— О кормах вам лучше всего расскажет агроном Москаленко.

* * *

С Федором Денисовичем Москаленко мне приходилось встречаться и разговаривать урывками: по утрам — до шести часов — в автомашине во время поездок по полям, ночами — в маленькой комнате правления. На это мы потратили несколько дней. Если агроном сидел в правлении, то иногда прерывал разговор, брал трубку, неторопливо отвечал на звонки, клал на рычаг трубку и поворачивался ко мне:

— Да, так на чем мы? Насчет резервов?.. Ох, резервы! Слишком привыкли у нас: кубанский чернозем, мол, все вытянет! Опиум усыпляющий! Любая земля истощается, если не кормить ее! А вы посмотрите у нас в кубанских колхозах. На фермах и возле ферм огромные залежи навоза, а руководители, бывает, сипнут от речей, призывая к повышению урожайности. Каждая тонна навоза равна, грубо говоря, центнеру дорогостоящих минеральных удобрений, а каждый центнер минеральных дает прибавку урожая по три — четыре центнера зерна... Но вывезти навоз на поля «установок не хватает».

Насчет промышленности.

Провели мы у себя ряд опытов. Оказывается, в почву вносить нам надо не только основные три вида удобрений: азот, фосфор и калий, — а и медь, и серу, и бор, и магний, и марганец, и известь. Так не позор ли для промышленности, что мы сами готовим гранулированные удобрения со всеми микроэлементами? Знаете, кто готовит их? Звеньевые Григорий Голиков, Николай Мирин, Павел Куценко и другие наши «химики». Может, все же дешевле было бы готовить их на заводе? Как вы думаете?

Резервы, резервы! Одна бутылка бактериальных удобрений дает прибавку урожая минимум пятнадцать — двадцать центнеров зерна на десяти гектарах. Стоит такая бутылка пять рублей. На обработку семян этой бутылкой расходуется две сотых трудодня... А на Лабинском отделении Сельхозснаба в прошлом году остались неиспользованными пятьсот таких бутылок! Это в какие резервы записать нам с вами?

Вы спрашиваете о кормах. Готовых рецептов на все случаи жизни не дашь. Надо смотреть, какие у тебя в хозяйстве особенности. Для посевов мы всегда берем сортовые семена с самых высокоурожайных участков. Но ведь даже наша станица Курганная делится на три агроклиматические провинции и насчитывает более пятнадцати разных почв. Конечно же, семена должны быть разные, и, конечно, селекционная работа должна вестись в каждом колхозе. Разве проживешь с одним сортом? У нас, например, в тринадцатой бригаде самый высокий урожай дает пшеница «Новоукраинка», а в четвертой бригаде, на мощных черноземах, — «Безостая-4». «Новоукраинка» полегла бы там. У нас выращивается семь сортов только пшеницы... И я не завидую тем колхозам, где действуют по принципу: «Сей, что прислали тебе с элеватора».

Сравните еще вот что — легко сравнивать: названия сходны, — Курганскую область, где Мальцев работает, и нашу станицу Курганную. У нас уборка хлебов начинается в двадцатых числах июня. От этого времени до устойчивых заморозков — сто двадцать — сто пятьдесят дней. Это гораздо больше, чем в Курганской области весь летний период. А вы слыхали, что у Мальцева паровое поле дает прибавку пять — семь центнеров с гектара? Но Мальцеву надо потерять для этого целый год, а мы могли бы за лето и урожай собрать и пар поднять. Так нет же, мы поднимаем пар до самой глубокой осени. А во время уборки сорок процентов тракторов свободны, они могли бы идти сразу за комбайнами. Проверили мы как-то, и получилось: только потому, что пахали сразу в первую декаду после уборки, мы получили дополнительно озимой пшеницы по восемь — девять центнеров с гектара, кукурузы — по четырнадцать — шестнадцать, а подсолнечника — по четыре — семь центнеров с гектара... Выгодно? Настолько выгодно, что я, будь моя сила, платил бы трактористам за первые дни после уборки в двойном размере за вспашку, а чем позже будет вспахано, тем меньше платил бы.

Ну, ладно, давайте о кормах разговаривать. О кукурузе можно бы много рассказывать, я только одно скажу. В позапрошлом году на восьмом поле четвертой бригады мы собрали по тридцать четыре центнера озимого ячменя с каждого гектара. На пятый день после уборки на этой же самой земле взяли и посеяли кукурузу на зерно обычным квадратно-гнездовым способом. В том же году с того же поля мы собрали початков кукурузы в молочно-восковой спелости, если их перевести в обычное зерно, знаете, сколько? По тридцать два центнера с гектара, не считая зеленой массы... Вы следите? Это значит, что мы собрали за год с каждого гектара по шестьдесят шесть центнеров зерна и по двести пятьдесят центнеров зеленой массы... Как вам нравятся эти циферки? Думаете, чрезмерная нагрузка на почву получалась? Нет. Удобрили, и на следующий год с того же поля сняли еще по двадцать девять центнеров пшеницы на каждом гектаре... Наладили переписку с Институтом земледелия провинции Хубэй в Китае — там мастера собирать по два урожая, — и помогли они нам немало.

И, понимаете, что удивительно? Ведь там, где мы получаем по два урожая, оказалось гораздо меньше возни с сорняками. На этих полях сеем пшеницу почти без всякой дополнительной обработки. Осталась стерня кукурузы — она великолепный микроклимат создает для пшеницы... Хватит кормов скоту? Нет, не хватит. Партия верно за кукурузу взялась, для начала это — главное. Ну, а когда вы научились выращивать кукурузу, то перед вами сразу же самой главной проблемой в рациональном кормлении животных станут белковые корма. Где их взять в наших условиях? Клевер вовсе не дает у нас урожая. Завезли вику с Украины — не подходит нам, тоже урожая не дает... Эспарцет? Пробовали, пробовали, бились, бились, а помощь пришла неожиданно.

Были у нас в колхозе венгерские студенты на практике. Следили за нашими опытами, потом говорят: «Попробуйте нашу мохнатую вику». Уехали на родину, прислали нам две тонны семян. Посеяли мы в прошлом году эту вику на пятидесяти гектарах вместе с безостой неполегающей пшеницей. И сразу же получили высокобелкового сена по пять — шесть тонн с гектара и тридцать пять — сорок тонн зеленой массы. В этом году такой вики с пшеницей высеваем уже семьсот гектаров, а в следующем году — тысячу двести. Так неожиданно мы одним ударом справились с очень острой проблемой белкового корма. Считайте, что нам повезло.

— Значит, сколько вы теперь мяса дадите с каждой сотни гектаров?

— В прошлом году дали сорок шесть, в этом году дадим пятьдесят пять центнеров. А свинины с каждых ста гектаров пашни — по сорока пяти центнеров... Неплохо?

На делянке первого звена пятой бригады колхоза «Кавказ».

* * *

Ранним утром я сидел на крылечке дома правления колхоза. Налево видна была улица, направо, во дворе,— большая стройка. Высоко поднятый фундамент со всех сторон облепили, как ласточки, велосипеды и мотоциклы. Каменщики уже начали выкладывать стены будущего двухэтажного здания: внизу будет клуб, вверху — новая контора правления.

Трое хлопцев, используя перекур, гонялись друг за другом, кидали палки. Палки звучно шлепали по спинам. Мы удивлялись этой игре, пока не разобрали, что палки были легкими и сухими кукурузными бодыльями: треску много, а боли никакой.

— Значит, не все стебли кукурузы на силос использовали, — со знанием дела и немного важно сказал новгородец. — Упущение!

По улице старый потомок запорожцев с опущенными седыми с прозеленью усами разогнал велосипед, вскочил на него и поехал, виляя рулем и пугая кур.

— До чего дошли! — вздохнула пожилая колхозница, повязанная платком по самые брови. — Ну, чисто всех лошадей на Кубани повывели. Думают, машина коня скрозь заменит... Срам какой! — И отвернулась, не стала глядеть на старого велосипедиста.

— Так велосипед, он, мамаша, сена не требует, — сказал рыжеватый подросток, сидевший на крылечке.

— А в самую грязюку на поле кто работает? — вскинулась на него женщина. — Велосипед твой? Или машина, что стоит да буксует целыми днями? Молчали бы!

Из конторы доносился рокочущий голос завхоза Ивана Андреевича Зятченко:

— Алё! Шо вы говорите? Скоро поздравлять меня будете? А что? Ухи поотрываете? А за что у́хи поотрываете? — И довольно посмеивался. — Ну, ладно, ладно! Кто родился? Внучка родилась, вот кто! Ну, ладно, ладно! — И вышел из правления, высокий, с лихо заломленной кубанкой на бритой голове и с густыми черными бровями, похожими на усы. Продолжая усмехаться, прошел мимо сидящих у конторы, и скоро командирский его голос уже загудел на стройке.

Наконец подъехал Москаленко. Он уже успел побывать на поле и, проходя в правление, быстро снимал на ходу плащ.

Мы прошли за ним следом.

— Федор Денисович, — сказал новгородец. — Тут как-то сразу по приезде старик один мне загадочные слова сказал. «Хорошо, — говорит, — когда хорошо, да плохо, когда дюже хорошо. Скот пасти негде». Что они означают, эти слова?

— А-а! — засмеялся Москаленко и вдруг приложил палец к губам: — Слышите?

У телефона молодой кладовщик кричал в трубку с надрывом:

— Алё! Райпотребсоюз! Так мне же капканы для крыс нужны! Для крыс!.. Да какой же договор насчет сусликов? Мы лучше вам всех пойманных крыс и мышей сдадим!.. Да нет же у нас сусликов! Ну, нету их на колхозных землях, ни одного суслика нет и не бывало никогда!.. Как не ваше дело?..

Он помолчал и отошел от телефона, обиженно подобрав губы.

— Видали? Трубку повесили! Сусликов требуют. Рожу я им сусликов, что ли? Капканы для крыс прошу, а они говорят: «Дадим капканы, если заключите договор на сдачу сусликов». А я сроду суслика не видел, их у нас нет. Значит, пускай крысы хлеб едят?

Парень в отчаянии махнул рукой и ушел. Мы заулыбались, потом Москаленко посерьезнел:

— А знаете, это почти ответ на ваш вопрос. Еще много таких сусликовых историй осталось у нас в практике. Давай ему суслика, и никаких гвоздей! Вот и с молодняком. Лугов у нас нет. Вся земля занята. Это не Тюменская область, где пашни — куда меньше половины всей земли. У нас же пастись молодняку негде. По улицам, что ли, пасти? Так и на улицах травы не осталось; сами видели, все машинами укатано. В сотне километров отсюда — предгорные районы, там лугов, пастбищ — хоть отбавляй, но они не наши. А используются ведь не полностью... Там бы и надо разводить телят, жеребят! В прошлом году для того, чтобы прокормить восемьсот голов телят, мы им отдали под пастбище триста гектаров озимых хлебов да около двухсот гектаров кукурузы. А привесу нам этот молодняк принес триста двадцать центнеров. Если бы эту продукцию собрали да свиньям скормили, получили бы не триста двадцать центнеров мяса, а две тысячи центнеров свинины! Это золотой теленок получается, если он стоит нам за год по тысяче двести — по полторы тысячи рублей... Золотой теленок!

Понимаете, дойную корову нам здесь выгодно держать, свинью — тоже, а молодняк надо бы пасти в предгорьях: там сотни тысяч гектаров естественных выпасов. Превратилась телочка в корову — сюда ее, к нам, оттуда, в колхоз. Откормился там бычок — на мясо его!..

Теперь еще одна из «сусликовых историй». В нашем районе — отличная конопля. Южнокраснодарская. Придумано было как будто хорошо: семенами этой конопли мы снабжаем Среднюю Россию. Построили заводы, чтобы после сбора семян перерабатывать отходы конопли. Но получилось так: постановление правительства, разработанное для районов, где дают не семена, а стебель, полностью применили к нам. За хороший стебель колхозникам премиальные, а за семена — никаких премиальных. Ну, и начали, конечно, вместо того, чтобы семеноводством заниматься, стебель гнать. Заводы стеблем завалили, а семян даем по сто пятьдесят килограммов с гектара, вместо того чтобы давать четыреста... Ну, меня в шестой бригаде ждут.

— Так, значит, — снова переспросили мы, — с каждой сотни гектаров угодий в этом году будет по пятидесяти пяти центнеров мяса, а с каждых ста гектаров пашни по сорока пяти центнеров свинины?

— Точно! — улыбнулся Москаленко. — План — закон производства.

...В Краснодар мы с новгородцем ехали вместе. Нам обоим казалось, что мы попали в особо удачный колхоз. Таких, наверно, по стране мало.

Но уже в дороге нам пришлось удивиться. «Правда» написала: в Тамбовской области, где земля намного хуже, чем на Кубани, председатель колхоза имени Коминтерна Андреева объявила, что ее колхоз собирается в ближайшие годы дать по сто семьдесят центнеров мяса с каждой сотни гектаров. А следующие дни приносили новые и новые вести. В Чадыр-Лунгском районе Молдавии целый район из тринадцати колхозов взял обязательства выше, чем колхоз «Кавказ».

Табаков очень хорошо выступил на ростовском совещании, и не может быть, чтобы замечательный колхоз «Кавказ» отстал от других. «План есть план», — сказал Москаленко. Но ведь и резервы есть резервы. Неужели все резервы дадут только пятьдесят шесть центнеров мяса со ста гектаров угодий?

Когда мы раздумывали над этим вопросом, «Правда» сообщила:

«Колхоз «Кавказ» обязался дать в нынешнем году по семьдесят центнеров мяса с каждых ста гектаров сельскохозяйственных угодий и по пятьдесят центнеров свинины с каждой сотни гектаров пашни».

Значит, мяса уже не пятьдесят пять, а семьдесят. И свинины не сорок пять, а пятьдесят. А 29 мая в «Правде» Лыскин опубликовал, что колхоз «Россия» собирается дать восемьдесят восемь центнеров мяса с каждых ста гектаров.

Подождем до осени и увидим, кто победит.

Пожелаем победы обоим — и Лыскину и Табакову!

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА В ЛИДИЦЕ

Митинг в Лидице.

Евгений ПОПОВКИН

Лидице... Кто не слышал об этой небольшой чешской деревушке!

С гневом и болью узнали мы в суровые дни сорок второго года, что гитлеровские оккупанты стерли с лица земли цветущее селение кладненских шахтеров, ремесленников и крестьян. Разъяренные поражением своих войск под Москвой, нацисты мстили за убийство чешскими патриотами гитлеровского наместника Чехии и Моравии Рейнгарда Гейдриха.

Пустырь на месте Лидице, огороженный колючей проволокой, должен был, по замыслу немецких гангстеров, символизировать мощь и непобедимость фашизма.

Но деревушка Лидице, восставшая из пепла еще более прекрасной, стала символом победы демократических сил.

В составе делегации Советского комитета защиты мира, возглавляемой академиком Н. В. Цициным, я побывал в Лидице на международной манифестации дружбы и мира.

В эти жаркие июньские дни к Лидице нескончаемой вереницей тянулись жители Праги, Кладно, Буштеграда, окрестных селений.

Самолетами и поездами, автомашинами и автобусами добирались сюда иностранные делегаты —посланцы доброй воли. Свыше шестидесяти тысяч мужчин и женщин пришло к братской могиле в Лидице, чтобы отметить годовщину чудовищного преступления и заявить о непреклонном решении отстаивать дело мира.

Накануне советская делегация побывала у лидицких женщин, переживших ужасы фашистских лагерей смерти. Мы долго беседовали с Геленой Лефлеровой, депутатом Национального собрания, заместителем председателя Комитета по устройству Сада мира и дружбы в Лидице. Лефлерову, как и многих других ее односельчан, спасли из фашистского концлагеря советские воины.

Мы были в гостях у Ружены Петраковой-Крчковой. В ее новом уютном домике есть маленькая детская комната. Она пуста: трое детей Ружены умерщвлены в газовой камере.

Женщины показали нам сад, в котором пышно цветут розы, присланные из тридцати четырех стран, показали новое шоссе, соединяющее Лидице с главной магистралью Прага — Кладно. В постройке шоссе участвовала молодежь из СССР, Индии, Китая, Польши, Албании, Вьетнама, Великобритании, Италии, Канады.

— И розарий и шоссе,— сказала нам Гелена Лефлерова,— будут всегда живым напоминанием о дружбе между народами.

Лидицкие женщины делают очень много, чтобы крепить эту дружбу. Они частые гости и делегатки международных конгрессов, борющихся против угрозы войны, энергичные деятели движения за мир. У себя в возрожденной деревушке они ежегодно принимают посланцев доброй воли со всех континентов...

— Страшными средствами массового уничтожения снабжаются государства Западной Европы,— говорил на митинге председатель Национального собрания Чехословакии Зденек Фирлингер.— Это опасное оружие доверяют тем генералам и политикам, которые прямо или косвенно несут ответственность за Лидице, Орадур, за Ковентри, за тысячи уничтоженных городов и деревень Советского Союза, за те ужасные мучения, которые перенесли за время нацистской оккупации Польша и Югославия.

— Наша делегация Советского комитета защиты мира,— сказал академик Н. В. Цицин,— прибыла сюда с тем, чтобы вместе с вами выразить решительный протест против какой бы то ни было войны, против гонки вооружений, и прежде всего против испытания атомных и водородных бомб. Это можно и нужно сделать сейчас, сделать немедленно! И это будет действенной проверкой искренности намерений правительств США и Англии.

Десятки тысяч людей поддержали эти слова долгими аплодисментами, возгласами одобрения...

Лидице, июнь 1957.

Гости «Огонька»

Редакцию журнала «Огонек» посетил редактор газеты «Дружба», издающейся в Пекине на русском языке, товарищ Линь Лан, который гостит в Москве по приглашению Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами. На снимке: товарищ Линь Лан (справа) и сотрудник Общества китайско-советской дружбы товарищ Гао Мин.

День девушек Италии

Миланские девушки на загородной прогулке.

В этом году День девушек, который отмечался в Италии 9 июня, был посвящен главным образом усилению борьбы за право на труд. Эта борьба связана с требованием реформировать школу и создать условия для профессионального женского образования. Девушки хотят, чтобы после восьми лет бесплатного обязательного обучения они имели доступ к дальнейшему образованию в технических институтах и техникумах и, следовательно, возможность в дальнейшем получить работу на производстве. Сейчас из каждых десяти итальянских девушек, достигших рабочего возраста, только одна работает в промышленности.

День девушек показал, что молодые итальянки проявляют все больше сознательности в борьбе за свои права.

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Рим.

«Ньюсуик» об «антиамериканизме»

«Антиамериканизм за рубежом» — так озаглавил американский еженедельник «Ньюсуик» статью в одном из июньских номеров.

В настоящее время за границей, в 79 странах, находится полтора миллиона американцев, более миллиона из которых — военнослужащие. Поэтому, подчеркивает «Ньюсуик», для Соединенных Штатов никогда не было «столь жизненно важно» отношение местного населения к американцам, находящимся за границей. Но, с тревогой отмечает «Ньюсуик», почти повсюду отношения американцев с местным населением осложняются...

Чем же объясняет журнал рост «антиамериканизма»?

«В некоторых странах,— пишет журнал,— осложнение этих отношений выражает недовольство местного населения американскими солдатами, которые пришли как оккупанты и остаются в качестве приглашенных защитников против новой коммунистической угрозы. В других — эти осложнения часто отражают растущее недовольство тем, что их правительства привязаны к «дяде Сэму» и не могут действовать «самостоятельно». В Азии и на Среднем Востоке многие последние инциденты имели место, возможно, потому, что среди бывших колониальных народов существует глубокое недоверие ко всем жителям Запада...»

Иначе говоря, «Ньюсуик» считает, будто виновны в росте антиамериканских настроений главным образом местное население и отчасти правительства зависимых от США стран.

Однако та же статья приводит немало фактов, которые прямо опровергают это.

В ЯПОНИИ И НА ОКИНАВЕ, признает «Ньюсуик», «наши отношения с населением ухудшаются». Журнал напоминает об убийстве американским военнослужащим Джирардом японской женщины, которая собирала стреляные гильзы, о лишении жителей Окинавы самых плодородных участков земли...

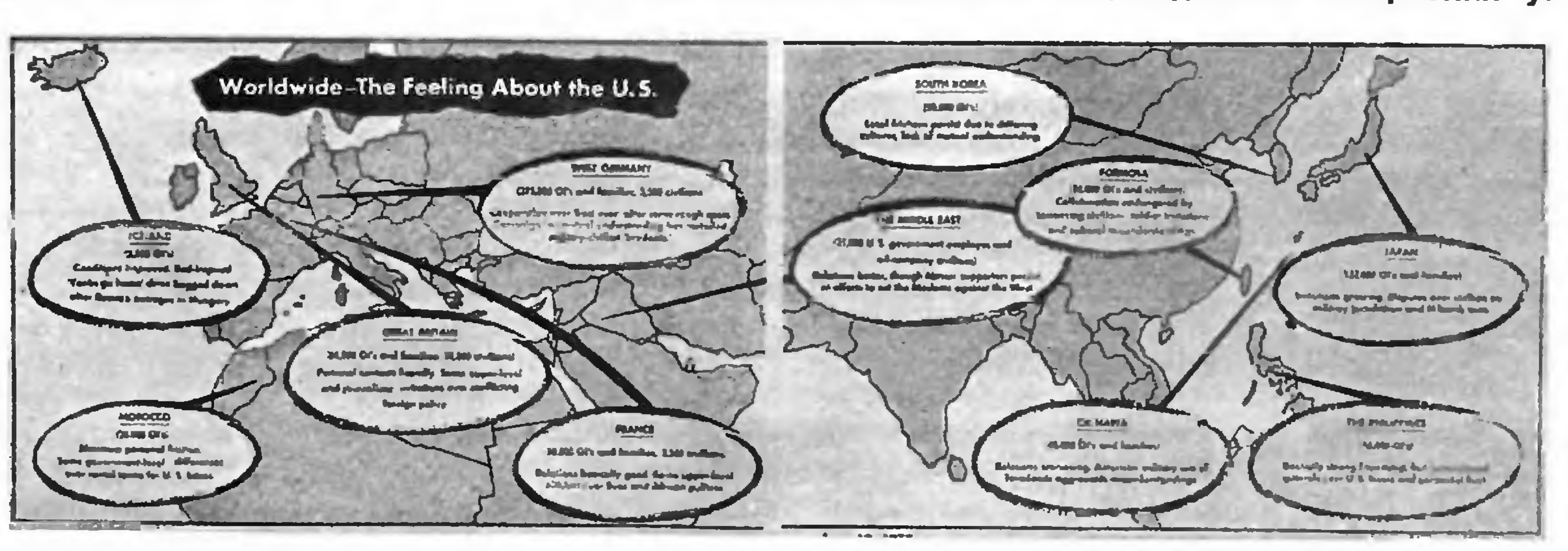
В ИНДИИ И СТРАНАХ ЮЖНОЙ АЗИИ, продолжает журнал, «отношение к американцам обусловлено общим недоверием к внешней политике США... Антиамериканские настроения... распространяются от Карачи до Манилы. Времена изменились, и многие жители Азии сравнивают американцев с ненавистными им европейскими «колонизаторами»...

НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ также, признает «Ньюсуик», «враждебные настроения углубляются». И только в Западной Европе, как представляется журналу, отношение к американцам стало «сейчас в общем лучше».

Мы не можем сказать, на каком основании журнал пришел к подобному выводу. Но как иллюстрацию к нему приведем некоторые цифры, о которых напомнил другой американский журнал, «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт»: по официальным данным США, в течение 1956 года иностранные суды предъявили 14 394 обвинения в совершении разных преступлений американскими военнослужащими. В настоящее время в тюрьмах других стран находятся 88 американских военнослужащих, из которых 38 человек сидят за грабеж, 18 — за оскорбление действием, 14 — за изнасилование, 8 — за убийства и т. д. Кроме того, в 1956 году в западноевропейских странах произошли 5 643 серьезных автомобильных катастрофы, в которых были замешаны американцы.

Уж не за это ли, по мнению «Ньюсуик», европейцы стали «лучше относиться» к оккупантам?!

В. ПАВЛОВ

Отношение к американцам за границей. Схема из журнала «Ньюсуик».

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр **КОВАЛЕНКОВ**

Фото автора.

Союзница

Морским маневрам, авиадесантам,
По сути дела, ты совсем чужда,
Художникам, поэтам, музыкантам
Об этом говоря лишь иногда.
Как будто различать тебе не нужно,
Кто друг, кто враг, кому грозит разбой.
Ты, говорят, природа, равнодушна
И незачем беседовать с тобой.
Но с той поры, как радиоволною
Твоей души коснулся человек,
Обманчивой, тревожной тишиною
В тебе живет наш беспокойный век.
Пульсацией локаторов пронизан
Твой каждый лист и каждый твой цветок;
За сотни верст взирает телевизор,
Как пьет росу пчелиный хоботок.
И, может статься, ты сама желала,
Чтоб всюду и везде могло звучать:
«Во поле березонька стояла...
Некому березу заломать...»
Но, скажем, для чего сосне иль пальме
Рапсодия заржавленных кастрюль,
Мяуканье кота в ослиной спальне,
Реклама войн и атомных пилюль!
И каждый день и час все в том же роде
Терзает слух бесстыжая струна,
Как будто нет гармонии в природе,
Да и сама природа не нужна.
Нет, ты теперь навек в союзе с нами,
Зеленая держава всей земли!
Ты Прометею зажигала пламя
Не с тем, чтобы детей твоих сожгли.

Не гневайся, прости меня за смелость;
Сама об этом скажешь в должный срок;
Но так в лесу сегодня птицам пелось,
Так солнце в зеркала твои смотрелось,
Такой был день, что я молчать не смог!

Гарь

Странный, непонятный интерес,
Оторопь и даже страх, пожалуй,
Испытал я, встретив обветшалый,
Черный и пустой, горелый лес.
Крематорий сказок и чудес,
Погребенье песен недопетых
Я нашел, узнал в твоих приметах,
Черный и пустой, горелый лес...

Ау!

Веселые лесные острова;
Их омывает волнами трава,
Прибой ромашек, солнце и роса
Среди озер пшеницы и овса.
Мне так знакомы эти берега:
Сухие муравьиные стога,
Грибные тайники березняка,
Лосиные следы у родника.
Я здесь в гостях у прошлого живу,
На облаках в грядущее плыву,
И детство не во сне, а наяву
Приветствует меня своим «Ау!»

Пейзаж

Белый терем облаков над рощей,
Самолетов реактивный росчерк...
А в лугах медовое томленье,
Горицветов рыжая гурьба,
Вспышки пчел, стрекоз перемещенье,
Синих колокольчиков гульба...

Петухи поют, пестрит ромашка,
Липа сыплет желтую пыльцу.
Вышитая русская рубашка
Лету удивительно к лицу.

Весенний простор

Николай **РЫЛЕНКОВ**

* * *

Родник из-под камня пробился,
Струится, ни мал, ни велик.
И как же я в детстве дивился
На этот чудесный родник!

К нему приходил я с рассветом
От дома тропинкой прямой.
Струя не скудела в нем летом
И не замерзала зимой.

Прозрачный, спокойно журчащий,
Всегда напоит он людей...
И я повторяю все чаще:
Вот так бы и песне моей!

* * *

В лесу, где дрозды промывают глаза
Под первым весенним дождем на рассвете,
Все голо еще, лишь одна дереза
По мху разбросала зеленые плети.

Она и под снегом себя сберегла
И первая вышла, весну принимая.
Мы в детстве бежали за ней из села,
Готовясь к веселому празднику мая.
Ее мы охапками в школу несли
И свежестью леса колючей дышали.
Какие венки из нее мы плели,
Какими гирляндами зал украшали!

Какие она навевала нам сны
О счастье, о дружбе к ровесницам скромным!
Что ей до того, что до новой весны
О ней мы, наверно, ни разу не вспомним?

Нам юность немало цветов принесет,
Не раз позовет нас за синие реки,
Но годы пройдут, мы поймем в свой черед,
Что первых друзей не забыть нам вовеки.

* * *

Вновь сквозь дым паровоза
Чую горечь берез,
А запахло березой —
Время сеять овес.

И стою у окна я,
Чтоб поближе к весне...
Тяга, что ль, земляная
Пробудилась во мне?

Все поля и полянки
Мне весной по пути.
На любом полустанке
Здесь готов я сойти.

С трактористами вместе
Ночевать, зоревать,
Первым сельские вести
От грачей узнавать.
Ждать с туманного плеса
Теплых ливней и гроз.
Распустилась береза —
Время сеять овес.

* * *

Наломала я черемухи,
А чем ее связать?
Полюбила чернобрового,
А как ему сказать?

Из косы я ленту выплету,
Черемуху свяжу!
Встречу милого, любимого,
Глазами все скажу!

* * *

Весну в тени деревья спрятали
И не боятся одиночества.
Я провожу друзей-приятелей,
А уходить домой не хочется.

В саду притихнувшем послушаю,
Где теплый свет стекает в лужицы,
Как поздний шмель гудит над грушею,
Пчела над яблонею кружится,

Как спорят с ветром-непоседою
Рябины вздохами влюбленными,
И, как с друзьями, побеседую
С неразговорчивыми кленами.

Потом, осыпан цветом вишенным,
Приду к тебе, моя бессонница,
И, полон виденным и слышанным,
Пойму, что ты всему виновница.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

·Повесть

А. РЕКЕМЧУК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

4

— По какой области едем? — спросил Гоголь.— Вологодская?

— Нет, уже Архангельская,— ответил Степан Бобро.

— И у них, значит, дождь...

Алексей Дённов досадливо задвинул окно шелковой занавеской с ведомственным вензелем «МПС».

Потому что уже вторые сутки за окном вагона виднелись лишь потоки воды. Вторые сутки поезд шел в дожде.

Скучная погода.

От скуки Алексей, Степан и Гоголь уже в который раз отправились бродить по вагону. Добро, купе в вагоне незакрытые: ходи и смотри, как живут в дороге люди.

Люди жили по-разному. Иные все время спали, иные все время закусывали, иные вели долгие беседы.

Олежка, пассажир дошкольного возраста, сынок Ивановых, тоже едущих в «Севергаз», докучал и спящим, и закусывающим, и беседующим. Озорной такой парнишка.

Сам Иванов, собираясь бриться, повесил на крючок широкий точильный ремень и шлепал по нему опасной бритвой. Шлепал и косился на Олежкино озорство, приговаривая:

— А вот я сейчас наточу ремень!.. Наточу и всыплю кому следует...

— Не всыплешь, небось,— хорохорился Олежка.— О, дядя Степа пришел!

Дядя Степа — Степан Бобро — сажал мальчишку на ладонь и поднимал к самому потолку. Олежка умолкал от страха.

Продолжение. См. «Огонек» № 27.

— Уроните,— беспокоилась Иванова.

— Не уроню,— успокаивал Степан и ронял мальчишку себе на грудь. Мальчишка весело визжал, рвал Степану уши и требовал:— А ну, еще!

— Наточу ремень и всыплю,— обещал Иванов.

Дуся Ворошиловградская, свесив с полки свою густоволосую голову, долго смотрела на эту возню, на Олежку, а потом вздохнула:

— Мне бы такого... Только девочку.

Гоголь подмигнул Алексею. А Степан Бобро зарделся, как маков цвет, и сказал, обращаясь к Дусе:

— Тоже, значит, детей обожаете?

— Не ваше дело,— ответила Дуся и улыбнулась Алексею.

В соседнем купе беспрерывно звенел властный женский голос. Он принадлежал Рытатуевой — могучей тетке в цветастой шали. Ей же принадлежал смирный и щуплый, в полосатой сатиновой рубашечке мужчина Рытатуев. Именно он завербовался в «Севергаз». Рытатуиха же ехала на правах домохозяйки. Его хозяйки.

На столике содрогалась бутылка водки. Ломоть розового сала, ржаной хлеб. Рытатуева наливала себе стаканчик, мужу — полстаканчика. Тот выпивал, утирал губы вышитым платочком и снова сидел смирно. Рытатуиха же после стаканчика крякала молодецки, закусывала розовым салом, никого больше не угощала, зато услаждала все купе речами:

— Я и говорю: выгодней всего поросятами жить... Мы, к примеру, поросятами жили. Парочку откормим, заколем — на базар. Опять заведем парочку... А теперь, как положили налог, выгоды нету. Вот мы и решили на Север переехать. На Севере разрешается. Не кладут налога... Нехай мой в какое-нибудь производство поступает, а я поросятами займусь. На, Ванечка, выпей...

Ивану — полстаканчика, себе — стаканчик.

После этого стаканчика Рытатуева сомлела, отвалилась к стене и завела частушку:

Горе, горе, муж — Егорий,
Хоть бы худенький Иван...

Себе же самой ответила:

У меня вот муж Иван —
Не дай, господи, и вам...

Сама же подавилась от смеха:

— Ей право, второго Ивана за свой век изнашиваю!.. Первый муж у меня тоже Иваном был. Раком извелся, помер. А этот Иван у меня второй. Ты, Ванечка, больше не пей... Хилый он,— разъяснила Рытатуева.— Сто граммов выпьет — целый день пьяный. Проснется с похмелья, воды попьет — опять пьяный.

Иван-второй внимательно слушал жену, часто моргая. А жена налила себе еще стаканчик, розовым салом закусила.

— Может, сходим пообедаем? — посмотрев на все это, сказал Степан Бобро Алексею.

Гоголь тоже пошел с ними.

В вагон-ресторане было людно, однако свободный столик нашли. Бобро вслух, с выражением прочел меню и после долгих сомнений заказал половину всего, что было там обозначено.

Алексей протестовать не стал. Не каждый день рассиживаются они по ресторанам.

А Борис Гоголь сказал официанту:

— Яичницу. Отдельно мне посчитайте.

Когда же официант все записал, как ему говорили, и ушел на кухню, Гоголь усмехнулся:

— Это разве ресторан? В ресторане оркестр должен быть. И туда с девочками ходить надо. Чтоб не зря деньги тратить... Между прочим,— снова подмигнул он Алексею,— ты с этой, коротенькой, не стесняйся: порядочные дома сидят, женихов ждут, а не по свету за ними гоняются.

— У нее нету дома,— возразил Алексей.— Сирота.

— С тебя и спрос меньше.

Когда Гоголь за свою яичницу заплатил и пошел вон из ресторана, Степан тяжело посмотрел ему вслед и сказал:

— Такой он... предпоследняя сволочь.

Официант принес две никелированные кастрюльки с дымящейся солянкой. Поверху там в сметане плавали тощие колесики лимона — одни спицы да обод. Однако все равно солянка была вкусная, забористая. Она еще потому была очень вкусной, что нет вкуснее той еды, которая в движении: когда дробно позвякивает ложка о край кастрюльки и еле-еле плещется на ходу в бокале ясное пиво.

— Ты по какой специальности собираешься работать? — спросил Алексей.

— А я не знаю... Придется новую изучать. Или в разнорабочие.

— Не имеешь разве?

Бобро сдвинул белесые, невидные свои брови:

— Я не имею?.. Первого класса шофер. Водитель.

— Чего же?..

Степан медленно покачал головой. Налил в рюмку. И Алексею. Они выпили и запили пивом. На поворотах вагон заносило, бутылки кренились. Официанты хватались за столы.

Наверху в репродукторе уже давно вели разговор Тарапунька со Штепселем. Но слышно их было плохо из-за стука колес, из-за плотного шороха дождя по крыше. Будто еще двое людей ведут интересную беседу за соседним столиком.

Некоторые от водки багровеют. А Степан Бобро бледнел. Явственней проступали веснушки, проступали под кожей широкие скулы.

— Я ведь за то и попал. По шоферской судьбе... Ты, небось, подумал: ворюга? Подумал? Говори!..

— Ничего я не думал,— уклонился Алексей.

— Девочку я убил. Машиной. Насмерть убил.

Степан сторожил взглядом лицо Алексея. И, должно быть, не туда Алексей отвел глаза: Бобро уставился на бутылку, постучал ногтем по стеклу:

— Из-за этого? Нет. Трезвый был. Только из гаража выехал... А она через дорогу. Тормознуть не успел... Так... Потом ее мать на суде выступала, учительница, оправдать просила. Плачет и просит... Три года мне дали.

Степан стал смотреть в окно.

По окну — с той стороны — змеились и дрожали вместе с вагоном струйки. А дальше хлестал отвесный дождь. Полая осенняя вода лилась с сумеречного неба. Кюветы почти до краев налиты водой. Мокрые, по-собачьи взъерошенные елки уткнулись в воду лапами: никуда не убежать, нет на этом свете сухого места. За ними клубился сырой туман, похожий на тучу.

— Три года. Ну, я и обжаловать не стал. Насмерть ведь... Сидел честно. Работал. Только всякой грязи порядочно набрался. Какую отмоешь, а какую... видал у доктора, что на мне нарисовано? Так это в первый месяц, с горя. И не то, чтобы с горя, уговаривали очень. С ножом... Там, брат, всякие мастера есть. У них, я думаю, цель — побольше переметить, чтобы с этой метой ты навсегда, по рукам и ногам, ихний...

Усмехнулся. И тут же нахмурился.

— Только за руль я больше не сяду. Никогда.

Он будто глубоко вздохнул — глотнул холодного пива. Глаза прикрыл веснушчатыми веками. Помолчал.

— А та девочка... у нее косички были.

«Напьется»,— предположил Алексей. И позвал:

— Сколько с нас?

Прошли через три вагона. В четвертом, своем, в тамбуре стояла Дуся, смотрела в окно.

Алексей хотел мимо пройти: не отставать

же от товарища, с которым только что вели разговор по душам. Степан же, наоборот, увидев Дусю, стал топтаться в тамбуре.

А Дуся повернулась к Алексею и сказала:

— Постоим здесь, Алеша? Посмотрим в окно.

Степан покорно вышел.

Смотрели в окно. В нем ничего не было видно, кроме темноты, кроме потоков дождя.

Сюда, в тамбур, да и в самый вагон к ночи приходил крепкий холод. Не топили, потому что еще был сентябрь. Но сентябрь не везде одинаковый. Поезд шел прямиком на север.

— Зябко,— поежилась Дуся и прижалась плечом к Алексею.

Возможно, ей самой было зябко, но сквозь рукав гимнастерки, сквозь полушерстяной рукав темного ее платья Алексей ощутил живое, греющее тепло.

Он решился и обнял круглые Дусины плечи одной рукой. При этом Алексей внимательно вглядывался в темное окно, вроде он даже представления не имеет, не знает, что делает его левая рука, будто она сама по себе. Он рассчитывал, что Дуся, по извечному девичьему обыкновению, тоже сделает вид, что ничего не произошло, даже вот не заметит, что ее обняла какая-то несмелая рука: до того интересно за окном.

Но Дуся заметила сразу. Сразу повернулась к Алексею и всем своим коротеньким, плотным, теплым телом прильнула к нему. Забросила руки за его шею, прикрыла глаза...

Поцелуи были очень протяжные, долгие настолько, что хватало времени прислушаться к ходу поезда, к шороху дождя на крыше. Можно было даже думать.

Алексей, например, подумал: «Вот было время, когда я обнимал, целовал Таню. Любил ее. А теперь вот эту. Уже ее люблю. Значит, ничего страшного. Все очень просто и замечательно».

Было замечательно. Он осторожно гладил Дусины волосы, чувствуя ладонью, до чего они густы и упруги. Потом выяснилось, что щеки у нее и шея даже на ощупь смуглые. Особенно радостно было Алексею, что так близко, так безраздельно прижалась к нему девушка, ладная и теплая, сразу своя. И он снова безошибочно находил ее губы.

«А, может, все это спьяна? — вдруг испугался Алексей.— Все-таки выпили со Степаном граммов по триста...»

Алексей отстранился.

Дуся, как видно, на это не обиделась или же сама решила, что нужно передохнуть. Только руку она оставила на его шее.

— Знаешь, Алеша, если ты хочешь, как приедем, распишемся.

— Можно и погодить.

— Мне очень хочется за тебя замуж выйти...

— Приспичило? — сгрубил Алексей. Сразу вспомнил сказанные Борисом Гоголем слова: «Порядочные дома сидят, женихов ждут...»

Дуся опять не обиделась, но руку с его шеи убрала.

— Дурак ты,— миролюбиво сказала Дуся.— Совсем не приспичило. А замуж мне и вправду очень хочется выйти...

Сказала она это убежденно и будто даже с гордостью.

— У меня ведь своей семьи никогда не было. Была, только я не помню. Даже мамы не помню. Войну помню, а маму нет. И никакой фотокарточки не осталось... У тебя и отец и мать есть, так что тебе трудно понять. А у меня никого никогда не было...

Тут она спохватилась, наморщила лоб, заговорила горячо:

— Нет, опять не поймешь... У нас, в детдоме, очень хорошая жизнь была. Может быть, некоторым детям в своей семье куда хуже живется, чем нам, детдомовским. Воспитательницы, учителя, они, как родные. Им даже и нельзя быть не как родным: такая работа. А подружек — выбирай любую. Можешь какую хочешь выбрать и считай, что сестра... У нас, в детдоме, очень хорошо было, Алеша!

Она помолчала, улыбаясь своим детдомовским воспоминаниям. Потом улыбка сплыла:

— Но все равно это не своя семья. Все-таки каждый там понимает, что нет у него того, что у других есть. Родных нет. Со-всем родных, понимаешь? Ну, вот... А если пожениться, тогда семья получится. Родная, своя собственная...

— Ясно,— кивнул головой Алексей. Одобрительно кивнул.

И Дуся опять улыбнулась, обрадованная тем, что сумела так толково объяснить.

— Еще мне очень хочется, чтобы была своя комната. Наша... Пускай даже поначалу мебель самая ерундовая, но если всяких салфеток понавешать — у меня с собой полчемодана всяких вышивок — и если абажур повесить, разные коврики, получится очень хорошо. И пусть каждый день гости приходят, стряпать я тоже умею, нас там учили. Пусть приходят, верно?

— Пусть,— сказал Алексей.

Он сгреб руками плотные Дусины плечи, опять вслепую отыскал губами ее губы.

И прозрел лишь тогда, когда щелкнула приглушенно ручка двери. В тамбур с бледным фонарем вошел старичок-проводник. Он, должно быть, все видел, потому что притворился, будто ничего не замечает, озабоченно покашлял и сказал:

— К Котласу подъезжаем...

Он-то знал, что им ехать не до Котласа.

5

Посреди ночи прибыл поезд на ту всем известную и очень глупую станцию Березай, где, кому надо, приходится вылезать.

Вылезать, моргая заспанными глазами, спотыкаясь о чужие чемоданы и мешки. Вылезать — и под проливной дождь...

Дождь лил отвесно, крупными и частыми струями. Сразу же капли воды, отыскав нужную лазейку, скользнули за воротник Алексея, сплошной завесой потекла вода с козырька фуражки, захлюпала в сапогах.

Но даже сквозь мутную зыбкую сетку дождя можно было увидеть котловину. А в котловине влажная россыпь огней. Богатая россыпь. Легко повисли гирлянды уличных фонарей. Разноцветье окон в домах — оранжевые, зеленые, желтые. Замысловатое нагромождение всевозможного света — заводы. Там же полыхает мгновениями тонкая голубизна электросварки, приглушенная стеклами и дождем...

Могучее зарево встает над котловиной. Город.

От этого зарева и душе и ногам теплее. Ведь радость остаться сухим ничто перед возможностью обсушиться.

— Красиво-то как! — ахнула Дуся.— Вроде елки. Я бы тут всю жизнь прожила. А ты?

— Поживем — увидим. Что ли тут всегда с неба льет? Вон лужи какие — море...

— Я уж вся сырая,— выбила зубами четкую дрожь Дуся.— Зачем мы никуда не идем?

— А куда идти, знаешь?

Но от станционного здания уже торопились к ним люди в сверкающих кожанках. А может быть, и не в кожанках, просто вымочило их с ног до головы, до блеска.

— Здравствуйте, товарищи! — бодро поприветствовал их передний, видать, главный, но еще молодой.— Хорошо ли ехали?

Каждому по очереди взялся пожимать руки. А потом, когда плотнее обступили его, заговорил по-деловому:

— Значит, так. Работать вы все будете на Джегоре. Машины ждут. Чтобы зря не мокнуть, грузите вещи — и в путь. Подробности на месте.

— Это где же Джегор? — озадаченно спросил из-за чьих-то голов старожил здешних мест Степан Бобро.

— Не близко. Двести сорок километров. Дорога скверная, но к утру будете.

Дождь громко шелестел по размытой земле. Потом к его монотонному шелесту прибавился растущий смущенный гул голосов.

— Что за такой Джегор?

— Двести сорок километров — это ж назад почти полпути...

— Знать не знаем: мы в «Севергаз» вербовались! — зазвенел голос Рытатуевой.

— Товарищи,— с легкой досадой, но вроде бы не очень удивляясь возникшим словопрениям, снова стал говорить молодой главный.— Джегор — это и есть ныне район основной деятельности нашего комбината. Люди нужны именно там, а не в другом месте. В оргнаборе вас предупреждали...

— Ничего не предупреждали!

Зашумели. Стало вдруг слышно: спросонья

заплакал Олежка у отца на руках. Намок, должно быть.

Главного будто стеганули, вскинул подбородок:

— Кто здесь с детьми?

Ивановы протискались вперед. Олежка так же внезапно замолк.

— В пункте оргнабора знали, что вы едете с ребенком?

— Говорил...

— Черт знает что! — выругался главный, оглянулся на своих спутников, досказал им остальное глазами. Потом Иванову: — Идите к вокзалу, там стоит «Победа», отвезет вас. Останетесь в городе...

И хотя за Олежку тут же все в душе порадовались, теперь стало всем приблизительно ясно, что сулит им неведомый Джегор. Гомон прянул с новой силой. Звенела Рытатуиха:

— А мы тоже желаем в городе!..

— Нет, что ли, тут работы?

— Товарищи,— снова, как речь, начал молодой главный.— Каждый день мы снимаем с предприятий города и отправляем на Джегор сотни кадровых рабочих. Ни о чем другом не может быть и речи, только Джегор!..

— Будем тут до утра воздух языками лопатить! — сплюнул в сердцах Алексей Дёнов.

Только что из армии, он еще заново не привык к гражданским спорам и чувствовал к ним благородное презрение человека, привыкшего к языку приказа и рапорта о выполнении.

Тем более, что он уже заметил, как Гоголь, взметнув на плечо свой мешок-сидор, пошел к машинам: две пары одинаковых глаз просвечивали невдалеке пелену дождя.

— Пойдем, Алешенька? — в лад подсказала Дуся.— Надоело мокнуть. Какая разница, Джегор или не Джегор, если вместе. Правда?

Не ответив ей, Алексей подхватил чемоданы и двинулся на свет фар.

Два грузовика с крытыми кузовами терпеливо и ровно басили включенными моторами. Смутно белели за стеклами кабин лица безмолвных водителей.

Закинув чемоданы в кузов, Алексей влез туда сам, подхватил маленькое, но весомое Дусино тельце, и они уселись в самой глубине, у дребезжащей стенки. Сели и стали ждать. Ждать им пришлось не очень долго.

Гомон приблизился, задержался где-то рядом, потом раздвоился, и к ногам Алексея с Дусей полетели чемоданы. Продолжая высказываться на различный манер, люди полезли под фанерную крышу. Толклись, менялись местами, как всегда забывая о том, что с первым

поворотом колес всяк окажется на своем месте и дело разрешится к общему благополучию.

— Ни пуха ни пера! — прокричал там, внизу, промокший главный.

— Пошел к черту,— вполголоса ответил кто-то обычая ради.

Двинулись. Вверх-вниз заплясал открытый квадрат фанерного кузова.

Отдалились, расплылись в марево городские огни. Мимо понеслись растрепанные черные тени-елки.

Вторая машина шла следом, щупая фарами колею. И в этом свете тонко серебрились частые нитки дождя.

Машину швыряло и трясло. Надрывно выл мотор.

Порой выпадал ровный участок. Шофер переводил скорость, и грузовик несся, вздымая позади колес широкие гребни воды. А потом опять шли колдобины и выбоины. Перед колдобиной водитель резко убирал скорость, машина замирала, будто над пропастью — и тогда сзади надвигались фары идущей следом. Га-ах!.. Прихлынула к горлу душа. И отхлынула. Вскарабкавшись на бугор, грузовик снова рывком бросался вперед — и уменьшались до лежачего двоеточия фары задней машины.

Трусили с боков черные лохматые елки, нудно одинаковые, бесконечной чередой. Лил дождь.

Дуся положила голову на плечо Алексея и уже вроде негромко похрапывала. И Алексей приник щекой к ее упругим, но мягким волосам. Не смыкая глаз.

Некоторым в кузове тоже не спалось: красные точки цигарок бродили в темноте, то накаляясь, то притухая.

— Обманул, выходит, товарищ уполномоченный...— незлобно так, с усмешкой сказала одна точка.

Вторая, помедлив, ответила:

— Сугубов-то? Он может... Я с ним, между прочим, давно знакомый. В одном районе жили. Работал он там раньше директором конезавода... Однако не получилось у него с лошадьми. Не справился, значит...

Качало.

Только качало уже не грузовик на выбоинах колеи, а лодку.

Алексей круто повернул эту лодку носом к волне, бегущей от кормы парохода, опустил весла. Лодка взлетела... И Таня, Татьяна, ухватившись за борта, рассмеялась, икая от страха. На ней густой венок из ромашек. Белая майка, под которой, ей-богу же, ничего не надето. Руки и шея в золоте июльского загара.

Она смеется. Алексею же не до смеха: он глаз отвести не может от этой шеи, рук и майки.

«Татьяна,— задумчиво спрашивает он,— почему ты такая красивая?»

«Чудак-человек,— объясняет Таня,— я же в карамельном цехе работаю».

«Понятно. Но что, если ты меня разлюбишь?»

«Не может этого быть. Я тебя одного люблю. И любила. И буду. Только мне пора Алешку кормить».

«Какого Алешку? — удивляется Алексей.— Алешка — это я».

«Ты, конечно...» — говорит Таня. Встает на корму и прыгает в воду.

«Раз, два, три, четыре, пять...» — считает Алексей.

Но из глубины выплывает один лишь ромашковый венок. Покачивается на волне. Татьяны же нет.

Алексей наклоняется и видит песчаное дно. Золотые солнечные змейки вьются по песку. Пескари не спеша, шажками плывут против течения. А Татьяны там нет.

Тогда он складывает рупором ладони и кричит:

«Таня! Татьяна! Вылезай, простудишься... Таня!»

И просыпается от толчка. Чахлые елки мчатся обок дороги. Хлещет по фанерной крыше вода.

В темноте испуганно смотрят на него глаза девушки. Но это вовсе не Татьяна. Ее зовут... Дусей зовут.

— Ты кого звал? — спрашивает она.— Приснилось?

— Приснилось...— глухо отвечает Алексей и плечом отстраняет от себя эту невесть откуда взявшуюся девушку.

Она обиженно молчит. Но тут же опять засыпает и снова роняет голову ему на плечо. При этом задевает щекой щеку Алексея, и он чувствует на ее щеке влажный след. Слезу.

6

Потом он снова проснулся.

Проснулся и стал соображать, где находится. Полка под ним не вздрагивает на стыках — значит, не поезд. Не швыряло из стороны в сторону на колдобинах — значит, не кузов грузовика.

Однако вокруг темень: глаз выколи — так же будет.

Вспомнил...

Кажется, они очень долго ехали, а потом приехали. Из дождя в дождь. Выглянул из крытого кузова — и сразу окатило. Ни зги нельзя было разглядеть. Возле машины появились чьи-то карманные фонарики, но они ничего не освещали, кроме тонких струй воды...

— Добро пожаловать,— сказал чей-то простуженный голос.

Они пошли следом за фонариками. Оказались под крышей. Алексей не успел вникнуть в подробности и, нащупав сухое логово, свалился на него...

Теперь подробности начинали помалу проясняться. Сперва напротив выделился из темноты, засинел квадратик окошка. Потом квадратик поголубел: рассветало. И вместе с ним проступили на соседних лежанках разные предметы: простыни, подушки, рубахи и прочая белизна. Даже чьи-то две мосластые ступни, торчащие из-под одеяла, удалось разглядеть Алексею.

Квадратик из голубого стал серым. Тогда Алексей увидел комнату с дощатыми стенами, печку-буржуйку, нары в два этажа. Мосластые ступни, как оказалось, принадлежали Степану Бобро, который сосредоточенно спал.

А через несколько минут сделалось уже так светло, что Алексей разглядел на ногах Степана слегка расплывчатые буквы. Принапрягши свое гвардейское зрение, Алексей прочел на одной ноге «Мы устали», а на другой «Отдохнем».

Он от удивления чихнул, и тотчас ноги застенчиво улизнули под одеяло.

Алексей поднялся с лежанки, повертел ноющей шеей и открыл дверцу дощатой комнаты.

Дождь прекратился, но, должно быть, временно: лохматые тучи курились низко, прямо над вершинами влажного леса. Лес выглядел пестро и необыкновенно: зеленые елки стояли вперемежку с елками желтыми, канареечной желтизны. Желтые елки вообще-то не елки, а лиственницы, готовые сбросить на зиму хвою, но Алексей не знал, что это лиственницы.

Отойдя шага два, он обернулся, чтобы полюбоваться домом, в котором спал эту ночь. Но дома не оказалось. Вместо дома стояла деревянная будка — тракторный вагончик. Не на колесах, а на полозьях: так его можно таскать круглый год — и по снегу, и по грязи.

Еще десяток вагончиков выстроился по обочине дороги. И в некоторых из них уже пробудилась жизнь.

— Разве это дома? — звенел голос Рытатуевой.— Это не дома, а халабуды! Так бы и писали в бумажке: «Предоставляются халабуды». Брехуны паршивые, чтоб вас...

Она бомбой вылетела из своего вагончика, подтягивая на ходу розовые резинки чулок. За ней выбрался Иван-второй, еще несколько человек. Все с лицами злыми, докрасна раскаленными рытатуевской агитацией.

— Завезли, я говорю, к чертяке на рога! Так тут еще в халабудах жить!.. — разорялась Рытатуиха.

А публика прибывала. Стали выглядывать изо всех дверей. Из некоторых вагончиков появились люди, незнакомые Алексею, не из их группы, одетые по-рабочему, с лопатами, топорами и всяким другим оружием. Они подошли поближе и стали с большим интересом слушать, как Рытатуиха выходит из себя.

— Я уже все тут разузнала: армейскую столовку на лошадях привозят, а заместо магазина автобус ездит... Да чтоб я в том проклятом автобусе хоть щепоть соли купила?.. Ни за какие деньги!..

Тут один с лопатой так обрадовался дармовому представлению, что заорал тем, которые возле вагончика умывались:

— Братцы, идите сюда! Опять диких привезли...

Рытатуева завострившимися глазами пронзила этого, с лопатой, воткнула кулаки в пышные свои бока:

— Диких? А вы какие будете?

С лопатой усмехнулся и сказал членораздельно:

— А мы кад-ро-вые. Поняла, баба?

И, торжественно повернувшись, пошел себе, помахивая лопатой. Остальные кадровые тоже, свысока поглядывая на вновь прибывших, повернулись и пошли. Лопаты у них, между прочим, были удивительные: с перегнутым пополам совком.. Такие, должно быть, одним кадровым выдают.

Они погрузились на машины и уехали. На работу.

А из другого вагончика вышли трое. У одного — это он ночью с фонариком встречал приезжих, поскольку состоял здесь прорабом,— очень колкий вид: торчат усы, торчит карандаш за ухом, торчит трубка во рту. Несмотря на это, человек он добрый. Второй — маленький, тщедушный, в пенсне, с портфелем и грозно выглядывающей из-за спины малокалиберной винтовкой — разъездной кассир.

Третий — уже немолодой, сутулый, но крепкой стати мужчина в плаще с капюшоном. Голова у него несоразмерно телу крупна, с мясистым носом и большими губами. Седые брови. Причем голова все время наклонена впе-

ред, будто человек старательно вслушивается.

И не случайно: Устин Яковлевич Храмцов, главный геолог комбината «Севергаз», глух.

Правда, его выручает техника: в кармане Устина Яковлевича лежит черная эбонитовая коробочка, от коробочки тянется шнур со штепселем, штепсель этот втыкается в ухо. Машинку Храмцов купил в Америке во время одной из научных командировок, очень его дорожил и включал лишь при деловых разговорах, на пленумах, а также в том случае, если по радио передавали Скрябина.

Между прочим, среди разведчиков Печоры и Тимана серьезно поговаривают о том, что машинка атомная, что с помощью атомной машинки главный геолог слышит, где под землей залегают нефть, газ и разные другие полезные ископаемые. Ходит и слушает...

Это, конечно, неправда. Будь у Храмцова такая машинка, ему не пришлось бы пережить в своей жизни многих горьких дней.

Ученый с мировым именем, он одним из первых предсказал продолжение знаменитого нефтегазового меридиана Баку — Сталинград — Саратов — Куйбышев — Татария — дальше на север, параллельно Уральскому хребту.

Однако земные пласты почему-то не пожелали подтвердить гипотезу Храмцова. Скважины давали нефть, но так мало, давали газ, но так редко, что у бухгалтера комбината кредит не сходился с дебетом: деньги летели в трубу.

В различных комиссиях и коллегиях на Храмцова кричали. Его обличали. И даже разоблачали...

Но он нашел то, что искал. Он открыл гигантское месторождение природного газа. Страна услышала: «Джегор»...

Десятки турбобуров уже пробивались на Джегоре к заветным глубинам. Но это еще не было решением задачи: в самый короткий срок исследовать, освоить новые площади и дать газ городам Урала. Джегор оставался островком, потерянным среди лесов Верхнепечорья. Островком, окруженным рыжей трясиной — не подступиться...

Нужна дорога. Нужна дорога. Нужна дорога.

Она строится уже несколько месяцев. Условия тяжкие. Автомашины здесь через две недели идут в капитальный ремонт, а бульдозеры — в железный лом. Здесь могут выдержать только человеческие руки и человеческие сердца. Но их не хватает, рабочих рук. Предприятия города послали на строительство своих лучших людей, но этого мало. Приезжают люди через оргнабор...

«...Вроде этой дамы в шали с цветами, — вздыхает Устин Яковлевич и, наклонив голову, слушает Рытатуиху.— Право, какая неприятная дама!»

— Чтоб я в этой халабуде еще ночь проспала? Да ни за какие деньги!..

— Вы закончили? — спрашивает Устин Яковлевич.— Тогда позвольте мне...

— Нечего народу рот затыкать! — снова вскипает Рытатуева.— Разве вас так Коммунистическая партия учит?

Храмцов содрогается, как от боли.

— Замолчи ты,— басит Степан Бобро,— чего мелешь?

— Товарищи,— говорит Храмцов.— Насколько я понял, в пункте оргнабора вас неправильно информировали об условиях работы в комбинате «Севергаз». Вам обязаны были показать специально разосланное письмо. И не показали...

— Значит, обманули? — тяжело дыша, спрашивает кто-то из-за плеча Алексея.— Вы прямо скажите: обманули нас или не обманули?

Храмцов поднимает глаза и, чуть помедлив, отвечает:

— Обманули.

— Ну, то-то...

В голосе из-за плеча слышится теперь полное удовлетворение.

— Мы строим дорогу на Джегор,— продолжает Устин Яковлевич.— Эта дорога крайне необходима для того, чтобы дать народу богатое месторождение газа. Да-да, такого же, каким пользуются москвичи, ленинградцы, киевляне, во многих других городах... Строительство трудное: здесь тайга, болота. Мы платим строителям, кроме северной, еще и полевую надбавку, приравниваем их труд к труду разведчиков. Но там, где полевая надбавка, есть и полевые условия... Вот эти вагончики.

Все оглядываются на вагончики. На мокрый лес. На колеи дороги, налитые водой.

— Заканчиваю. Те, которые согласны работать в полевых условиях, завтра должны выйти на трассу. Кто не согласен, может уезжать: машину мы предоставим... А о махинациях отдела оргнабора сообщим куда следует. Обязательно.

— Работа какая будет: ломать или делать?— опять басят из-за спины.

— И то и другое. Частично вручную...— Тут Храмцов потер лоб, вспомнил:— Товарищи, нет ли среди вас шоферов?

Алексей отыскал глазами Степана Бобро. Степан этот взгляд заметил, побледнел и задвинулся за чужую спину. Голова все равно возвышалась.

— Нет? — повторил вопрос Храмцов.— Класс не важен... Значит, нет. Часть работ придется выполнить вручную. Лопатой.

— А сам-то ты пойдешь лопатой махать?— взвизгнула Рытатуева.— Или ручки марать не станешь? Заставим! У нас все равны...

Устин Яковлевич поморщился и выдернул из уха шнур. Кивнул всем головой, зашагал к дороге.

Только теперь дошел до Алексея смысл последней фразы, сказанной Храмцовым. Как же так: значит, и его специальность здесь не нужна?..

Алексей догнал главного геолога, обогнал. Тот заметил, остановился, вежливо включил машинку.

— Товарищ начальник...— задохнулся от волнения Алексей.— Разрешите обратиться... У меня профессия. Дизеля... В оргнаборе сказали: пригодится здесь... Теперь мне, что же, уезжать?

Храмцов заинтересованно поглядел на неспоротые петельки от погон на Алексеевой шинели, на его фуражку с невыцветшим пятном, а также на его весьма симпатичное лицо.

— Дизелист? Это хорошо. Очень хорошо. Незачем вам уезжать.

Устин Яковлевич достал из кармана часы — небольшой такой, портативный будильничек,— посмотрел и сказал:

— Через час я отправляюсь на Джегор. Рекой. Поедете вместе со мной...

Когда Алексей вернулся к вагончикам, там дружно галдели. Каждый про свое. Про то же самое. Кассир с портфелем и малокалиберкой сидел в сторонке и скучал. Прораб с торчащими усами гремел возле склада лопатами: делал переучет. А Борис Гоголь гулял вокруг да около желтых елок и собирал грибы в свою кепочку. Он один получил уже деньги и оформился по всем статьям для начала трудовой деятельности.

В это время по дороге, лихо разбрызгивая грязь, подкатил автомобиль марки «козел». Из «козла» вылез толстый гражданин и направился к галдящей толпе, приветственно помахивая ручкой.

Увидев его, кассир перекинул оружие наизготовку, а прораб, побросав свои лопаты, свирепо ринулся навстречу.

— А ну, вертай назад, сукин сын! Вертай, говорю... а то сейчас я тебе нанесу физическое оскорбление! Вертай, подлая твоя душа...

Прораб прыгал перед толстым, расставив руки и преграждая дорогу. Но толстый шаг за шагом упорно продвигался вперед и возражал:

— Нанесешь — сядешь от пяти до пятнадцати суток.

— Сяду, а нанесу! — не пускал прораб.

Но люди уже обратили внимание на этот инцидент и гуртом шли навстречу. А толстый им улыбался и помахивал ручкой.

— Персональный привет от коллектива Печорского леспромхоза! — бодро прокричал он.— Предлагаю следующие условия: отдельные квартиры в благоустроенном поселке, выслуга лет в лесной промышленности, прогрессивка, всесоюзные премии за систематическое перевыполнение плана!.. Механизация труда на двести процентов!.. Курортное место на берегу Печоры...

— Повадился, орел-стервятник! А ну, вертай!..— надрывался прораб.

Но его оттеснили.

— А скот в личном пользовании можно? — даже раскраснелась от вожделения Рытатуева.

— Всячески поощряем. Выдаем ссуды на обзаведение,— ответил толстый.— Заливные пастбища и лучший орс района!

— Иван! Где ты?— зычно позвала Рытатуева.

— Тута...— ответил из толпы Иван-второй.

— Собирай барахло.

— Прошу вас, гражданочка, вернуть аванс, выданный на дорогу,— заметил оказавшийся рядом малокалиберный старичок-кассир и поправил пенсне.

— А что? И верну! — взъярилась уже на него Рытатуева.— У вас тут, с этими халабудами, видать, не скоро коммунизм построишь. Верну...

Она задрала подол, вытащила из-под него тряпичный сверток, развернула — деньги.

— Сколько надо?

Алексею вдруг стало муторно на душе: не завтракал. Он выбрался из толпы и пошел к своему вагончику. Там тоже долго не сидел: назначенный час уже истекал.

Вышел из вагончика с чемоданом. На пороге столкнулся с Маркой-цыганом. Марка увидел чемодан и жалобно оскалил жемчужные свои зубы: он всегда от тоски улыбался:

— Уезжаешь, Алеша? Все уезжают... Один я останусь.

И махнул рукой.

У дороги Алексея догнала Дуся. И тоже спросила:

— Уезжаешь?

— Еду. На Джегор. С главным геологом договорился.

— А как же я?

Дусины глаза заморгали очень часто. Но не плакали: выжидали ответа.

— Что тебе я? — разозлился Алексей.— Тебе просто мужа надо, не меня...

Почувствовал: грубо. И объяснил помягче:

— Ты не обижайся. Тогда я тебе забыл сказать: другая у меня девушка...

И вместе с глотком влажного ветра проглотил слово «была...»

Дуся повертела концы платка, подумала и протянула руку:

— Тогда, Алеша, я желаю тебе счастливого пути.

Алексей стал трясти Дусину руку и увидел: далеко, возле вагончика, стоит, прислонившись, Степан Бобро. Смотрит, как они прощаются с Дусей.

Продолжение следует.

До встречи в Москве!

В фойе студенты Берлинского экономического института обсуждают свои шансы на поездку в Москву. Здесь, в Лейпциге, они как будто пользовались успехом, но все-таки волнуются за судьбу своего эстрадно-сатирического обозрения.

Андрей НОВИКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Вечером вход в Лейпцигский конгресс-зал осаждает толпа — юноши со скрипками и аккордеонами, девушки в живописных национальных нарядах.

Здесь должен состояться заключительный концерт Центрального праздника народного искусства. Звуки саксофона порой вырываются из двери «Рихард Вагнер зала», а сочиненные рабочими угольного комбината сатирические песенки звучат возле зала, носящего имя Гейне. Более сорока восьми часов жюри, состоявшее из музыкантов, актеров, представителей общественных организаций, драматургов, слушало выступления трех с половиной тысяч юношей и девушек, приехавших из разных концов Германской Демократической Республики. Выступали хоры и оркестры, танцевальные коллективы, солисты, небольшие самодеятельные ансамбли.

До этого праздники народного искусства проходили на заводах, в институтах, машинно-тракторных станциях, сельских клубах. Признанные лучшими съехались в Лейпциг, и вот сегодня решается главное: кто поедет в Москву на Международный фестиваль молодежи?

Ютта и Лотта Каллин приехали из Вернигероде (область Гарц), где они работают на заводе. «Йодль» (тирольская песня) звучит в их исполнении превосходно. Им всего по семнадцати лет,— впрочем, Ютта на тридцать минут старше.

Оказывается, чтобы повлиять на решение жюри, нужно сжать кулаки и повторять «магические» слова: «Той! Той! Хольц!». Так думают учащиеся школы горняков из Тюрингии, выступающие с программой «Подземные огни».

Жюри решило: студенты Экономического института поедут в Москву! «Едем! Едем!»—это все, что могут говорить сейчас студенты, обнимая друг друга.

Хлеб и порох

Иван РЯДЧЕНКО

Земля родная

Скажи, земля родная, сыну:
в чем удивительный секрет
того, что каждую годину
мне без тебя покоя нет?

И вся ли ты открыта взгляду,
и в сердце ты или в горсти,
одна ты можешь дать отраду,
судить,
возвысить
и спасти!

Случай в автобусе

Мы видели в Чехии
много селений подряд.
На площади каждой
солдат или маршал
стоят.
Солдат или маршал
с родною советской
звездой.

И слушает бронза,
как ветер шумит
молодой.

Но бронза есть бронза,
и ей языка не дано.
Мне вспомнилось ныне
одно происшествие
в Брно.

Мы, группа туристов,
уселись в автобусе,
но
осталось незанятым
первое место
одно.

Я ранее видел
в руках у соседки
букет.
И, как оказалось,
ее-то в автобусе
нет.

— Нашла она брата, —
нам старший по группе
сказал.
И молча рукою
на что-то вдали
указал.
И мы увидали,
где ветер шумел
молодой,
могилы героев,
точеный гранит
под звездой...

Не надо унынья,
не нужно заплаканных глаз
За каждого брата
здесь тысячи братьев
у нас.

Мы двинулись дальше —
осматривать новое
Брно.
Осталось в машине
незанятым
место одно.

Серебряная свадьба

Браслет блистает золотой.
Цветут на тканях маки.
Муж, человек немолодой,
стоит в универмаге.

Найти подарок для жены
трудней всех дел по службе,
когда уверен:
нет цены
ее любви и дружбе.

И хоть тебе не двадцать лет,
а пять десятков ровно,
и под фуражкой зимний след
заметен безусловно,
и свадьба новая у вас
серебряной зовется,
но в стуке сердца,
в блеске глаз
былое остается...

Бутылка кислого вина,
товарищей объятья,
и без пяти минут жена,
и ситцевое платье,
и вместо лампочки свеча,
райком в потемках мрачных,
и злобный выстрел кулачья
над утром новобрачных,
и первый выход за порог,
и всюду неизменно
командировок и тревог
безудержная смена...

Наседкой не сидела, нет!
Жена трудилась тоже.
Но дома ждал его обед,
вздымали тесто дрожжи.
Рожала, нянчила детей,
умела веселиться,
принять друзей,
позвать гостей,
буханкой поделиться.

И знала, помнила она,
что стоят хлеб и порох,
литая тяжесть чугуна
и шелка легкий шорох!

Когда мужчин состав умчал
в военные зарницы,
училась плакать по ночам,
а днем в цеху трудиться...

Сегодня будет стол накрыт.
За ним разделят двое
не горечь мелочных обид,
а счастье трудовое.

Знакома каждая черта:
и строгость глаз веселых,
и точка родинки у рта,
и узел кос тяжелых.

Стоит мужчина, хмурит бровь:
какой купить подарок,
чтоб вечен был,
как их любовь,
и, как любовь их, ярок?..

Тучи

Тучи плывут над силосною
башней,
мечут короткие молнии вниз.
Дождь, как связной между небом
и пашней,
выгнутой плотною сеткой повис.

Грозно гроза ударяет в кресало.
Тучи шумят — поливать не мешай!
Это весна им вчера приказала
громом и ливнем
будить урожай.

Внутри АФРИКИ

• Хартум. Улица в центре города.

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Знойный север

— Это уже Судан,— сказала стюардесса, смуглая юная египтянка с глубокими задумчивыми глазами.

Я посмотрел вниз. От одного вида Нубийской пустыни как-то сразу пересохло во рту и духота в самолете показалась совсем невыносимой.

Ярко-оранжевые, почти красные пески необозримо разметнулись внизу и таяли в лиловом мареве высокого горизонта, безмолвные и мертвые, враждебные всему живому. Из моря песков вздымались, как острова, черные скалы то в одиночку, то целыми архипелагами. Зализанные ветрами, они блестели на солнце, как вороненый металл. Небо было таким же пустынным, как и земля, но незримые могучие воздушные потоки непрерывно и зло встряхивали огромный самолет, неистово резвевший своими четырьмя моторами. Второй левый мотор чихал облачками белого дыма и то совсем затихал, то вдруг яростно грохотал невпопад с остальными.

Мой сосед, чешский дипкурьер, летевший через Хартум в Аддис-Абебу, поминутно вытирая платком могучую шею, говорил:

— Знаете, содруг, нехорошо. Если наши моторы закапризничают и придется садиться здесь... Караваны теперь ходят редко. Как отсюда выберешься? А у меня почта...

Где-то внизу под нами пролегал знаменитый караванный путь из Судана в Египет. Издревле по нему шли караваны со слоновой костью, аравийской камедью — гуммиарабиком, большие партии чернокожих рабов. К конечному пункту доходила иногда треть невольников, захваченных в лесах Центральной Африки, иногда гибли все.

Более ста лет назад Нубийскую пустыню пересек знаменитый русский путешественник Егор Петрович Ковалевский, один из первых исследователей внутренней Африки, замечательный географ, инженер и одаренный литератор. Он писал:

«Пустыня явилась во всем ужасе разрушения и смерти. Остовы верблюдов и быков попадались на каждых десяти шагах, иногда чаще. Ни червяка, ни мухи, ни высохшей былинки: как будто здесь и не было никогда жизни! Низменные, отдельные, разбросанные, до половины занесенные песком горы имели совершенное, поражающее подобие могил. Расположенные на безбрежной песчаной равнине, они придавали ей вид кладбища. Ничего не видел я ужаснее в жизни!»

...Весь север Судана — бесплодные пески. Географы по-разному именуют эту область: одни называют пустыню, лежащую к востоку от Нила, Нубийской, а западную именуют Ливийской — она сливается с великой Сахарой. Другие называют Нубийской пустыней все пространство на севере Судана. Но все исследователи единодушны в одном: тут самое большое скопление песков на земном шаре.

Эти зыбучие пески рассекает с юга на север могучий Нил— единственный источник влаги и жизни в этих местах. Однако полоска плодородных земель здесь чрезвычайно узка, иногда она удаляется от берега лишь на несколько десятков метров, а порою исчезает вовсе: даже Нил бессилен оплодотворить нагие скалы. Деревни попадаются редко. Они всегда затемнены рощицами финиковых пальм, плоды которых нередко служат жителям основной пищей.

Великий Нил — издревле боготворимая река, отец плодородия — иногда сеет смерть и разрушение. Это бывает в годы больших разливов. Такой катастрофический паводок случился здесь десять лет назад. Взбунтовавшаяся река разрушила селения, смыла посевы, унесла скот и много человеческих жизней. Бедствия были столь велики, что местные жители еще до сих пор от них не оправились.

Таков север Судана — самая знойная и пустынная часть страны. Случается, люди здесь от рождения до смерти не видят ни капли небесной влаги. Иногда они слышат дождь, но он высыхает в воздухе, не достигнув жаждущей земли...

Наш левый мотор совсем заглох, и его пропеллер повис черным крестом без движения. Поэтому пассажиры с облегчением вздохнули, когда самолет наконец стал снижаться к Хартуму, городу, выросшему на границах пустыни и африканской саванны.

Треглавая столица

Обычно, когда смотришь на город с высоты, трудно уловить его характерные черты. Ясно видны размеры, планировка, но жизнь улиц, своеобразие зданий скрыты необычностью ракурса: дома сплюснуты, пропорции нарушены, детали неразличимы. В Хартуме наоборот: общее впечатление от этого города лучше всего получаешь с высоты, очевидно, потому, что столица Судана — город низкий, приземистый, самые высокие здания здесь в два этажа.

Среди обширной, гладко выструганной ветрами равнины сливаются под острым углом Белый и Голубой Нил. На треугольнике суши, окантованном двумя широкими серебристыми лентами, стоит Хартум. Густая зелень вдоль берега Голубого Нила растворила в себе коттеджи и виллы, административные здания, превратив эту часть столицы в большой пышный парк. Дальше — несколько оголенных торговых улиц, за ними белым рафинадом рассыпался в саванну «Хартум-два», молодой район города, застроенный новыми зданиями. Зелени здесь мало: дома выросли быстрее деревьев. Сейчас, когда Судан стал независимой республикой, здесь разместились почти все посольства и миссии. Ближе к Белому Нилу «Хартум-два», как широкой подковой, охвачен обширным районом бедноты: постройки слиплись в сплошную массу цвета земли.

На другом берегу Голубого Нила видны склады, краны, цехи железнодорожных мастерских. Это Северный Хартум — быстро растущий рабочий район столицы.

А там, где Белый и Голубой слились в один — Главный Нил, широко раскинулся Омдурман — однообразная разнина глинобитных зданий с возвышениями минаретов и куполов. Это типичный арабский город, национальная столица Судана.

Три города — Хартум, Северный Хартум и Омдурман — уже слились в один и лишь в силу традиции именуются по-старому.

Первым человеком, которого я увидел на суданской земле, выйдя из самолета, оказался высокий черный полицейский. На нем были защитного цвета трусы, такая же рубашка с короткими рукавами, сандалии на босу ногу и черная широкополая шляпа. Огромные поля ее лихо заломлены и приколоты к тулье большой медной эмблемой провинции Хартум: голова слона в профиль. В провинции слонов нет, но эмблема не случайна: узкая длинная коса, образовавшаяся при слиянии Белого

и Голубого Нила, очень похожа на слоновий хобот, который по-арабски называется «хартум». Этому обязана своим именем и столица.

«Букра»

В каирской конторе большой авиационной компании я встретил знакомого журналиста из Бонна, Дитриха Мумендей. Узнав, что я лечу в Судан, Мумендей спросил:

— Вы знаете, что такое «букра»?

— Это по-арабски завтра.

— А «баад букра»?

— Послезавтра.

— Тогда имейте в виду, что эти слова вы будете постоянно слышать в Хартуме. Это город «букра». Там всегда «завтра» и никогда «сегодня». Вооружитесь терпением и откажитесь от мысли спешить.

Подобные высокомерные сентенции мне не раз приходилось слышать и читать в западной печати. В Хартуме я очень скоро убедился, что это не соответствует действительности. Темп жизни в молодой республике постоянно растет. Бурно пробуждается энергия народа, скованная до того господством колонизаторов. Правда, в правительственных учреждениях еще немало чиновников, в том числе и высокопоставленных, осталось от прежних времен. Они действительно любят

Английский памятник на поле Керрери.

слово «завтра», но сами они — вчерашний день страны. Остались в республике и английские «советники и специалисты»; их «советы», естественно, далеко не всегда отвечают интересам национального подъема и экономического развития Судана.

Хартум — действительно город «букра», но совершенно в ином смысле: в жизни суданской столицы ощущается «завтра» всей страны. За год существования республики в Хартуме построен большой госпиталь, открыто несколько новых школ, проводится канализация. В городском муниципалитете мне сообщили, что принят пятилетний план развития столицы. Будет заасфальтировано 42 километра дорог, крупные суммы будут израсходованы на освещение улиц, на устройство садов и парков. Город получит новые больницы, учебные заведения, общественные здания.

Разрабатывается и общий пятилетний план развития экономики Республики Судан. Государственный инспектор по развитию национальной экономики доктор Хасебар Русуль Ахмед рассказал мне об основных положениях этого плана. Строительство новых плотин на Ниле даст возможность получить электроэнергию для развития промышленности и удвоить орошаемые площади в Гезире — самой плодородной провинции страны. Уже одобрен проект Россейротской плотины стоимостью в 21 миллион фунтов. Заключен контракт с западногерманской компанией, которая будет строить оросительную систему. Все работы финансирует правительство, которое надеется получить для этой цели иностранный заем. План предусматривает также строительство большой текстильной фабрики. Солидные средства предполагается ассигновать на развитие народного образования и здравоохранения.

— От колониального режима нам осталось тяжелое наследство,— сказал в заключение доктор Ахмед.— Но у Судана есть огромные ресурсы для развития экономики. Правда, чтобы освоить эти богатства, у нас еще нет таких возможностей, какими располагаете вы, в течение одного года освоившие миллионы гектаров новых земель в Сибири. Но мы верим в наше завтра!

Символы

У берега Голубого Нила, неподалеку от Дворца республики, стоит стареньк ий пароход. Видно, что он уже давно стал музейным экспонатом. Палубы его обиты стальными листами, на носу и корме — старомодные пушки, на нескольких площадках — пулеметы «Максим». Человек с ведерком и кистью подкрашивает палубу. Несколько хартумцев смотрят на его работу из-под густой смоковницы. Один кричит:

— Зачем ты его красишь?

— Не знаю, эффенди, мне приказано! — отвечает маляр, ослепительно улыбаясь.

— Его давно нужно потопить или разломать.

— Пожалуй, лучше разломать,— соглашается маляр, но продолжает свое дело.

Человек, предложивший потопить корабль,— учитель Зиада Ахмет Шериф. Он объяснил, что это один из английских пароходов, пулеметы и пушки которого расстреливали суданцев, боровшихся за независимость страны. Англичане оставили здесь корабль как одну из боевых реликвий своего флота.

В Хартуме два больших памятника, и оба английские. Один — лорду Китченеру, где он изображен на коне в позе победителя, другой Гордону — первому колонизатору страны. Их именами были названы две лучшие в столице улицы.

В Хартуме говорят, что есть решение парламента свергнуть эти памятники, оскорбляющие национальное достоинство народа. Но пока они стоят...

— Они еще не упали, потому что кое-кто их поддерживает,— говорит учитель Зиада Ахмет Шериф.

Мы приблизились к белому зданию Дворца республики, которое ранее было резиденцией английского генерал-губернатора. На его фронтоне три флагштока. Еще недавно здесь развевались английский и египетский флаги: формально Судан считался «кондоминиумом» — совместным владением Англии и Египта. Но Египет, который, по существу, сам был британской колонией, естественно, ничем не владел. «Совместное» управление состояло в том, что из египетской казны отчислялись значительные суммы на содержание английских чиновников в Судане. Всей полнотой власти обладал здесь британский генерал-губернатор.

Теперь два флагштока пустуют, а на третьем, высоком, реет трехцветный, сине-желто-зеленый флаг Республики Судан. Но здесь же, против дворца, стоят еще как украшение старенькие британские пушки, из которых громили суданских повстанцев.

— Флаг национальной независимости и свободы уже поднят, но военные символы колонизаторов еще не выброшены,— говорит учитель Шериф.— Если вы хотите увидеть истинное отношение народа к этим памятникам, поезжайте на поле Керрери, за Омдурманом. Это стоит посмотреть.

Я поехал.

Исчезнувшая земля

Набережная Голубого Нила — красивейшее и самое благоустроенное место Хартума. Две шеренги больших деревьев в жарком объятии сомкнули над улицей пышные ветви и превратили ее в темный зеленый туннель. На мостовой густо лежат сухие листья: весна — пора листопада. Однако деревья при этом не теряют своего пышного зеленого наряда: старые листья, чуть тронутые желтизной, постепенно вытесняются свежими, молодыми.

Сквозь густую зелень виднелись здания. Это в большинстве министерства и другие правительственные учреждения, которые к полудню, в самую жару, закрываются до вечера. Но многие служащие и посетители не разошлись по домам на отдых. Шли дни рамадана — мусульманского поста, когда правоверному от восхода до захода солнца не дозволено ни есть, ни курить, ни пить, а последнее особенно трудно в такую несносную жару. Мелкие служащие, экономя силы, отдыхали здесь же, в тени сикомор и смоковниц. Множество людей неподвижно лежало вдоль дороги, придавая улице фантастический вид.

Мы ехали в Омдурман. Шофер Осман достал коробочку, извлек из нее несколько больших таблеток и стал медленно жевать. На коробочке я увидел надпись «Витамин «С» с глюкозой» и спросил, разве он не соблюдает рамадан?

— Как можно? Я хочу попасть в рай,— совершенно серьезно ответил Осман.— А это? Это не еда. Это — лекарство из аптеки. Лекарство можно.

Осман — высокий, осанистый человек, с темно-шоколадной, почти совершенно черной кожей, с правильными чертами лица, тип суданца, характерный для северных и центральных районов страны. По три глубоких параллельных шрама рельефно выделяются на его щеках. Такие глубокие порезы делают на лице суданских малышей их матери. Они должны предохранять ребенка от болезней и дурного глаза.

Осман всегда в очень чистой, ослепительно белой галабии и такой же чалме. Мы познакомились с ним случайно, на стоянке такси, а потом совершили вместе несколько поездок по провинции. Шофером он работает недавно, а до этого был феллахом, имел землю, но она вдруг исчезла. Эта далеко не мифическая история такова.

Вместе с братом Абдаллой он жил в деревне на Ниле, южнее Донголы. К осени, когда спадал паводок, на реке против деревни появлялся из-под воды островок. Это и была земельная собственность братьев, а раньше она принадлежала их отцу. Островок был маленький, но после паводка на нем оседал новый слой плодороднейшего нильского ила, и братья с успехом выращивали там овощи, а часть земли засевали дуррой и пшеницей. Иногда островок, состоящий из наносного ила, выходил из-под воды ближе к соседней деревне. Но все знали, что это земля Османа и Абдаллы, и никто не посягал на их законную собственность.

Однажды — это было около семи лет назад — островок после паводка вовсе не показался. Братья ходили по берегам реки вверх и вниз, искали свою землю, но она исчезла! Не показался островок и на второй год и на третий.

Осману пришлось отправиться в Хартум искать работу, и вскоре он нанялся рабочим в мастерскую по ремонту автомобилей, близ Первого базара. Здесь он постепенно научился управлять машиной. Этот дряхлый автомобиль не его: он принадлежит хозяину гаража, у которого четыре таких машины. Брат Абдалла сейчас служит на железной дороге.

— Они бастуют, вы, наверное, слышали? — сказал Осман.

В это время действительно бастовали железнодорожники. Поводом послужил такой случай. На одном из участков пути в саванне люди племени баккара перегоняли скот через полотно. Машинист проходившего поезда не успел затормозить, и паровоз задавил несколько животных. Озлобленные скотоводы стали нападать на будочников и машинистов, убили несколько человек. Железнодорожники потребовали приставить к ним охрану, но власти отказались. В ответ была объявлена забастовка.

Рассказав свою историю, Осман заметил в заключение:

— Знаете, саид, я думаю, у меня еще появится когда-нибудь земля...

Хабуб

Переехав мост, соединяющий берега Белого Нила, там, где он уже сливается с Голубым, мы оказались в Омдурмане. Несколько новых каменных зданий, возведенных в последнее время, не изменили его характерного восточного лица: глухие ограды вокруг домов, внутренние дворы. Даже стадион, обнесенный высо-

ченным глинобитным валом, чем-то похож на старинную крепость.

С утра до вечера неугомонно бурлит «сук» — огромный базар. Как флаги, развеваются на ветру новые галабии и платки, позвякивают подвешенные гирляндами чайники, кастрюли, разная утварь. Здесь же продают слоновую кость, страусовые перья, гуммиарабик, мулов и скаковых верблюдов, орехи «кола» и плоды манго, засушенных крокодилов; если такие останки крокодила прибить над входом в жилище, это, по здешнему поверью, приносит счастье.

В особом ряду работают и тут же продают свои изделия резчики по кости, чеканщики серебра и меди. Из бивней слона, из густо-черного и тяжелого, как свинец, эбенового дерева они вытачивают превосходные фигуры, вкладывая в них полученное в наследство тысячелетнее мастерство предков. Здесь золотых дел мастера, расплющивая молоточком маленькую золотую монету с изображением короля Георга или императора Николая II, превращают ее в тончайшие кружева брошей и серег или делают кольца с бахромой, которые здешние женщины так любят носить в носу.

В центре Омдурмана высится обширное строение с высоким куполом, похожим на огромное серебряное яйцо. Это мавзолей Махди, почитаемый как святыня многими суданцами.

Сын корабельного плотника, нубиец из Донголы Мухаммед Ахмед в августе 1881 года провозгласил себя Махди — посланником аллаха на земле — и объявил «джихад» — священную войну против угнетателей. Подобно хабубу — стремительной песчаной буре — восстание охватило всю страну.

Город за городом занимали восставшие. А 23 января 1885 года войска махдистов под зеленым знаменем «посланника Аллаха» пошли на штурм Хартума и овладели столицей. Во время сражения был убит английский губернатор Гордон.

Так образовалось независимое государство махдистов, границы которого были немного меньше нынешнего Судана. Вскоре Махди умер, его похоронили там, где ныне стоит мавзолей, а управлять страной стал халиф Абдаллах. Идеи Махди были скоро забыты, эмиры и другие правители стали захватывать лучшие земли, богатства, даровали привилегии одним племенам в ущерб другим...

Между тем, в 1896 году лорд Герберт Китченер, главнокомандующий армиями на Ниле, по приказу английского кабинета выступил на новое покорение Судана. Одновременно прокладывалась железная дорога через пустыни. Спустя два года войска подошли к Омдурману — столице махдистов. В семи милях к северу от города на поле Керрери произошло решающее сражение. Здесь англичане впервые в военной истории применили пулеметы системы «Максим» и другое новейшее по тому времени оружие. Махдисты потеряли 26 тысяч человек — большую часть своей армии, наполовину вооруженной только пиками. Хотя борьба еще продолжалась долгое время, государство Махди перестало существовать.

Участник этого сражения, в то время младший офицер, Уинстон Черчилль написал потом книгу «Война на реке», в которой немало страниц посвятил ожесточенному сопротивлению суданцев. Другой офицер, Слатин, написал книгу «Огонь и меч в Судане»; одно это красноречивое название дает представление о методах колонизаторов. Массовые казни повстанцев наводили ужас на всю страну.

Китченер приказал разрыть могилу Махди. Его останки сожгли в топке парохода и выбросили в Нил. Но мавзолей Махди, отстроенный позже, свято почитается суданцами.

Впрочем, не только казнями и пулеметами действовали здесь колонизаторы. Мне показали пароход, самый новый и самый роскошный на всем Ниле. Это подарок англичан родному сыну Махди — Абдель-Рахману аль-Махди. Он сейчас крупнейший землевладелец в государстве, глава самой большой религиозной секты и духовный вождь самой правой партии, «Аль-Умма»...

Мы выехали из Омдурмана на север, к месту былого сражения. Дорога шла по пыльной, серой равнине. Лишь кое-где виднелись кряжистые и низкие деревца зонтичной акации. В пути пришлось задержаться: через дорогу шло огромное, голов в пятьсот, стадо тонконогих серых одногорбых верблюдов...

— Вот и поле Керрери,— вскоре сказал шофер Осман, останавливая машину.— А это памятник в знак английской победы.

Памятник был похож на неприступное укрепление. Широкая прямоугольная ограда из стальных тавровых балок высотой в два человеческих роста; внутри — вторая, из металлических прутьев, более тонких, но много выше первой; и, наконец, металлическая сетка, закрывающая самый обелиск. Памятник стоит в пустынном месте, но редкий из прохожих-суданцев не кинет в него камнем...

Мы были на полпути к Омдурману, когда Осман закричал:

— Хабуб!

С запада по голой равнине на город неслась большая темная туча. Передний ее край был густой и четкий. Длинная шеренга смерчей жадно засасывала пыль и песок, с силой поднимая его к небу. Туча с разбегу ударилась о первые дома, заклубилась и обрушила на город песок и пыль. Добрая половина Омдурмана скрылась в плотном желтоватом мареве.

Мы въехали в город, когда в воздухе еще, как туман, клубилась мелкая золотистая пыль.

— Это маленький хабуб. Пустяк,— говорил Осман.— Их время еще не наступило. Когда настоящий хабуб, не видно солнца. Тогда трудно-трудно дышать, а на зубах всегда песок.

Хартумские студенты

В древности на земле, где ныне стоит Хартум, существовало государство Мероэ. Это была страна высокой культуры. Ее жители наряду с финикийцами одни из первых создали алфавит.

А две тысячи лет спустя один из английских управителей Судана, Макмайкл, не покраснев, объявил: «Мне кажется, что образование в Судане должно ограничиваться средней школой. Я сомневаюсь в том, что способности суданцев достаточно развиты, чтобы можно было ввести университетское образование».

Насущные интересы колонизаторов требовали все же подготовки какого-то числа чиновников «из туземцев», которые были бы воспитаны в беспрекословном повиновении иноземным хозяевам. С этой целью был учрежден в Хартуме колледж, которому присвоили имя английского губернатора Судана Гордона. Вскоре после провозглашения республики парламент принял решение о преобразовании Гордон-колледжа в Хартумский государственный университет...

...Ректор университета мистер Майкл Грант — молодой еще англичанин — принял меня в своем кабинете. Он кончил Кэмбридж по факультету греческого и латинского языков и, не найдя работы на родине, отправился в Судан.

Грант сообщил, что сейчас в университете учится около 800 студентов. Желающих очень много. Так, в прошлом году более 350 молодых людей не могли стать студентами из-за недостатка вакансий. В университете семь факультетов, в том числе медицинский, гуманитарный, юридический, агрономический. Правительство предполагает в ближайшие пять лет довести число учащихся до двух тысяч. Намечено строительство новых факультетских зданий. Среди студентов появились первые 25 женщин. В числе преподавателей есть и суданцы.

Я спросил ректора, каково его мнение о способностях студентов к наукам. Мистер Грант, почему-то покосившись на мой блокнот, сказал, что он не видит существенной разницы в усвоении учебных программ здесь и в других учебных заведениях, где он бывал, в том числе и у себя на родине.

— Раньше колледж управлялся Лондонским университетом,— сказал ректор.— Но теперь учрежден специальный совет из преподавателей и представителей общественности. Правительство не вмешивается. Оно дает лишь субсидии,— подчеркнул он в заключение.

Я испросил разрешения поговорить со студентами и посмотреть один из факультетов.

— Студентов сейчас нет. А факультеты — пожалуйста,— сказал мистер Грант и поручил меня заботам своего помощника.

Однако уже на пороге медицинского факультета нас встретил хмурый англичанин в белом халате и сказал, что для посещения нужно специальное разрешение, причем указания ректора недостаточно, нужна чуть ли не резолюция самого премьер-министра. Мы зашли на другой факультет, но там в аудиториях не было ни души. И лишь покидая университет, я случайно встретил многочисленную группу студентов в саду. Завязалась беседа, но прежде чем мне удалось что-либо спросить у них, пришлось отвечать на многочисленные вопросы о Москве, советских вузах, о жизни советского студенчества.

Все учащиеся университета поголовно состоят в Союзе студентов. Среди присутствовавших оказался вице-председатель этого союза Салах Ахмет Ибрагим. Он говорил, а его товарищи, перебивая друг друга, дополняли рассказ.

Союз организует спортивные соревнования, культурные кружки, диспуты. Студенты считают себя авангардом в борьбе народа за независимость, активно участвуют в политической жизни столицы. Они нередко устраивают митинги, демонстрации и забастовки.

Два месяца назад союз объявил забастовку в знак протеста против того, что ректором университета является англичанин. В стране действует закон о чрезвычайном положении, стачки запрещены. Но в течение пяти дней в аудиториях университета не было ни одного студента.

Студенты требуют, чтобы в университетские программы было

Мавзолей Махди в Омдурмане.

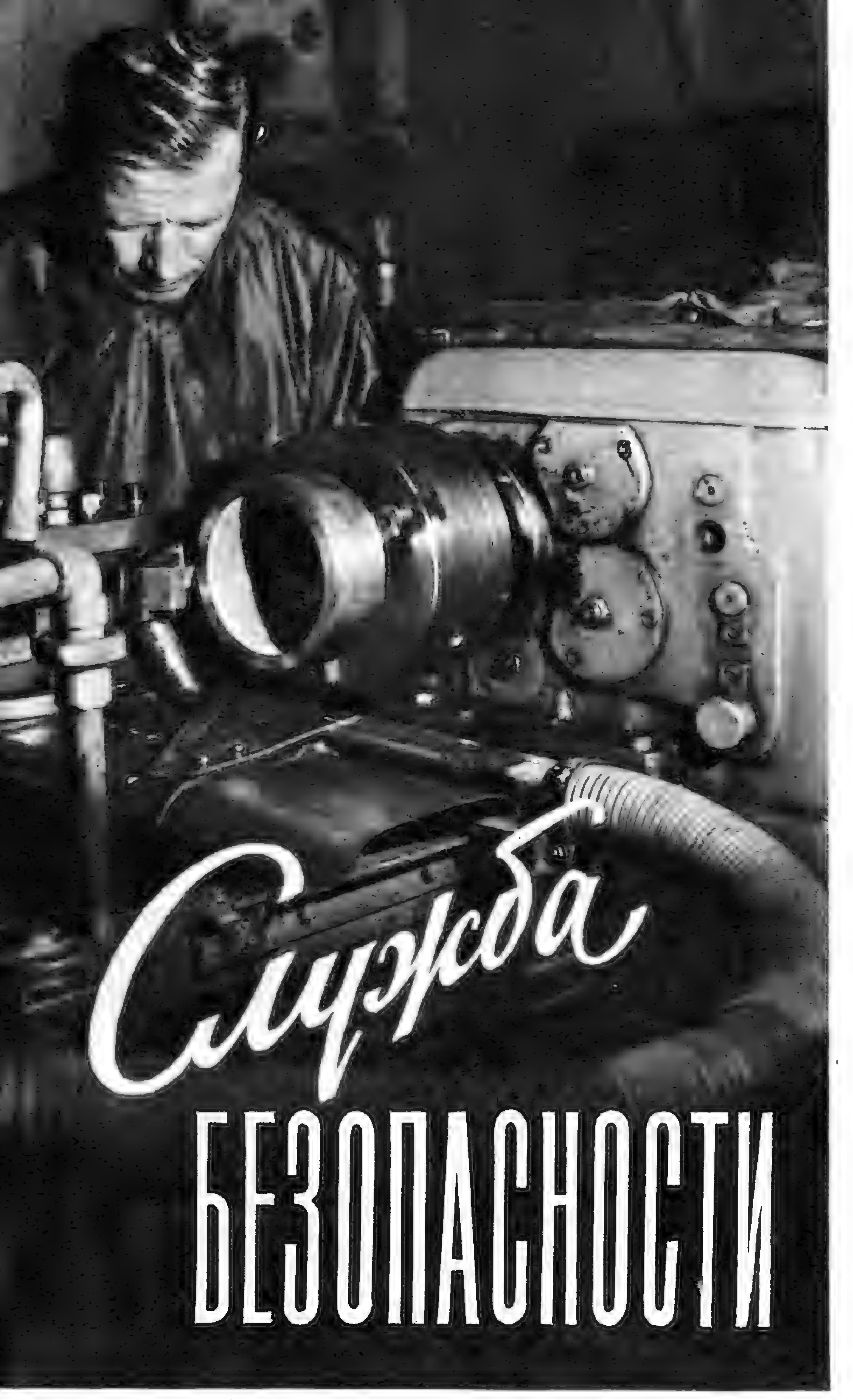
включено изучение национальной культуры, истории родной страны, чтобы занятия велись на арабском языке (сейчас они идут на английском).

Юноши с гневом говорили о том, что многие преподаватели-англичане унижают достоинство студентов-суданцев, обращаясь с ними высокомерно и презрительно, как с неполноценными людьми. Некоторые англичане, по словам студентов, вообще не имеют достаточной квалификации, это случайные люди. Двух профессоров, египтянина и индийца, англичане выжили за прогрессивные идеи...

Плата за обучение очень высока. Поступить в университет пока могут лишь выходцы из зажиточных семей. Союз студентов выдвинул требование: открыть путь к высшему образованию детям простых людей.

Студенческая организация борется не только за права учащихся, но и активно участвует в политической жизни. Были проведены студенческие забастовки в знак солидарности с Египтом, в поддержку требований феллахов-арендаторов, за объединение всех профсоюзов Судана.

— Наши студенты,— сказал Салах Ахмет Ибрагим,— передовая часть народа. Они отстаивают его права.

Токарь Е. Семенов работает на станке, снабженном устройством для отвода пыли и стружки при скоростном резании. (Институт охраны труда в Москве.)

Служба безопасности

Фото Е. Тиханова.

А. ДОРОХОВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Под ураганным огнем

Приходилось ли вам видеть, как любимец детворы Карандаш пробует повторить сложный трюк жонглера?

Это очень смешно. Карандаш хлопотливо собирает в кучу все предметы, которыми только что играл артист, и подбрасывает их как можно выше в воздух. Но бросить — довольно просто, а как поймать? И растерянный Карандаш опрометью бежит с манежа, а на него сыплются градом кольца, мячики и шляпы.

Примерно в той же неуютной позиции находились недавно токари одного из цехов московского подшипникового завода, перешедшие на скоростной режим точения. Закрепив в патроне деталь, они включали станок на полную скорость, а сами отскакивали на несколько шагов назад и поворачивались к нему спиной. Только так можно было уберечься от ожесточенной бомбардировки мельчайшей латунной стружкой, вылетавшей из-под резца. Не помогали и защитные очки. Крохотные острые снаряды летели с бешеной быстротой и силой прямо в лицо. Токарь оказывался в потоке металлической пыли, вдыхать которую отнюдь не безвредно.

В другом цехе скоростные станки были ограждены целыми сооружениями из стальных листов выше человеческого роста. Эти громоздкие ограды защищали от разлетающейся стружки не самого работающего, а его соседей.

Но если вы зайдете в этот цех сегодня, вы увидите токаря, спокойно склонившегося над гудящим станком. Скорость точения не уменьшилась, а пыли и стружки нет и в помине. Отпала даже необходимость надевать защитные очки.

Что же произошло?

А произошло то, что над резцом появился небольшой металлический навес. По виду этот навес напоминает миниатюрную раковину. В таких раковинах играют в парках духовые оркестры. Только оркестровая раковина собирает и направляет к слушателям звуки, а этот маленький навес собирает в один поток всю вылетающую из-под резца металлическую пыль и стружку и направляет ее в гибкий шланг. Там их подхватывает мощная струя воздуха и несет в бачок.

А попутно и немалая экономия. Ценные отходы, раньше смешивавшиеся с сором, теперь скапливаются в сборниках и идут оттуда прямо в переплав.

Таков один из итогов работы лаборатории машиностроения техники безопасности Московского научно-исследовательского института охраны труда ВЦСПС. Таких лабораторий в институте несколько, и каждая ведет исследования и создает новые методы охраны труда в той или иной отрасли промышленности.

Стена, которая льется

В сборочном цехе Московского автомобильного завода имени Лихачева вы можете увидеть маляра, поливающего краской только что собранные кузова грузовиков. Маляра вы видите, но подойти к нему вам не удается. Его отделяет от вас прозрачная стенка.

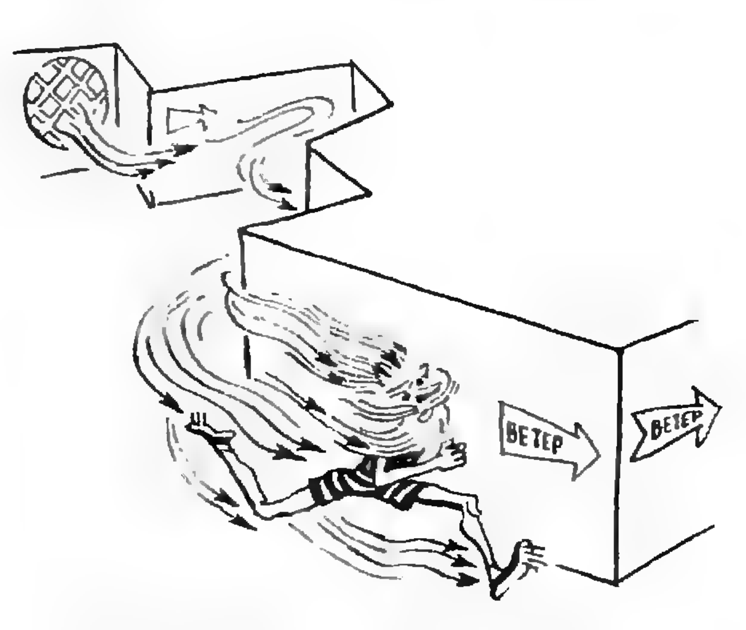
Из стекла? Нет, из... воды.

Тоненькие струйки воды непрерывно льются из мельчайших отверстий трубок, проложенных под потолком. Они образуют сплошную прозрачную стенку. Эта движущаяся стенка уносит с собой распыленные частицы краски, вылетающие из гидропульта, которым орудует маляр. А ведь в краске ядовитый свинец.

Такие же водяные стенки, размером поменьше, вы можете увидеть и на других заводах. Рабочий стоит у самого жерла электрической печи и не ощущает ее пышущего жара. Между ним и раскаленным металлом — колеблющаяся заслонка из льющейся воды.

С каждым годом растет количество таких легких и гигиенических защитных устройств. Все они призваны охранять рабочего от вредностей, которые еще недавно считались неизбежно связанными с определенной профессией.

Список так называемых «вредных профессий» у нас неуклонно сокращается. И перспектива полной его ликвидации отнюдь не так далека.

Воздушные маршруты

Басовитое гудение мотора приведет вас в одну из расположенных в подвале института лабораторий. Открыв тяжелую дверь, вы окажетесь перед огромной аэродинамической трубой.

Но в мощном потоке воздушных струй вы увидите не модель самолета, а... игрушечный завод. Миниатюрные деревянные здания цехов точно копируют те, которые еще возводятся где-нибудь на окраине города.

Это вентиляционная лаборатория. Здесь воздух получает маршрут.

Ему не придется уже вольно бродить по будущим цехам, надолго застаиваться в одних и прорываться зловещими сквозняками в других. Здесь запишут и зарисуют все его будущие пути. И не только зарисуют, но и заставят по ним следовать.

Для этого не всегда нужны массивные вентиляторы, требующие большого расхода электрической энергии. Иной раз достаточно правильно рассчитать и расположить вентиляционные отверстия и каналы — и воздух сам послушно побежит по проложенным для него маршрутам. Такая организованная, естественная «аэрация», предусмотренная в проекте здания, вполне обеспечивает нормальный «климат» даже в горячих цехах южных заводов.

Искусственный пот

Не случайно рабочие так называемых горячих цехов пользуются у нас рядом преимуществ. В частности, на большинстве наших заводов возле вагранок, нагревательных печей или прокатных станов обычно ютится маленький киоск с сатуратором. Предмет ребяческих мечтаний — шипучая «газировка» — предоставляется здесь любому желающему бесплатно.

За смену иной прокатчик выпивает пятьдесят — шестьдесят ста-

канов подсоленной газированной воды. И вся она уходит на образование пота. Так организм обороняется от пышущего нестерпимым жаром, раскаленного металла, защищает себя от опасного перегрева.

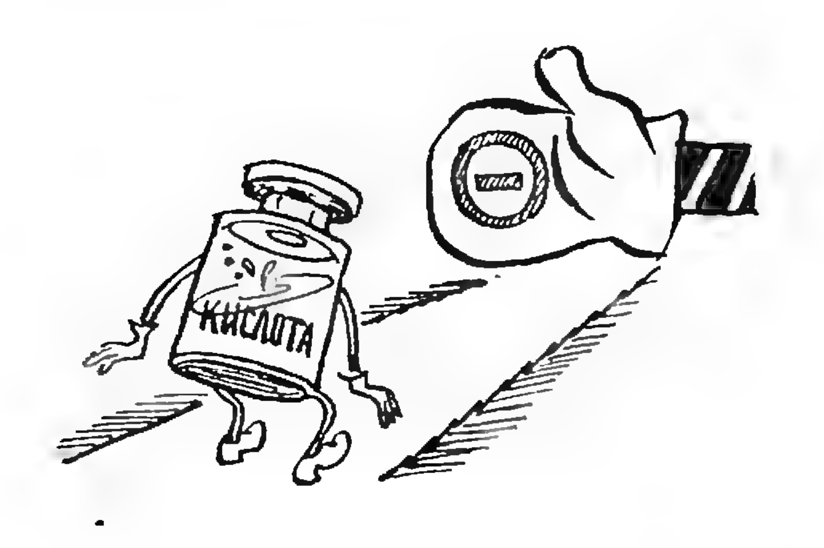
Но вода водой, а какая лишняя работа выпадает на долю сосудов и почек рабочего! Нельзя ли избавить его от этой добавочной нагрузки?

Оказывается, можно. Это достигается тем, что на рабочего все время направляют струю свежего воздуха. Но этого мало. Особые несложные устройства насыщают этот воздух распыленной водой, которая непрерывно осаждается, как роса, на коже рабочего.

Как известно, килограмм воды, испаряясь, способен забрать до шестисот калорий лучистого тепла. Таким образом, эта водяная пыль играет роль «искусственного пота». Сам же рабочий потеет и пьет гораздо меньше, потому что ему не жарко.

И вот прямое следствие. В листопрокатном цехе московского завода «Серп и молот» температура воздуха нередко повышается до двадцати — двадцати восьми градусов. До недавнего времени такая жара немедленно сказывалась на работе прокатчиков. Производительность труда падала на десять — пятнадцать процентов. Достаточно было, однако, оборудовать цех установками для создания искусственного тумана, как такое же повышение температуры перестало отражаться на темпе работы.

И это — лучшее свидетельство того, что здоровье и силы прокатчиков получили надежную охрану.

Суконная кольчуга

Всякая химия — это прежде всего кислота. А кислота — это опасность ожога. Как предохранить от него рабочего? Конечно, соответствующим костюмом, обувью, рукавицами.

Кислоте лучше всего сопротивляется шерстяная ткань. На химических заводах рабочие обычно одеты в плотные защитные костюмы из грубошерстного сукна.

Задача как будто решена. Но как утомительно провести смену в толстой, тяжелой, почти не гнущейся одежде! Сколько это отнимает сил! Да к тому же больше трех месяцев ни один костюм не выдерживает. День за днем капли кислоты его все же разъедают.

На помощь приходит та же химия.

В лаборатории индивидуальной защиты создана ткань, в которой шерстяные волокна тесно переплетены с нитями синтетического волокна — хлорина (перхлорвинила). Полученная ткань пропитана еще особым кислотоотталкивающим кремниевым составом.

Защитный костюм стал намного легче. На него расходуется гораздо меньше дефицитной шерсти. И главное, носится он вдвое дольше.

Но это первый этап работы. А сейчас близок к завершению и второй.

Получена целиком кислотоупорная ткань. Каждое волоконце в ней как бы заключено в оболочку из хлориновой пластмассы, не поддающейся кислоте. Ткань легка, эластична, мягка, свободно пропускает воздух, поддается стирке и при всем том не боится кислоты. Кислота с нее скатывается, не причиняя вреда.

После долгих поисков найден способ покрывать и мягкие байковые рукавицы сплошной пленкой из особого синтетического продукта. Такие рукавицы легки и мягки, но швов на них нет. Кислоте и маслу путь закрыт.

Король в ловушке

В одной из больших авторемонтных мастерских стали происходить неприятные случаи. Во время работы то один, то другой механик начинал чувствовать себя плохо — появлялась тошнота, головная боль, слабость. Порой дело доходило до обмороков.

Все симптомы указывали на отравление окисью углерода (угарным газом). Но где его искать? В каких уголках цеха он скопляется?

Химики называют окись углерода «королем газов». Этот газ появляется всюду, где происходит горение. Особенно много его там, где сжигание является основой производственных процессов: в гаражах, литейных, термических цехах.

Установить, однако, присутствие невидимого врага далеко не просто. Обычный лабораторный анализ пробы воздуха занимает около суток.

На этот раз в мастерскую вошла лаборантка с небольшим черным ящичком в руках. Быстро зарядив свой портативный аппарат, она подошла к одному углу цеха, постояла там минуты три, перешла в другой угол, в третий...

— Вот! — сказала она мастеру, вынув из аппарата крохотную стеклянную трубочку размером не более карандаша. — У вас неладно в этом месте. Проверьте вентиляцию.

Стеклянная трубочка была зеленовато-синего цвета. Лаборантка взглянула на прикрепленную к крышке аппарата шкалу.

Этот почти мгновенный метод анализа разработан в лаборатории Института охраны труда.

Остроумно устроенный аппарат позволяет в течение двух — трех минут забрать и пропустить через трубочку с особым реактивом литр воздуха. Под влиянием угарного газа белый порошок реактива принимает более или менее густую синюю окраску. Чем больше концентрация газа, тем синева темней. На цветовой шкале каждый оттенок соответствует той или иной насыщенности воздуха вредным газом.

Так король газов оказывается в стеклянной ловушке.

Реле безопасности

Как известно, электрический ток может неожиданно из помощника превратиться во врага. Где-то пробита изоляция, и одно лишь прикосновение к машине грозит смертельной опасностью.

Против этой опасности есть защита — заземление. Ток получает новый путь и не поражает рабочего, а, укрощенный, уходит в землю.

Но если на стационарных устройствах техника заземления не представляет какой-либо сложности, то на движущихся механизмах эту проблему разрешить не так просто.

Возьмем, например, большой экскаватор. По размерам и оборудованию это целая мастерская. Одних мощных электрических моторов в ней несколько десятков. Но мастерская эта не стоит благопристойно на месте, а движется. Движется со всеми своими моторами. Как справиться тут с заземлением, когда сама земля то и дело уходит из-под ног?

Надо искать другой путь. И он найден. В лаборатории электробезопасности сконструировано особое реле, предохраняющее экскаваторщиков от поражения током высокого напряжения.

В распределительном устройстве монтируется небольшой аппарат. Как только ток попытается устремиться в корпус машины, аппарат мгновенно отключает поврежденный механизм.

Этот маленький аппарат рабочие назвали «реле безопасности».

Шагающий гигант и дамские часики

Мощным экскаватором пришлось заниматься и другой лаборатории института — светотехнической.

Лаборатория недавно закончила разработку системы освещения, призванную охранять глаза работниц Пензенского часового завода. На конвейерах этого завода собирают миниатюрные дамские часики «Заря».

Если крохотны сами часики, то каковы же те шестеренки, пружинки, оси и винтики, из которых собран их механизм! Как надо напрягать зрение, чтобы несколько часов подряд непрерывно их разглядывать!

Немало опытов пришлось провести лаборатории, чтобы при помощи сложных исследований найти новую систему освещения каждого рабочего места. Особый тип светильника с люминесцентными лампами, их число и расположение подобраны так, что крохотный механизм прекрасно освещен, а бликов нет.

Сборщицы перестали жаловаться на боль в глазах. Брак резко снизился, а контролеры стали пропускать за день почти вдвое больше миниатюрных деталей.

Но что же общего между сборкой миниатюрных часиков и работой на мощном экскаваторе?

Оказывается, нечто общее есть. Стрела шагающего гиганта ЭШ-14/65 так длинна, что огромный стальной ковш, легко вмещающий автомобиль «Москвич», с рабочего места экскаваторщика кажется не более циферблата будильника.

А следить за ковшом надо не отрывая глаз. Только тогда добьешься высоких результатов.

Правда, большой экскаватор снабжен батареей мощных прожекторов, каждый с лампой в тысячу ватт. Но их неправильная установка вызывала появление резких теней. Мелькающий где-то вдали ковш был то виден, то не виден.

Лаборатория не усиливала мощности прожекторов. Она только перенесла их на другие места и изменила углы падения лучей. Вся площадка под стрелой оказалась залитой ровным светом, тени исчезли.

Машинист одного из угольных разрезов Северного Урала, где забойщиков заменили шагающие экскаваторы, сказал:

— При таком освещении я не только что ковш, иголку на земле рассмотрю.

Три миллиона глаз

В 1918 году Ленин подписал декрет «Об инспекции труда». Впервые в истории человечества охрана труда и техника безопасности были возведены в непререкаемый государственный закон.

За тем, как соблюдается этот закон, следят у нас сами трудящиеся. Контроль за его выполнением в Советском государстве передан профессиональным союзам. Больше полутора миллионов общественных инспекторов и членов комиссий охраны труда бдительно стоят на страже сил и здоровья работающих товарищей. Им даны огромные права. Самый заскорузлый хозяйственник не может не считаться с их требованиями.

На улучшение условий труда Советское государство отпускает огромные средства. На Московском автомобильном заводе имени Лихачева мощность одних только моторов санитарной вентиляции составляет 9 600 киловатт. Электростанции такой мощности вполне хватило бы на все нужды довольно большого города.

В помощь общественным контролерам в системе ВЦСПС работают шесть институтов охраны труда и четырнадцать отдельных лабораторий. Московский институт обучает за год больше двух тысяч работников заводских и фабричных комитетов. Здесь они не только узнают, каковы могут быть вредности в той или иной профессии, но и чего нужно добиваться, чтобы их избежать.

Государственная и общественная охрана труда — одно из важнейших завоеваний социализма.

Лаборантка Р. Трофимова берет пробу воздуха в гараже Центрального стадиона имени Ленина в Лужниках.

Кришан ЧАНДАР

ДЕТСТВО

Рассказ

Рисунки В. КЛИМАШИНА.

Рафи очень любил Нилу. А впрочем, он все любил. Когда он видел порхающую в саду красивую, пеструю бабочку, то его охватывала такая волна радости, что он с криком бежал к ней, топча цветочные клумбы. Сорвав со своей головы шапочку с кистью, он накрывал ею добычу, потом долго с нежностью и удивлением разглядывал ее, поворачивая во все стороны своими маленькими ловкими пальцами. Крылья бабочки трепетали. Рафи вдруг чувствовал глубокую жалость к ней, на глазах его выступали слезы, и он выпускал свою пленницу. Она летела сперва на молодые побеги аниса, потом перелетала на персиковые деревья и скрывалась из виду. Рафи наблюдал за ее полетом со смешанным чувством жалости, любви и изумления. Он думал: «Ах, как красива эта бабочка!» — и уже раскаивался, что выпустил ее на свободу. В это время другая бабочка, с желто-зелеными крылышками, еще более красивая и нарядная, чем первая, появлялась, порхая, над цветами, и Рафи бежал к ней, делая огромные прыжки своими маленькими ножонками.

Любил он и персики, и яблоки, и темно-красный виноград. При виде яблок, поблескивающих в ветвях, словно золотые шары, и сверкающего на темных лозах, как рубин, горного винограда сердце его начинало трепетать от какого-то незнакомого, сладостного чувства. Ему хотелось забраться на самую высокую ветку и набить фруктами маленькие карманы своей куртки. Он не хотел, чтобы этими фруктами любовался кто-то другой. Он любил их, и садовнику об этом отлично было известно.

Рафи любил свою няню. Если мама бранила ее и няня, склонив голову и утирая слезы концом накидки, шла к себе, Рафи тайком пробирался в ее комнату и останавливался подле няни. Держась ручками за нянину черную юбку, он смотрел на няню грустным, добрым, полным любви взглядом: он хотел успокоить ее, унять ее слезы, но не знал, как это сделать. Потом горло его сжималось от слез, и он начинал плакать. Тогда няня брала его к себе на колени, обнимала, прижимала свои мокрые щеки к его нежным детским щекам и так крепко его целовала, что у Рафи захватывало дух. Потом няня успокаивалась, переставала плакать, слезы ее высыхали. Да, Рафи любил свою няню.

Но это вовсе не означало, что он не любил маму. Мама была его жизнью, всем, всем для него. Но что он мог поделать, если мама не разрешала ему все время находиться подле нее? «Ступай, малыш, поиграй в саду!», «Тебе пора в школу!», «Рафи, сынок, пойди погуляй!» Мама всегда была чем-то занята. Когда она шла в кухню, Рафи бежал за ней. Когда она садилась за рукоделие, он стоял рядом, теребя край софы, и пытался играть мамиными волосами. Тогда она почему-то сердилась на него и отсылала прочь из комнаты: «Рафи, ты не выучил урока. Пойди займись своими делами!» Он печально шел к себе. Он очень любил маму, но мама отчего-то не всегда любила его. Когда приходили мамины подруги, он капризничал, не хотел подходить к ним и молча стоял, прижавшись к маме. Но мама опять отсылала его: «Ступай, сынок, поиграй на улице!»

Иногда он не обращал внимания на мамины угрозы, и когда она несла отцу тарелку с фруктами, он шел следом за ней. В ответ на ее замечание он поднимал страшный шум и не давал ей пройти. Тогда мама сдавалась и брала его на руки. Встретив ее ласковый взгляд и полную нежности улыбку, он в порыве радости крепко обнимал маму за шею.

Любил он и отца, хотя отец был очень занят и редко разговаривал с ним. Он был ревизор. Когда отец уезжал на работу, Рафи просил его: «Возьми меня с собой, папа! Возьми, дорогой папочка!» Но эти настойчивые просьбы не производили на отца никакого впечатления. Даже когда вечером отец уезжал на прогулку вместе с друзьями, бедный Рафи оставался дома. Задолго до возвращения отца он забирался на высокий холм и смотрел на дорогу, а когда видел, как отец возвращается верхом на лошади тропинкой, которая вьется по берегу реки, радостно кричал: «Смотрите, папа едет! Вот, вон там!» Он очень любил своего отца.

Но Нилу он любил особенной любовью. Нила, дочь посыльного Фатахдина, была на год старше Рафи. Наверно, поэтому она не обращала на бедного Рафи никакого внимания. Возможно, на то была и какая-нибудь другая причина, но Рафи о ней не знал. Одно было совершенно ясно: Нила не замечала его. Они не сказали друг другу ни одного слова, но когда Нила проходила мимо Рафи, что случалось весьма редко, то шла с гордо поднятой головой, встряхивая своими кудрявыми волосами. Бедному Рафи было очень тяжело в такие минуты. Нила, смеясь, болтала с каждым пастушонком их маленькой деревни, но Рафи не дано было испытать это счастье.

Впрочем, Рафи редко приходилось страдать: он был слишком занят для того, чтобы все время думать о Ниле. Уроки в школе, брань учителя, задачи по арифметике, игры в саду — вот чем был заполнен его день. Вечером он, усталый, валился на постель, а утром его будила мама.

Но когда Нила проходила мимо или же когда он уставал одиноко играть в саду, воспоминание о красивом, как у куколки, личике Нилы вызывало смятение в его душе. Ему хотелось пойти и заговорить с ней. Что она скажет на это?

Однажды Рафи пришел на берег реки в том месте, где она, огибая гору, поворачивает на юг. Там он увидел группу детей, играющих под огромной кокосовой пальмой. Одни из них запускали змея, другие играли на флейте, сзывая овец и коз, разбредшихся по берегу реки, третьи плескались в голубой, прозрачной воде. Поодаль несколько детей строили из песка дом. Среди них была Нила. Рафи подошел к ним, и они стали вместе играть. Но неизвестно почему Рафи и Нила не сказали друг другу ни одного слова. Потом Нила и Кетхри побежали к качелям и стали качаться. Рафи с удивлением и страхом глядел на девочек: он боялся даже садиться на качели.

Вдруг Садык, тот, что играл на флейте, предложил ему: «Давай покачаемся на других качелях?» Рафи пришлось согласиться, особенно потому, что Нила слезла с качелей и, улыбаясь, стояла рядом. Рафи с опаской влез на качели, но он не знал, как нужно раскачивать их. Поневоле ему пришлось просить, чтобы его раскачали. Это вызвало у ребят веселый

смех. Рафи показалось, что громче всех смеется Нила. Ему стало стыдно, он слез с качелей и побрел домой. Он очень сердился на Нилу.

Когда он вошел в дом, то при виде его заплаканного лица мама и няня закидали его вопросами: «Что случилось?», «Отчего ты плачешь?», «Где ты пропадал?», «Кто обидел моего маленького Рафи?» Но «маленький Рафи» в ответ только плакал. Когда наконец он немного успокоился, то, всхлипывая, сказал: «Я... я... Купи мне качели, мама!»

Нила часто приходила к ним в дом. Иногда для того, чтобы принести сластей для мамы, иногда, чтобы взять пару белья, иногда, чтобы отдать спелые орехи, что росли на деревьях во дворе ее дома. Рафи смотрел на нее издали. Часто по ночам, когда няня рассказывала ему удивительные истории о волшебных красавицах, он думал о том, такие ли они красивые и гордые, как Нила, или нет. Но спросить об этом у няни не решался...

Он размышлял: «Какие красные у нее щеки и губы! Не то, что у меня! Если бы я стал таким же красивым, как Нила, неужели и тогда она не заговорила бы со мной?» Эта мысль возникла у него как раз в ту минуту, когда он ел спелые ягоды самбалу [1]. «Какие они красные!» — подумал он и стал тереть свои щеки, подбородок, губы соком этих ягод. Но вдруг он увидел красивую бабочку и позабыл о Ниле. Он увлекся ловлей, поймал семь чудесных, пестрых бабочек, завязал их в носовой платок и отправился домой.

Когда он вошел, мама спросила: «Отчего у тебя такое красное лицо? Опять, наверно, ел ягоды самбалу? Сколько раз я говорила тебе, чтобы ты этого не делал, а ты все-таки не желаешь слушать, несносный мальчишка!.. А это что? Опять бабочки? Зачем ты поймал их? Что они тебе сделали дурного?»

Мама ударила Рафи. Он горько заплакал.

В день праздника Ид [2] дочь Фатахдина, как обычно, пришла в дом Рафи и принесла в платке абрикосы. Рафи играл в саду, возле забора. Он рвал цветы жасмина, намереваясь сплести из них гирлянду. Когда Нила, возвращаясь домой, проходила мимо садика, она увидела сидящего у забора Рафи и остановилась. Рафи, занятый своим делом, не замечал ее. Нила сорвала с куста ветку. Рафи поднял голову. Его лицо залила краска смущения. Он подошел к забору.

Нила спросила:

— Как тебя зовут?

— Рафи.

— Рапхи? Что это за имя?

Нила задрала вверх свой крошечный носик.

— Да нет, не Рапхи, а Рафи!

— А меня зовут Нила. Мы живем вон там, за ореховыми деревьями.

Рафи сказал:

— У нас есть вкусные-превкусные абрикосы!

Нила, тряхнув головой, ответила:

— У нас абрикосы тоже вкусные.

— Нет! Наши абрикосы слаще!

Рафи, немного помолчав, сказал:

— Я могу раскачиваться на качелях!

— Да? — недоверчиво спросила Нила.

— Я могу забраться на любое дерево в нашем саду!

— Неужели?

— Я... я могу сплести гирлянду из цветов жасмина! Вот посмотри!

Нила сказала:

— А моя гирлянда будет еще красивей. Дай мне цветов.

Рафи взял Нилу за руку и помог ей перелезть через забор. Оба принялись плести гирлянды. Вдруг Нила рассмеялась.

— Что с тобой? — удивленно спросил Рафи.

Нила, смеясь, ответила:

— Я же говорила, что ты не умеешь плести гирлянду. Разве я не права?

Рафи не выдержал и толкнул Нилу. Нила заплакала. Рафи встревожился. Что делать? Если мама узнает, что он толкнул Нилу, ему сильно попадет. Он принялся утешать Нилу:

— Послушай, Нила, перестань плакать! Я же говорю тебе, перестань! Знаешь, у меня есть много бабочек. Они лежат дома в коробке. Хочешь, я отдам их тебе? Возьми их, только не плачь. Подожди, я сейчас принесу коробку.

Рафи сбегал домой, принес коробку, открыл ее и поставил перед Нилой.

— Какие у них красивые крылышки, посмотри-ка! Нила, не плачь, возьми все эти цветы и гирлянду тоже!

И Рафи надел на шею Нилы две гирлянды. Нила плакала и смеялась.

С того дня Нила и Рафи были неразлучны. Они вместе рвали с кустов ягоды самбалу и ели их, лакомились виноградом, играли под ореховыми деревьями, росшими во дворике у Нилы, в любимые детские игры. Они бегали вместе с пастушатами по берегу реки, качались на качелях, слушали флейту. Иногда они играли в свадьбу. Рафи был женихом, Нила — невестой, а живущие в долине маленькие пастушата — участниками свадебной процессии. Они поднимали страшный шум, ударяя в бумажные барабаны. Вот смеху и веселья-то было!

Если Нила, желая подзадорить Рафи, соглашалась стать невестой какого-нибудь другого мальчика, Рафи сердился и бросал игру. Долго Ниле приходилось упрашивать рассерженного Рафи и давать самые суровые клятвы!

Прошло три года. В прекрасной долине два чистых ребенка видели сладостный, светлый сон любви. Сон этот был такой же чистый, как горный ручей, а любовь — такая же высокая и ясная, как звезды.

Внезапно сон этот прервался: отца Рафи перевели на работу в другой район. Рафи и Нила прощались друг с другом с трепещущими сердцами и полными слез глазами. Рафи в час разлуки отдал Ниле то, что было для него дороже жизни: нож с острым, сверкающим лезвием, рукоять которого была инкрустирована перламутром. А Нила?.. Она отдала Рафи свое ожерелье из зеленых камней, с которым никогда не расставалась. Ни слова не было произнесено между ними. Но, когда к Рафи подвели коня, Нила разрыдалась. Рафи стало мучительно тяжело, но он сдержался, подавил рыдания, готовые вырваться из груди, и, отвернувшись, стал смотреть на небо, по которому, догоняя друг друга, неслись белые облачка.

Прошло еще тринадцать лет, и вот снова отца Рафи перевели в ту живописную долину, где жила Нила. В душе Рафи внезапно проснулись воспоминания о золотой поре детства, наполненной чистой радостью. Забыл ли он Нилу? Студенческая жизнь в колледже заставила его забыть картины детства. Любил ли он по-прежнему Нилу? Рафи не мог дать твердого ответа на этот вопрос. Возможно, он забыл Нилу, но не совсем. Ожерелье из зеленых камней хранилось у него, и ни за какие деньги он не согласился бы расстаться с ним. Даже в веселые часы, проведенные с товарищами, он продолжал помнить о Ниле. Вспоминая их детские игры, он улыбался: какое прекрасное то было время! Несмотря на отсутствие хоккея, футбола и тенниса, сколько привлекательности, веселья, смеха было в их играх! А Нила? Эта маленькая девочка, смесь чертенка с гурией, так смешно коверкающая слова и так весело смеющаяся! Что с нею сталось? Он запомнил Нилу такой, какой видел в час их прощания: маленькой девочкой, которая плакала, глядя на него, и утирала слезы своими детскими кулачками. Такой она и осталась в его воображении. Сам он стал юношей, волосы отца его посеребрила седина, а грушевые саженцы в саду, такие тонкие и нежные когда-то, теперь превратились в огромные деревья, протягивающие к небу свои ветви.

А Нила? Какая она теперь?

Но, увидев Нилу после стольких лет разлуки, он был потрясен. Он читал книгу в саду под деревом, когда кто-то подошел и остановился рядом с ним. Да, это была Нила — воплощение молодости, красоты, прелести. На ее губах сияла спокойная, ясная, как солнечный луч, улыбка. Она держала на руках смеющегося ребенка.

Рафи встал. Нила спросила:

— Ты узнаешь меня, брат?

У Рафи вырвалось:

— Нила?!

Нила засмеялась. Нет, это засмеялась не она, а та красавица, что стояла перед ним. Ребенок при виде Рафи стал говорить что-то очень веселое на языке, понятном ему одному.

Рафи спросил:

— Это твой малыш? Как зовут его?

— Рафи.

Долго Рафи стоял в молчании. Он не чувствовал земли под ногами, не видел неба над головой. Ему казалось, что он летит в пустоту. Внезапно в его памяти пронеслись картины далекого детства: маленький Рафи, бегающий вместе с Нилой за бабочками, а вот Нила и он, нагнув ветки, рвут ягоды самбалу, вот они качаются на качелях, привязанных к высокой кокосовой пальме, что растет на берегу реки. А вот пастушата играют на флейтах, движется свадебная процессия и Нила — его невеста...

Ребенок протягивал ручонки к Рафи и что-то бормотал. Он склонился к нему, потом вынул из кармана какой-то предмет. Это было ожерелье из зеленых камней. Дрожащими руками он медленно надел его на шею ребенку.

В глазах Нилы заблестели слезы. Но Рафи сдержался и, пряча глаза, стал смотреть на небо, по которому, догоняя друг друга, неслись белые облачка.

Перевела с хинди **Н. ТОЛСТАЯ.**

---

[1] Самбалу — кустарник, ягоды, листья и корни которого служат для лечебных целей.

[2] Праздник Ид — один из мусульманских праздников.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Янош КАДАР

«Мы молодая гвардия» — так называется сборник, выпущенный в Будапеште молодежным издательством имени Ференца Мора совместно с Институтом истории партии. В этой книге участники рабочего движения вспоминают некоторые эпизоды борьбы за счастье своего народа, которую вели венгерские юноши и девушки. В книгу включены воспоминания товарища Яноша Кадара, написанные им по просьбе редакторов этого издания летом 1956 года. Ниже мы публикуем с небольшими сокращениями перевод этих воспоминаний.

Есть люди, которые держат себя так, словно явились на свет уже готовыми коммунистами. Другие говорят, что, столкнувшись впервые с рабочим движением, они тотчас поняли, что это и есть истинный путь, и сразу совершенно сознательно приобщились к классовой борьбе. Я не тотчас же осознал эту истину и не сразу стал на этот путь.

Коммунистом я стал лишь тогда, когда в рядах Венгерского коммунистического союза рабочей молодежи (КИМС) меня воспитала партия, рабочий класс, сама борьба.

1

Если сейчас молодой рабочий выйдет из ворот дома № 11 в Будапеште на Танач-кёрут, то, в каком бы направлении он ни шел, через несколько шагов увидит в витрине книжного магазина множество марксистско-ленинских книг и, если захочет, может любую из них купить. Купить может не только потому, что в магазине есть эти книги, но и потому, что у него в кармане есть... ну хотя бы вдвое больше денег, чем стоит такая книга.

В 16-летнем возрасте — это было в 1928 году — я жил в этом самом доме № 11 на Карои, ныне Танач-кёрут. В то время мне понадобилось бы по меньшей мере восемь дней идти пешком, чтобы в витрине книжного магазина — не в Будапеште, а в Вене! — увидеть произведения Ленина. В Венгрии коммунистические книги были под запретом. Но если б я и дошел пешком до Вены, если б у меня и был паспорт для перехода границы, я все равно не смог бы купить желанной книги, потому что у меня нечем было за нее заплатить. Я был учеником механика, на втором году обучения, и получал в неделю 4 пенгё. Из этой суммы еще удерживали в счет пособия на случай болезни, а остальное до последнего крайцера я должен был отдавать в дом, матери, иначе мы умерли бы с голоду. Значит, марксистские книги я мог достать только иным путем.

Году в 1930-м молодой рабочий мог сбить себе ноги до крови и не нашел бы во всей стране помещения, принадлежащего коммунистической партии или молодежному союзу. И слово-то «коммунист» люди осмеливались произносить только тайком.

За рабочей молодежью хортисты следили особо. Закон запрещал рабочему моложе 18 лет быть членом профсоюза. Возможно, именно поэтому Небенфюрер — единственный член профсоюза в мастерской, где я был учеником, — ничего не говорил мне о том, что на свете есть классовая борьба и рабочие организации.

Честно признаюсь, тогда в моей голове еще царил хаос, я сам не очень-то знал, чего хочу и чему мне посвятить свою жизнь. Познания о классовой борьбе моей матери — бывшей прислуги, потом неквалифицированной работницы, едва умевшей читать и писать, — сводились к тому, что она ругала господ. Но когда их начинал ругать я, она говорила: «Сынок, господа — негодяи, они мучат бедных людей, но справиться с ними все равно невозможно, потому что они сильнее». С такими взглядами я, конечно, не мог далеко уйти.

Прежде чем стать членом Коммунистического союза рабочей молодежи, я много повидал в жизни такого, чего, по счастью, нынешняя молодежь уже не видит. Я был подпаском у деревенского свинопаса, мальчиком-слугой у кулака, подручным дворника, разносчиком газет, посыльным. Я работал с 5 утра до начала занятий в школе, а с полудня снова до позднего вечера. Потом я отведал прелестей тогдашнего заводского ученичества. А когда в 1929 году я стал подсобным рабочим, разразился экономический кризис, началась безработица. Так жило в то время наше поколение рабочей молодежи.

Я не понимал жизни, но искал ее смысла. Я хотел стать счастливым, но не как барсук, не в одиночестве, а вместе с матерью, братьями, товарищами-учениками, приятелями, всеми теми, кого я любил и кого вместе со мной мучали и унижали. Я был гордым и хотел рассчитаться с господами, которые к тому же смеялись над моей бедностью.

В этом и была вся моя наука. Я беспомощно искал путь, который вывел бы меня из запутанного лабиринта тогдашней жизни.

2

«Ты любишь играть в футбол?» — спросил меня один из школьных товарищей, Лаци Шегешди. Я не только страстно любил футбол, но в глубине души крепко верил, что через год — другой буду новым Кохутом, Жаком или Опата. Они тогда были для нас тем же, чем для современных мальчишек являются Божик, Хидегкути или Шандор. Мой друг отвел меня в спортивный клуб на улице Харшфа, и меня приняли в его члены. У нас была настоящая полосатая желто-синяя форма. Я истрепал множество ботинок, получив за это бесчисленное количество затрещин от матери.

Два года почти каждое воскресенье я, как лев, сражался на посту центрального полузащитника в глубоких песках Неплигета. Но из меня так и не вышло футболиста сборной.

Когда я стал учеником механика, пришлось расстаться со спортивным клубом. Но занятия футболом не прошли для меня без пользы. В клубе я познакомился с братьями Фенакель, один из которых позднее сыграл большую роль в моей жизни. Именно он привлек меня к работе Венгерского коммунистического союза рабочей молодежи.

3

Когда мне исполнилось 16 лет, моему другу, ученику парикмахера Рейзнеру, не надо было спрашивать меня, люблю ли я играть в шахматы. Об этом было известно всей нашей улице. Мальчишки с Карои-кёрут очень хорошо знали, что я почти каждый вечер с 11 до 12, сидя на краю тротуара или на скамье, или читаю, или играю в шахматы при свете уличного фонаря. В тесных квартирах наших родителей невозможно было повернуться; они любили нас, когда мы были за дверью. В нашем доме к тому же и электричества не было, а жечь керосинозую лампу стоило дорого.

На улице Хаваш, в помещении профессионального объединения парикмахеров, происходили молодежные шахматные соревнования. В этих соревнованиях я вышел победителем. Но вскоре условия жизни у меня настолько ухудшились, что пришлось расстаться с шахматным обществом. Однако и увлечение шахматами не прошло даром для меня.

После победы в молодежных соревнованиях на улице Хаваш мне выдали в виде премии книгу. Человек лет тридцати — тридцати пяти, вручавший этот приз, был очень доволен, узнав, что я люблю читать. Он посоветовал перечитать книгу несколько раз, если я не пойму ее с первого раза. Я и сейчас с любовью вспоминаю об этом неизвестном человеке.

Просмотрев дома книгу, я удивился. Уже само ее название — «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» — показалось мне странным. С содержанием было еще хуже. До этого я перечитал много всяких книг, начиная от бульварного романа «Мистер Геркулес» до Жюля Верна и Золя, но такой книги не встречал никогда. Дочитав ее до конца, я был потрясен: написано по-венгерски, буквы я знаю, понимаю слова, отдельные предложения, а в целом — полная темень. Свои умственные способности я в то время оценивал очень высоко и решил, что в книге ошибка.

Тайна жизни на земле всегда волновала меня. В книге было написано, что «жизнь есть способ существования белковых тел». Это и возмущало, и тревожило, и возбуждало интерес.

Короче говоря, я стал рабом этой книги. Я все больше погружался в нее; за восемь месяцев я перечитал ее не помню уж сколько раз. Друзья дразнили меня, показывая ослиные уши, но я не уступал. В конце концов они стали постукивать себя пальцами по лбу; это означало, что у меня «не все дома». Не могу сказать, что я тогда же полностью понял «Анти-Дюринг» Энгельса, первую марксистскую книгу, которая попала в мои руки. Но с этого времени я уже по-иному раздумывал о жизни. Я еще не был полностью захвачен идеями марксизма, но во мне зажегся неугасимый интерес к научному социализму.

Так, надеясь выиграть первый приз на молодежных шахматных соревнованиях, я получил произведение Энгельса, выиграв в тысячу раз более ценное: входной билет в удивительный мир марксистской науки.

4

Так как по своей специальности я не мог устроиться, а жить было нужно, летом 1930 года я стал работать на улице Клаузаль складским рабочим у крупного торговца коврами. Однажды утром склад поспешно закрыли, сказав, что мы будем работать только завтра. Оглянувшись вокруг, я увидел, как с большой торопливостью закрывают ближайшие магазины и мастерские. На улицах было мало прохожих. Какой-то пожилой рабочий прошел мимо дома, потрясая кулаком и крича: «Погодите, буржуи, теперь рассчитаемся с вами!» Он был один, никого не трогал, но я видел, что он привел в ужас обывателей улицы Клаузаль. Услышав, что безработные демонстрируют на улице Надьмезё, я бросился туда. Улица была пуста, словно покинутое поле сражения. Я ступал по осколкам стекол разбитых витрин. На Андрашши-ут подобная же картина. Я направился по вымершей улице к роще. На Надь-кёрут — полицейский кордон. Дальше идти не разрешили. У улицы Кираи то же самое. На углу улицы Доб я повстречался с идущей с Варошлигета рабочей демонстрацией и присоединился к ней. Демонстранты говорили о столкновениях, происшедших на

Варошлигете и в его районе. Торжественное чувство, какое-то веселое напряжение, царившее среди людей, передалось и мне.

На улице Доб из-под каких-то ворот вынырнула телега, нагруженная бутылками с содовой. Идущий рядом со мной рабочий закричал вознице и людям, сопровождающим повозку: «Почему вы работаете? Сегодня забастовка!» Возница хлестнул рабочего кнутом по лицу. То, что последовало вслед за этим, разыгралось в несколько мгновений. Я ни о чем не раздумывал, ничего не решал. И сейчас не знаю, как это произошло, но я опомнился только в самой гуще свалки. Я основательно обрабатывал кулаками фабричных с содового завода, дравшихся бутылками.

Когда я пришел в себя, я сидел на скамье на Карои-кёрут. Все мое тело болело, и все же никогда в жизни я не чувствовал себя так хорошо, как тогда. Я изведал вкус борьбы, меня увлекла за собой горячая волна борющегося рабочего класса в великий, боевой для будапештского пролетариата день — 1 сентября 1930 года. Я еще не был коммунистом, не был классово сознательным молодым рабочим, но я жалел, что не знал заранее об этой демонстрации.

5

В первой половине 1931 года, будучи безработным, я много времени провел на улице Йожефа, на бирже, в ожидании требований на рабочую силу. В то время народ не зря прозвал государственную биржу «плевалкой». Среди нас богатым считался тот, кто завтракал и у кого в кармане было 20 филлеров на кусок хлеба и пять сигарет «Левенте». Проклиная фабрикантов и мучимые голодом, мы действительно больше занимались сплевыванием голодной слюны.

В плевалке велись страстные политические споры. Некоторые рабочие, находившиеся под влиянием правых социал-демократов, повторяли слова Пайера: «Надо терпеливо ждать, неразумными действиями можно навредить». В то время на биржу ходило много несознательных и неорганизованных рабочих. Таким же был и я. Но громадное большинство, да и я сам, соглашалось с правдивыми словами коммунистических агитаторов. Мы настаивали на борьбе, кричали «долой» проповедникам ангельского терпения и не раз выгоняли с биржи полицейских, пытавшихся нас утихомирить.

Раньше я думал, что могу умереть с голоду или замерзнуть вместе со своей семьей, а другие люди так этого и не заметят. Но теперь я уже понимал, что нас, рабочих, много-много тысяч и мы будем работать, жить, а если надо, бороться.

Однажды товарищ, которого я знал по ежедневным дискуссиям, сказал: «Идем на площадь Ракоци на демонстрацию». Я с радостью пошел с ним.

На демонстрации я решительно и громко выкрикивал наши требования. Так в первый раз я уже сознательно принял участие в великой борьбе рабочего класса.

6

В начале сентября 1931 года я, задумавшись, шел по улице Барчаи. Вдруг я услышал знакомый голос: меня приветствовал мой друг из футбольной команды Янош Фенакель, которого я не видел 5 лет. Во время разговора выяснилось, что нас занимают одни и те же мысли, правда, далекие от футбола. Оба мы были молодыми рабочими, оба безработными. Я рассказал ему о положении у меня дома, как я напрасно пытался раздобыть какую-нибудь работу. Поведал я другу и о том, что участвовал в демонстрации безработных. Я добавил, что не знаю только, как бороться дальше.

Выслушав меня, Янош сказал, что он член Венгерского коммунистического союза рабочей молодежи и что мое место тоже там. В первый раз передо мной стоял человек, который принадлежал к подпольному движению. Я был потрясен. Уж не помню, как я рисовал себе тогда коммунистов, но меня очень удивило, что этот — такой же, как я, молодой рабочий. Неужели Янош, которого я хорошо знаю, который вместе со мной в детстве гонял мяч,— коммунист? Но удивление мое быстро перешло в радость: я понял, что и я могу стать коммунистом!

Неделю спустя, в четверг, около 5 часов вечера я уже был на пути к дому № 11 на улице Эдэ Паулаи — первому в моей жизни месту встреч коммунистов-подпольщиков.

Это было собрание первичной организации коммунистической молодежи, которая носила имя Свердлова. Организация принадлежала к внутреннему району северной части Будапешта.

На собрании я был принят в члены КИМС. Эта первичная организация состояла из трех молодых рабочих; среди них была девушка-секретарь, которая вела собрание. Мне рассказали, кто был Свердлов, что такие большевики, что означает Советский Союз для рабочих всего мира. Говорили о конспирации, о защите от преследований хортистской жандармерии, о связи легальной и нелегальной работы и многих других важных делах. Я получил подпольную кличку «Шатен».

После собрания с бьющимся сердцем я отправился домой. Я был горд доверием товарищей. Но были у меня и ребяческие мысли: я думал о том, с каким удивлением и завистью узнают когда-нибудь мои друзья, что я стал членом нелегального движения молодых рабочих. И потом, я немного боялся. Но боялся не полиции, не тюрьмы, а своей шумливой по характеру матери.

В этот вечер за один только час число близких мне людей увеличилось на три человека — членов группы, в которую я вошел. Мне казалось, будто я знал их раньше и лучше, чем родных братьев. Я считал их смелее самых смелых юношей, которых когда-либо знал, а секретарь первичной организации казалась мне красивее самых красивых девушек. Словом, я пошел бы за них в огонь и в воду. Они были коммунистами, и этого было достаточно, чтобы мое сердце раскрылось для них.

Я тоже стал коммунистом... Это большое чувство, заставлявшее сильнее биться мое сердце, царило во мне, когда я глядел на спешащих мимо прохожих, не подозревавших о моей великой тайне.

Янош Кадар на первомайской демонстрации в Будапеште. 1957 год.

7

Однажды в субботний вечер товарищи отвели меня на улицу Казинци, где я слушал доклад Аттилы Йожефа о рабочей культуре. Был я и на вечере в помещении Всевенгерского объединения финансовых служащих, где пел хор. Там я познакомился со многими товарищами, услышал рабочие песни, зовущие к борьбе.

Вместе с другими членами первичной молодежной организации я принимал участие в нелегальных демонстрациях. Однажды мы помешали предателю рабочего дела Пайеру прочитать доклад в помещении профсоюза металлистов на улице Ваци. Один из наших товарищей, стоя в воротах, следил, чтобы нас не схватили, а мы в самом помещении репликами, возгласами, перепалкой, затеянной с устроителями доклада, заставили Пайера замолчать. Он не смог продолжать доклад и потом еще долгое время даже не показывался на Андялфёльде.

В другой раз мы провели летучий митинг у ворот коноплянoджутового завода. Двое товарищей, сочинив какую-то историю, выманили полицейских с поста у завода, а мы раздавали прокламации высыпавшим на улицу рабочим, среди которых было много женщин. Потом мы подняли на плечи товарища по кличке «Русский», который от имени партии произнес краткую речь. Затем вместе со всеми рабочими запели Интернационал. Люди заполнили улицу Ваци, загородили трамвайные пути. Движение остановилось. Далеко звучало коммунистическое слово, вместе с нами пели сотни трудящихся.

8

Очень больно было узнать, что полиция схватила нескольких членов КИМС и среди них двух товарищей из нашей первичной организации. Но предаваться унынию было некогда. Нам поручили организовать демонстрацию на Андялфёльде по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

28 членов партии и КИМС начали с того, что стали распространять листовки и организовали летучий митинг у ворот Модельного завода на улице Мор.

После митинга, развернув принесенные тайком знамена, мы построились в ряды и двинулись. Пройдя улицы Яс, Сегеди, Гёмб, Кароя Паппа, Андялфёльдскую, Яничар, мы вышли на улицу Ваци. Мы маршировали под звуки Интернационала и гимна рабочей молодежи и выкрикивали лозунги: «Работы и хлеба! Веревку хортистам!» По дороге к нам пристроились 40—50 рабочих. Там, где мы проходили, люди открывали окна, подхватывали нашу песню, а многие спускались на улицу и присоединялись к нам. Когда мы достигли улицы Ваци, демонстрантов было около 350—400 человек. Нас никто не останавливал. На площади Беке мы заметили полицейского. Он бросился наутек и скрылся в противоположном направлении. На улице Ваци нас ждали 30—40 полицейских, но и они отступили перед нашей демонстрацией.

Когда наши руководители увидели, что со стороны Уйпешта и Западного вокзала приближаются трамваи, наполненные полицейскими, они дали указание кончать демонстрацию. Спрятав знамена, мы разошлись в разные стороны. Вместе с двумя другими членами КИМС я отправился к центру города. Издалека мы заметили, как группа полицейских, которых было уже человек 100—200, атаковала и начала избивать оставшуюся там толпу любопытных. Поли-

цейские бесновались, но андялфёльдская демонстрация 7 ноября успешно закончилась.

9

Через два дня после демонстрации, в понедельник 9 ноября, я пошел на улицу Дьёрдя Клапка на нелегальную явку, чтобы повидаться с Лайошем — членом нашей первичной организации, который не был арестован. Там мы встретились с товарищами Имрэ Шебешем и Йожефом Кёбёлем. Неожиданно появились хортистские шпики. Дело кончилось тем, что Шебешу и Кёбёлю удалось спастись, а нас двоих схватили.

Сегодня уже не очень интересно рассказывать, как нас хотели сломить красивыми словами, угрозами, пытками. Хортистам это не удалось. Мои товарищи, с которыми я обменялся двумя словами, пока нас везли в прокуратуру, с радостью узнали, как удачно прошла демонстрация в Андялфёльде.

Через три месяца хортисты были вынуждены всех нас выпустить. В тюрьме Толонцхаз мы все четверо сидели в одной камере. Всю ночь до утра мы разговаривали и смеялись. Часовой непрерывно стучал к нам, а утром надзиратель сердито орал на нас: «Какого черта вы смеетесь?!» Мы ничего не ответили, но каждый, наверно, подумал про себя: «Откуда этому глупому чурбану догадаться о том, как прекрасно быть молодым, быть коммунистом, вернуться снова к жизни, к борьбе?» Я думаю, что именно тогда я перестал быть мальчиком и стал коммунистом — после того, как в первый раз попал в руки классового врага. Жестокость хортистских шпиков, прокуроров, судей, тюремных сторожей и в то же время проявленный ими страх перед нами окончательно убедили меня в том, что я иду по правильному пути.

10

После нашего освобождения из Толонцхаза товарищ Ференц Лёвингер[1] сказал, что я должен пойти на нелегальную встречу. На этой встрече я познакомился с товарищем Дьёрдем Шебешем, который позднее сражался в Испании и погиб смертью храбрых. От него я узнал, что буду работать в качестве члена районного комитета КИМС.

Он передал мне свернутый пакет. Это был декабрьский номер нелегальной партийной газеты «Коммунист» за 1931 год. Я начал читать письмо рабочего, которое было напечатано вместо передовой статьи, и меня охватило чувство уважения к силе подпольного движения. К этому, должен признаться, присоединилось и чувство личной гордости. Еще в октябре один из работников КИМС предложил мне написать письмо о безработице. Я написал и передал ему, но забыл об этом. Оказалось, что в то время, когда, посадив меня в одиночную камеру на четвертом этаже Окраинной Будапештской тюрьмы, хортисты отгородили меня от мира, мои строки продолжали вместо меня борьбу на воле. В переданном мне товарищем Дьёрдем Шебешем номере нелегальной партийной газеты «Коммунист» я прочитал собственное, написанное в октябре письмо. Товарищи отложили для меня этот экземпляр, чтобы я увидел: борьба не прекращается.

11

В заключение еще один эпизод из того периода.

Весной 1932 года как член северного районного комитета КИМС я беседовал с девушкой-коммунисткой, секретарем нелегальной первичной организации фабрики шелковых изделий. В то время в этой организации было четыре человека, и уже несколько месяцев они не принимали новых товарищей. Я поинтересовался причиной. Девушка сказала, что новых членов в организацию они не принимают потому, что у них на фабрике работают девушки, которых не интересуют такие серьезные дела, как, например, экономическое положение или политика. «Они интересуются только кино, губной помадой, красивыми платьями,— сказала секретарь заводской организации.— И, кроме того,— продолжала она очень огорченно,— они не всегда безупречны в нравственном отношении».

Сначала я не знал, что ответить, только безмолвно смотрел на нее и раздумывал. Потом у меня возникла мысль, которая с тех пор всегда приходит мне в голову, когда речь идет о нашей молодежи. Нельзя судить о ней по внешним признакам. В молодежи таятся прекрасные человеческие возможности, из нее вырастут замечательные люди будущего.

Девушка, с которой я разговаривал, всего полгода как вошла в подпольное коммунистическое движение. Полгода назад она сама была именно такой, как те, на которых она высокомерно смотрела после шестимесячной нелегальной работы. Кино, красивые платья, юноши интересовали, конечно, и ее, но она смогла заинтересоваться и более серьезными вещами. И как она сама назвала бы теперь того члена КИМС, который восемь месяцев назад отмахнулся бы от политической работы с ней, заявив, что это дело безнадежное: ведь ее интересуют только кино, красивые платья и юноши!

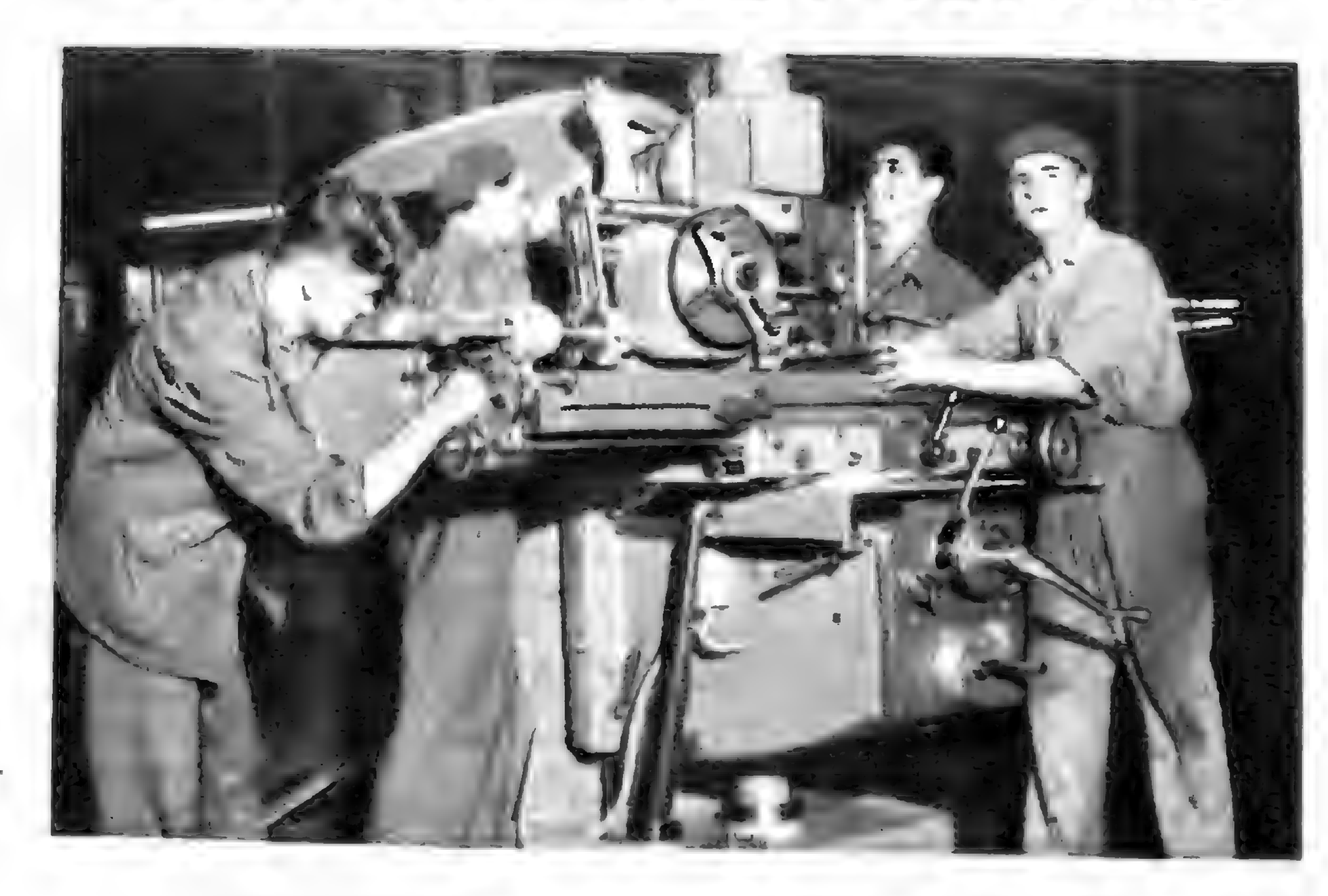
Когда я сказал об этом девушке, она смутилась и, видимо, переменила свое мнение. Вскоре ей удалось вовлечь в заводскую организацию КИМС не одну славную девушку-работницу.

Все это относится и к нашему времени. Поступками и поведением молодых людей, еще не обладающих политическим сознанием, управляют не те идеи, с которыми они еще не знакомы или познакомились лишь поверхностно, а разобщенные, неясные желания и еще не перебродившие чувства. Тому, кто призван к работе с молодежью, надо это видеть и уметь пробуждать в молодежи то, что скрывается под этой оболочкой и что представляет великую созидательную ценность для будущего нашей Родины, строящей социализм.

Молодежи надо помочь в ее первых шагах на великом пути. Где бы мы были сами, если б наши более зрелые товарищи не помогали нам с таким терпением и любовью!

[1] Ференц Лёвингер был убит фашистами в 1944 году в возрасте 37 лет.

ЧЕПЕЛЬ—ФЕСТИВАЛЮ

Молодежь Чепельского станкостроительного завода готовит подарок к фестивалю — фрезерный станок типа «UF22».

Дьердь КОВАЧ

— Тише! Москва на проводе!

В комнате комитета Коммунистического союза молодежи Чепельского комбината наступила тишина. Все с волнением прислушиваются к разговору.

Волнение это понятно. Между молодыми рабочими Чепеля и молодежью Московского автозавода имени Лихачева вот уже несколько недель как налажена связь, ведется частая переписка. Московские друзья пригласили чепельскую молодежь в гости, на VI Всемирный фестиваль. Об этом и идет сейчас разговор по телефону.

Мы поинтересовались у членов комитета и секретаря организации Коммунистического союза молодежи товарища Коханеса, как готовятся чепельцы к фестивалю, чем собираются они порадовать советских друзей. Нам рассказали так много интересного, что мы еле успевали записывать. Затем мы отправились в различные цехи комбината и повсюду были свидетелями оживленной подготовки.

На станкостроительном заводе мы увидели наполовину готовый фрезерный станок типа «UF 22». Нас удивило, что за всю смену никто к нему не притронулся, никто даже не подошел. Объяснение оказалось простым. Этот станок молодежь делает после окончания рабочего дня. Его повезут в подарок в Москву.

На комбинате готовят множество других подарков. Молодые рабочие с гордостью показали нам специальный мотоцикл «Паннония». Они похвастались, что таких моторов в мире всего четыре. Этот мотор — «медаленосец»: первый его экземпляр получил на конкурсе в Париже золотую медаль. Мотоцикл может идти со скоростью 120 километров в час в течение 24 часов.

Молодежь завода швейных машин работает над швейной машиной совершенно нового типа, которая выполняет 60 операций. Ученики ремесленной школы отливают маленькие скульптуры, делают носовые платки с отпечатанными на них видами Будапешта, готовят еще множество приятных сюрпризов.

Оживленная жизнь кипит во Дворце культуры и на спортивных площадках. В программе клуба — утренники, беседы, репетиции. Недавно здесь прошел конкурс красавиц. Теперь молодежь готовится к соревнованиям певцов, пианистов, аккордеонистов, мастеров художественного слова. Состоится здесь и конкурс эмблем. Любители литературы взялись за перо, они будут бороться за первое место своими произведениями. Шестнадцать футбольных команд соперничают в состязаниях на переходящий кубок. Готовятся и волейболисты, и гимнасты, и легкоатлеты, и велосипедисты.

В июле на комбинате состоится бал в честь VI фестиваля. В этот день объявят результаты соревнований, представят делегатов завода, которые отправятся в Москву.

Будапешт.

Секретарь первичной организации Коммунистического союза молодежи слесарь Янош Гал и слесарь Иштван Пачаи у мотоцикла «Паннония».

Афанасий Никитин

На съемках фильма

О. СТРИЖЕНОВ

В Индии

Двое суток летели мы из Москвы в Бомбей. Свыше двух лет длился путь в Индию тверского купца Афанасия Никитина, рассказавшего об этой заморской стране в своих записках «Хождение за три моря». Было это полтысячи лет назад...

Мы, советские кинематографисты, прибыли в Индию на съемки фильма об этом замечательном путешественнике. Как уже известно читателям «Огонька», это первая совместная творческая работа советских и индийских киностудий «Мосфильм» и «Найя-Сансар».

Мы прибыли на то же побережье Аравийского (тогда Индийского) моря, куда пять веков назад причалил Афанасий Никитин. Но богатый порт Чаул, где некогда высадился отважный тверичанин, ныне являет собой развалины. Да и современная уличная толпа разительно не похожа на тех индийцев, которые изумленно встречали чужеземца из неведомой им страны Русь.

Совместно с индийскими исполнителями центральных ролей мы снимались в павильонах студии «Найя-Сансар». А потом неподалеку от города в густых зарослях зелени были построены легкие хижины из бамбука, соломы, глины — целая деревня, где живет с родителями Чампа, спасенная Афанасием Никитиным от укуса ядовитой змеи...

Простой народ Индии, мужчины и женщины охотно оставляли повседневные дела, чтобы участвовать в съемках. Трогательно-внимательным было отношение импровизированных участников картины к нам, советским людям.

В съемках участвовали даже брамины. В Аурангабаде они нам разрешили проводить съемки на территории храма, а потом организовали религиозную процессию 800 верующих.

Хождение за три моря первого русского путешественника Афанасия Никитина способствовало дружеским связям индийского и русского народов не только в XV, но и в XX веке. Большую радость испытали мы, советские кинематографисты, увидев, какой интерес проявляет общественность Индии к съемкам этого исторического фильма. Нас принимал в Дели премьер-министр Джавахарлал Неру, проявляя сердечное внимание.

В фильме участвуют лучшие мастера любимой советскими зрителями индийской кинематографии. Роль Чампы играет Наргис. Будучи в Индии, мы познакомились с ее новой работой — «Мать Индия». Великолепным даром перевоплощения обладает талантливая актриса. Трудность этой ее роли в том, что на большом протяжении времени должен быть раскрыт жизненный путь ее героини — от молодых лет до глубокой старости.

В роли великого визиря Махмуда Гавана Притхви Радж.
Фото индийского корреспондента П. Н. Шармы.

В Индии мы сыграли с Наргис лишь некоторые сцены. Впереди еще много работы.

Много раз встречается Никитин со своим индийским другом Сакарамом. Эту роль играет артист Балрадж Сахни, один из самых популярных и любимых в Индии. Советским зрителям он хорошо знаком по роли крестьянина в картине «Два бигха земли».

Образ великого визиря Махмуда Гавана, ученого, правителя государства бахманидов, воссоздает в фильме Притхви Радж (игравший судью в «Бродяге»). Он не только киноартист, а и видный театральный деятель.

Игра индийских артистов проста, непосредственна, переживания искренни. Мы ощущаем близость наших театральных школ, принципов актерского мастерства. Правда, творческое общение с актерами наладилось не сразу. Затрудняло незнание языка. Но скоро мы нашли необходимый творческий контакт, и я почувствовал, как тонко и уместно реагирует на мои русские слова собеседник, говорящий по-своему.

Съемки в Индии были нелегкими для нас, непривычных к тамошнему климату. В сильную жару мне приходилось приклеивать бороду, надевать под кафтан толщинки. Характерно, что когда в Индии при 35 градусах жары заканчивались натурные съемки, под Москвой шла съемка «царского двора Ивана III»,— был мороз в 25 градусов.

На «Мосфильме»

В павильоне «Мосфильма» построен деревенский глинобитный домик. Вокруг непривычный пейзаж с пальмами. Трепещет пламя светильника. Из темноты проступают серо-землистые стены, тростниковая крыша, длинное окно, огражденное деревянными колышками. Мерцающий свет озаряет милое смуглое лицо Чампы с традиционным красным пятнышком на лбу. Сидя на циновке, Чампа качает колыбель. Монотонно звучит колыбельная, грустен ее напев. Задумчиво лицо Чампы, глаза полны слез. Она вспоминает о чужестранце — человеке, «который был добрее всех на свете», о прошедшем мимо нее счастье...

Такой в последний раз увидел Чампу через окно хижины Афанасий Никитин на обратном пути на свою родину.

В роли Афанасия Никитина Олег Стриженов.

Моление Чампы. В роли Чампы Наргис.

Мы беседуем с Наргис. Она, как всегда, в белом национальном костюме. Наргис — белый нарцисс — вот что означает на родном языке актрисы ее поэтичный псевдоним.

— Третий раз приезжаю я в Москву и чувствую себя в вашем гостеприимном городе, как дома,— охотно рассказывает Наргис.— Когда остается время, хожу в гости — у меня здесь много друзей,— посещаю театры, музеи, парки. Мне очень понравилась Сельскохозяйственная выставка — сказочный город прекрасных павильонов и фонтанов. С наслаждением смотрю ваш прославленный балет.

Но главное — это съемки,— продолжает Наргис. — Этот фильм послужит выразительным и образным доказательством того, что наша дружба возникла не сегодня, а уходит далеко-далеко, в века, когда к нам, в нашу прекрасную страну, приплыл через три моря первый русский.

Музей искусств в Ташкенте

Белый дом со строгими колоннами знают не только ташкентцы, но и многочисленные гости из-за рубежа, посещающие столицу Узбекистана.

Ценители искусства непременно найдут здесь что-либо интересное для себя, настолько разнообразны экспозиции в двадцати залах.

Раздел русской живописи — самый крупный в музее. В нем работы К. Брюллова и И. Репина, К. Коровина и О. Кипренского, И. Айвазовского и В. Тропинина, И. Шишкина и А. Боголюбова... Широко представлен в экспозиции К. Маковский. Здесь находятся написанные в совершенно необычной для него манере, с резкими светотенями, небольшие полотна, посвященные поездке художника в Египет.

Неизгладимое впечатление оставляют работы передвижников и примыкавших к ним, хотя и не входивших в товарищество, живописцев.

Вот изможденный, согбенный годами и горем старик-крестьянин В. Перова; картина Н. Ярошенко: беременная девушка-горничная, выгнанная господами, оказывается на улице; работа К. Трутовского «Пропивают невесту»...

В этих залах посетители задерживаются надолго, находя все новые и новые сокровища русской живописи.

Как хочется шагнуть за раму картины Ф. Васильева, прямо в сосновый бор, к этим крестьянским ребятам, или отдохнуть на зеленой траве-мураве в роще, так любовно изображенной И. Левитаном!

А рядом с ласкающими взор пейзажами русской природы А. Куинджи, И. Ендогурова зеленовато-серые, источенные пагубной страстью лица «Опиумоедов», с беспощадной правдивостью реалиста изображенные В. Верещагиным.

В разделе советской живописи представлены работы художников Узбекистана.

Огромной популярностью у посетителей музея пользуются залы, где представлены образцы народного творчества Узбекистана. Работы златошвей Бухары, чеканная медная посуда, резьба и роспись по дереву, чудесные вышивки, керамика и яркие ткани маргеланских ткачих — свидетельство неумирающего мастерства народных умельцев, пронесенного через века.

Н. СОЛОВЬЕВА

Профессор Полежаев

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

Роль профессора Полежаева в спектакле МХАТ «Беспокойная старость» Ю. Кольцов играет просто, сдержанно, скромно. У него негромкий голос, немножко неуверенные жесты старого и рассеянного человека, полное отсутствие внешней патетики.

Откуда же ощущение значительности Полежаева — Кольцова, почему так неотрывно следишь за ним в спектакле?

Актер не подчеркивает, что перед нами знаменитый ученый, ярко самобытная фигура. Ему прежде всего важно убедить нас в том, что этот всемирно прославленный ученый — чудесный человек, с ясной душой и разумом. Полежаев Кольцова становится воплощением всего человечески-светлого, и вы не можете не полюбить его, как старого и доброго, бесконечно близкого друга. Поверив в кристальную честность, правдивость Полежаева, мы понимаем, что он не может не принять то новое, что принесла с собой революция. Больше того, он утверждает ее всей силой своей человечности.

Главная тема образа, созданного Ю. Кольцовым, — это революция, ее великие события, отраженные в чистейшем, трепетном и чутком человеческом сердце. Тревоги, размышления, гнев, боль и радости Полежаева, с такой прозрачностью показанные артистом, служат как бы отображением бурь и событий, которые происходили в общественной жизни того времени. В его душе, как в капле воды, отражена правда и красота великой эпохи.

«Беспокойная старость» в Московском художественном академическом театре СССР имени А. М. Горького. Профессор Полежаев — Ю. Э. Кольцов, его жена — народная артистка СССР О. Н. Андровская.

Кольцов избегает малейшего нажима, ему свойственно удивительное актерское «целомудрие». Роль Полежаева выигрышна, в ней есть целый ряд ярких положений, реплик, сцен, но артист совсем не подчеркивает их: в каждую секунду сценического действия он весь поглощен событиями.

Большая тема пьесы раскрывается Кольцовым бережно и правдиво.

СО СТРАНИЦ ПОВЕСТИ

Алиса КООНЕН,
народная артистка РСФСР

Сатирическая повесть Достоевского о деревенской «идиллии» — «Село Степанчиково и его обитатели» — давно утвердилась на театральной сцене. Автор задумал ее как комедию, но смех автора далеко не весел: и здесь звучат те же темы деспотизма, мучительства, которые широко проходят в творчестве Достоевского. Герой повести Фома Опискин, неудачливый литератор, ханжа и пустослов, «сластолюбивая, капризная тварь», — всеобщий тиран в имении Ростанева.

О Ростаневе, гусарском полковнике в отставке, автор говорит: «Это был один из тех благороднейших и целомудренных сердцем людей, которые даже стыдятся предположить в другом человеке дурное... Жертвовать собою интересам других — их призвание». Добряка-полковника все окружающие: глупая, вздорная мать, ее приживалки, Опискин — так долго убеждали в том, что он бессердечный эгоист и скряга, что и сам Ростанев уверовал в свои «пороки».

...Чацким, Пушкиным, Макбетом привыкли мы видеть на сцене Михаила Ивановича Царева. Образ Ростанева несколько неожидан для его творчества. Артист раскрывает в нем новые грани своего дарования.

Герои Достоевского — люди больших, сильных страстей. Таким и рисует Царев своего Ростанева. Но мятежная страстность духа сочетается в нем с полным безволием: он устойчив в своем стремлении к добру и... неустойчив в своих действиях. Ростаневу в исполнении Царева сочувствуешь, когда он произносит горячие речи, упрямо отстаивая то, во что глубоко верит, — вы видите, какая это благородная натура. Царев «поднял» образ Ростанева, сделал его значительным, весомым.

Актер не ограничился, как это бывает, внешней характерностью. Его отставной полковник, вопреки своей грубоватой наружности, деликатен, застенчив. Его любовь к Настеньке Царев окрашивает романтикой, поэтичностью. И становится понятным, что такого обаятельного, непосредственного человека — пусть он и не молод — могла полюбить юная девушка.

Блестяще проводит Царев кульминационную сцену спектакля. Злобствующий Фома, опьяненный своей властью, оскверняет чувство Ростанева, оскорбляет доброе имя его любимой девушки. Ростанев вступается за Настеньку. Куда девались его нерешительность, безвольность. Он выбрасывает Фому из своего дома.

Удача Царева — в глубоком и очень правильном «чувствовании» Достоевского. Его Ростанев словно сошел живым со страниц повести.

«Село Степанчиково и его обитатели» в Малом театре. Ростанев (справа) — народный артист СССР М. И. Царев, Фома Опискин — народный артист СССР И. В. Ильинский.

ПОБЕДА АРТИСТКИ

П. МАРКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Женщина с вьющимися рыжими волосами, с надменным и чувственным лицом, с внезапной и причудливой сменой настроений, с таким упорством защищающая свои права на трон, — такой предстает перед зрителями королева Елизавета («Мария Стюарт» Ф. Шиллера) в исполнении А. Степановой.

Ее облик необычен. Она некрасива, но отнюдь не уродлива. Есть свое злое обаяние в этой надменной женщине, облаченной в тяжелую парчу. Она, несомненно, умна. Покоясь на троне, она упивается своей мощью, хорошо сознавая полноту принадлежащей ей власти. Но за всей нарядной пышностью, за всем неутомимым наслаждением властью в Елизавете — Степановой таится нечто тревожное и беспокойное; слишком нарочито она демонстрирует свое королевское величие, и не всегда ее блистательная игра в королеву способна скрыть ее томление. При всей своей внешней колючести она очень женственна.

Высокомерная, откровенно вызывающая, появляется Елизавета в платье амазонки со стеком в руках перед Марией. Она не в силах удержаться от оскорблений, которыми осыпает униженную Марию, чтобы быть униженной в свою очередь. Торжество, которого она ждала, оказывается мнимым. И внезапно Елизавета обнаруживает свое бессилие. Она готова ударить Марию стеком, которым до этого иронически поигрывала. Но она бежит от обличительного гнева соперницы — бежит, теряя горделивую королевскую осанку и увлекая за собой растерявшуюся свиту.

Артистка не боится самых резких и смелых красок. Задыхаясь от гнева, страстно любя и ненавидя Лестера, безжалостно обвиняя его и трепетно ожидая оправдания, Елизавета швыряет в него первыми попавшимися под руку предметами, и только самоуверенность Лестера заставляет королеву опомниться. К ней возвращается ее расчетливая подозрительность: торжествуя, легко и спокойно, не сводя глаз с Лестера, она приказывает ему возвестить приговор о казни Марии.

Заключительную короткую сцену Степанова проводит как бы прикованная к завоеванному и закрепленному за нею трону. Здесь нетерпеливо ждет она известия о смерти Марии. Победившая, она перекладывает вину на плечи своих советников. Только весть об отъезде Лестера на миг сокрушает ее, но огромной силой своего неистового честолюбия она побеждает слабость. Выпрямляется — и такой остается в памяти зрителей — закованная в золотую парчу.

Мастерство талантливой артистки сделало неожиданным и новым жестокий образ королевы Елизаветы с ее честолюбием, чувственностью, политическим авантюризмом, бушующими в этой женщине страстями. Степанова осуждает ее со всей беспощадностью.

«Мария Стюарт» в Московском художественном академическом театре СССР имени А. М. Горького. Королева Елизавета — народная артистка РСФСР А. И. Степанова.

Фото А. Гладштейна.

Крылатый теплоход

В подарок VI Всемирному фестивалю судостроители завода «Красное Сормово» построили первый пассажирский теплоход на подводных крыльях, названный «Ракетой».

Особенность конструкции этого судна, созданного по проекту инженера Р. Е. Алексеева, заключается в том, что в движении корпус его не соприкасается с водой, по воде скользят лишь расположенные под корпусом плоскости — подводные крылья. Это резко снижает сопротивление, позволяет развивать скорость 60—70 километров в час.

В пассажирском салоне теплохода 66 мягких кресел с откидными спинками; такие же, как в самолете. На судне имеется буфет, на корме под навесом расположена прогулочная палуба. Экипаж судна — три человека: механик, капитан и матрос. Управление централизовано и осуществляется непосредственно из ходовой рубки.

Новый речной экспресс отлично показал себя на испытаниях. К фестивалю в Москву на нем прибудет группа молодых судостроителей «Красного Сормова».

Заводские конструкторы трудятся сейчас над созданием грузо-пассажирского теплохода на подводных крыльях.

Инженер **И. СОЛОДЕНКО.**
Горький.

* * *

Крылатый теплоход скоро отправится в свой первый дальний рейс—из Горького в Москву. Но в столицу уже прибыл его «младший брат» — пятиместный катер на подводных крыльях. На днях корреспондент «Огонька» совершил на нем прогулку по каналу имени Москвы.

Нарядно окрашенное в белый цвет небольшое суденышко ничем внешне не отличается от многих катеров, стоящих у пристани в Химках. Но вот механик — сормович И. Г. Седельников — берется за руль, включает мотор, и мы стремительно выносимся на середину водохранилища. Ощущение такое, будто находишься в кабине гидросамолета, рулящего на старт. Так легко мчится катер по воде, кажется, вот-вот он оторвется, пойдет ввысь. Но такое впечатление обманчиво: крылья судна в воде, их можно видеть только в том случае, если смотреть со стороны.

В ушах свистит, перед глазами, как в калейдоскопе, мелькают гранитные причалы Северного речного вокзала, пароходы, баржи. Пулей проносимся под мостом Ленинградского шоссе, мимо соснового леса и за какие-нибудь 5—6 минут достигаем пристани Левобережная. Обычные пассажирские суда, курсирующие по каналу, проходят это расстояние примерно за полчаса.

Погода свежая, ветер гонит волны, но крылатый катер легко преодолевает их, не испытывая ни малейшей качки и не оставляя за кормой волны. В этом тоже одно из замечательных свойств судов новой конструкции.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ В СТОЛИЦЕ

Несколько дней назад в Москве открылся памятник А. Н. Толстому. Скульптор Г. Мотовилов изобразил выдающегося советского писателя сидящим в кресле в спокойной, непринужденной позе. Скульптура приобрела постоянный адрес — сквер на улице Герцена, неподалеку от дома, где жил Алексей Николаевич. Пьедестал памятника — из черного лабрадора (автор — архитектор Л. Поляков).

В ближайшее время в Москве будет открыт еще один памятник — М. В. Ломоносову.

На Моховой улице, перед зданием МГУ, стоял монумент М. В. Ломоносова. Выполненный из недолговечных материалов, он с годами пришел в ветхость — его пришлось снять. Тогда же было решено создать новый. Эту работу поручили скульптору И. Козловскому.

— Где сейчас находится памятник? — спросили мы в Архитектурно-строительном управлении.

Так будет выглядеть памятник М. В. Ломоносову.

Памятник А. Н. Толстому.

— Бронзовая фигура, высота которой составляет почти четыре метра, доставлена с ленинградского завода «Монументскульптура». Завершаются работы по подготовке площадки и постамента. Скоро памятник будет открыт. Предполагается, что это торжественное событие в культурной жизни Москвы совпадет с Всемирным фестивалем молодежи и студентов.

Узнали мы новое и о памятнике В. В. Маяковскому. Не так давно прохожие наблюдали любопытное зрелище: на площади Маяковского поднялись рядом два макета статуи разной величины. Надо было их наглядно сравнить и выбрать наиболее рациональную с градостроительной точки зрения высоту. Ныне скульптор А. Кибальников лепит модель. Отливка в бронзе поручена заводу «Монументскульптура».

Сложнее обстоит дело с постаментом. По замыслу автора, это должна быть огромная цельная гранитная глыба, весом свыше ста тонн. Найденная на одном из карьеров Украины подходящая глыба при первых же «соприкосновениях» с ней дала трещину. Поиски продолжаются. Для того, чтобы доставить глыбу к железной дороге, придется проложить временную узкоколейку.

Мы поинтересовались судьбой обелиска в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. В первом туре конкурса участвовали сотни людей, и не только профессионалов — скульпторов, архитекторов, художников,—но и любителей. Отобрав самые интересные, присудив ряд поощрительных премий, жюри постановило продолжать конкурс. На второй тур также поступило немало значительных творческих предложений. И все же жюри признало, что ни одно из них не может пока претендовать на воплощение в бронзе, граните, мраморе. Все это и привело к необходимости продолжить проектирование.

— Какие конкурсы предполагаются в ближайшее время?

— В первую очередь на проект памятника М. Ю. Лермонтову. В нем примут участие лучшие наши мастера.

Но хочется подчеркнуть, что самой почетной, самой ответственной задачей скульпторов и архитекторов является создание величественного памятника Владимиру Ильичу Ленину. Монумент, в котором будет запечатлен облик основателя Советского государства и Коммунистической партии, поднимется в самой высокой точке Ленинских гор и в ясные дни будет виден издалека.

1 августа — последний срок представления проектов, а 1 октября Госстрой СССР внесет свои рекомендации по итогам конкурса.

А. НИКОЛАЕВ

Всероссийское совещание рабселькоров

В Москве состоялось Всероссийское совещание рабочих и сельских корреспондентов, созванное Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В нем участвует свыше 600 представителей краев и областей, автономных республик и национальных округов Российской Федерации.

На снимке участники совещания: слушатель школы колхозных кадров В. Тынагиргин (Чукотка), колхозный счетовод К. Майватова (Камчатская область) и доярка А. Васёнина (Рязанская область).

Фото Б. Кузьмина.

Четыре золотые медали

Жалко расставаться с родной школой! Четверо пришли проститься с ней, в последний раз посидеть за своими партами.

Но не получилось ли сдвоенного изображения у фотографа? Нет, никакой ошибки! Вы видите сестер-близнецов Злату и Марину Никольских и братьев-близнецов Александра и Эдуарда Сальмановых. Они выпускники 10-го класса 93-й московской школы. Все четверо окончили школу с золотыми медалями.

— Какие у вас планы?

— Мы, — отвечают в один голос сестры, — решили поступить в Московский университет, на физический факультет.

— А мы, — говорят братья, — хотим учиться в Высшем техническом училище имени Баумана.

Счастливого пути!

Т. АЙРАПЕТЯН

Фото Ю. Кривоносова.

Седьмой чемпион

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Бочинина.

Отец

Василий Осипович был незаурядным инженером. Многие годы трудился он на фабрике «Гознак», на Московском автозаводе имени Лихачева. У него не было причин обижаться на свою профессию. Но гордился он больше всего двумя фактами, не имевшими никакого отношения к его инженерной деятельности: во-первых, тем, что в юности победил за шахматной доской Алехина; во-вторых, лестной оценкой Шаляпина, который, прослушав Василия Осиповича, похвалил его голос.

Шахматы и музыка — эти две страсти были верными спутниками Смыслова на всем его жизненном пути. Он постарался сделать своим единомышленником сына. И даже сам удивился, как легко и быстро ему это удалось.

Им обоим можно было позавидовать. У одного был заботливый, любящий отец, с удовольствием посвящавший своего наследника в таинства двух столь разных искусств. У другого был сын, жадно ловивший каждое слово отца и прямо-таки с младенческих лет делавший удивительные успехи.

Для отца и сына не было бо́льшего наслаждения, чем сыграть в четыре руки на фортепьяно. Иногда старший Смыслов пел, а младший старательно ему аккомпанировал, иногда они пробовали петь дуэтом.

Все чаще и чаще засиживались они над шахматной доской. Силы, конечно, были несоразмерны: гора и холмик. Но холмик рос словно по волшебству, рос с каждым днем...

В библиотеке отца было много шахматных книг. Учебники, сборники партий старинных мастеров, книги Ласкера, Капабланки, советские издания. Отец и сын изучали эту литературу с одинаковым увлечением. Особенно понравилась юному Смыслову книга Ласкера «Здравый смысл в шахматах». Здравый смысл. Запомним эти слова.

В 1928 году состоялось соревнование, не отмеченное в анналах шахматной истории. Дядя Смыслова, Кирилл Осипович, сыграл с племянником матч, причем давал юному противнику ладью вперед. Давать такую фору было слишком самонадеянно, и семилетний шахматист убедительно доказал это. Дядя был больше обрадован, чем огорчен своим поражением. Он наградил племянника призом — книгой Алехина «Мои лучшие партии». На титульном листе побежденный написал: «Победителю в матче, будущему чемпиону мира Васе Смыслову. 29 мая 1928 года». Кирилл Осипович, разумеется, не подозревал, какая большая доля истины была в этой шутке.

Разбег

Семь лет спустя в Музее изящных искусств в Москве проходил международный шахматный турнир. Высокий, чуть сутулый, не по годам серьезный подросток приходил в зал к самому началу очередного тура, усаживался в кресло и впивался взглядом в участников. Позже к нему присоединялся отец.

Вася Смыслов с трудом верил своим глазам. В отцовских книгах были фотографии шахматных титанов: Чигорина, Ласкера, Капабланки, Алехина. Он всегда глядел на них с благоговейным чувством, как на необыкновенные существа, которым ведомы самые сокровенные тайны шахматного искусства. И вот живой Ласкер сошел с обложки своей книги и застыл за столиком в характерной позе с неизменной сигарой в углу рта. А вон любимец фортуны — элегантный Капабланка с постоянной улыбкой на устах.

Почтительно глядел мальчик и на сосредоточенного, очень серьезного молодого человека в очках. Ботвинник... Будущий чемпион мира не смотрел в зал. Откуда ему было знать, что здесь, среди зрителей, находится его судьба?..

Вася Смыслов пробовал пока свою силу только в сражениях с отцом. Он не спешил выйти на широкий простор, и в этом сказалось мудрое влияние отца, который отнюдь не хотел сделать из своего сына вундеркинда.

Только когда Смыслову исполнилось 14 лет и у него «накопился» восьмилетний опыт, он загорелся жаждой меряться силами с другими.

Сначала в своей школе, потом в шахматном павильоне Парка культуры и отдыха имени Горького, еще позже в Москворецком Доме пионеров он сокрушал своих противников.

У него теперь появилась естественная в этом возрасте жадность к соревнованиям, неизбывное желание бороться. Он стал чемпионом Дома пионеров, вступил в шахматный кружок на Стадионе юных пионеров, вместе с отцом участвовал во всевозможных матчах и турнирах автозавода. Его заметили, ему помогали. Ускоренными темпами он прошел обычный путь, какой проходят у нас юные шахматисты. За короткое время Вася взбежал по ступеням иерархической лестницы — от пятой до первой категории.

Во всех турнирах Смыслов побеждал почти со стопроцентным результатом. И все-таки это еще не были сильные противники. Он отлично понимал это, ибо с детства был очень самокритичен. Но вместе с тем он не робел перед авторитетами. Поэтому победы мало радовали: его душа рвалась в настоящий бой, а ему встречались противники, которых он без труда вышибал из седла.

Но всему свой черед. Пришло время, и Смыслов взял свое.

Годы «штурма и натиска»

Семнадцатая весна была особенной в жизни Смыслова. В 1938 году он окончил десятилетку. Победил во Всесоюзном юношеском первенстве. Завоевал звание кандидата в мастера. И в этом же году стал мастером и одновременно чемпионом Москвы!

О последнем событии стоит рассказать особо. Наконец-то ему представилась возможность испытать силу с настоящими бойцами: гроссмейстером Лилиенталем, мастерами Белавенцем, Юдовичем, Пановым и другими сильными шахматистами. И что же! Семнадцатилетний Смыслов не только разделил первое — второе места с Белавенцем, но и одолел при этом Лилиенталя, Панова, Юдовича, Зубарева.

Поражало не столько количество побед, сколько их характер. Наблюдая за игрой юноши, почти мальчика, мастера только качали головой. Обычно шахматист в таком возрасте целиком находится во власти чар комбинационной игры. Простые позиции не волнуют его воображения. Смыслов же охотно шел на упрощения и часто находил в окончаниях скрытые от взора противника тонкости. Так пустыня кажется неопытному глазу мертвой, но бывалый кочевник распознает на неподвижном песке следы живых существ.

Теперь Василий Осипович Смыслов посещал турниры не только как страстный любитель шахмат, но и как страстный болельщик Василия Смыслова. Случилось чудо: сын, которому он совсем, казалось, недавно объяснял, как ходят фигуры, теперь выступал против известных на весь мир шахматистов. Но факт оставался фактом, и когда Василий Смыслов добился права участвовать в 1940 году в XII чемпионате страны, отец уже не удивлялся — он только радовался.

Без всякого преувеличения можно сказать, что это был особенный чемпионат. Во-первых, в нем дебютировали яркие представители очень талантливой молодежи: Стольберг (погибший в годы Отечественной войны), Смыслов и Болеславский. Во-вторых, впервые в чемпионате СССР выступили такие замечательные шахматисты, как Керес и Лилиенталь. И, в-третьих, наконец, борьба в чемпионате разгорелась такая горячая, что Ботвинник, например, разделил только пятое—шестое места с Болеславским.

Как чувствовал себя Вася Смыслов в столь изысканном обществе? Во всяком случае, спокойно. Он уже и тогда был «хладнокровным русом», как его позже окрестили за рубежом. Гипноз имени даже всемогущего Ботвинника на него не действовал.

На фотографиях тех лет молодой Смыслов запечатлен в момент игры. В белой рубашке, без галстука, с выразительным, продолговатым, несколько меланхолическим лицом, он сидит за доской, подперев ладонями острый подбородок. В такой же позе видели его любители шахмат семнадцать лет спустя...

В чемпионате Смыслов продолжал удивлять своей игрой. После одиннадцатого тура он находился в группе лидеров, затем едино-

Последняя партия окончена. Михаил Ботвинник поздравляет нового чемпиона мира — Василия Смыслова.

лично возглавил турнирную таблицу, в пятнадцатом туре потерпел первое и единственное поражение от Макогонова и в конечном итоге занял третье место за Бондаревским и Лилиенталем, но выше Кереса, Болеславского, Ботвинника и других. Это была грандиозная победа.

Но эпоха «штурма и натиска» на этом не кончилась: Смыслову предстояло еще стать гроссмейстером. Весной следующего года шестеро призеров XII первенства встретились в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР. Смыслов и здесь занял третье место — вслед за Ботвинником и Кересом. В свои двадцать лет он стал самым молодым гроссмейстером мира.

Приходится давать автографы.

Уже в ту пору проявилось замечательное качество таланта Смыслова — самобытность. Алехин как-то писал об Эйве, что тот «слишком свято верит в непреложность правил». Смыслов никогда не верил в их непогрешимость. Ярый враг догматизма, он, разумеется, уважал «правила», но любил исключения. Он создавал свои системы в дебютах, оригинально разыгрывал середину партии, находил скрытые нюансы в окончаниях. По самому своему духу он уже в ту пору был экспериментатором, которому чужд путь, что «протоптанней и легше».

Второй шахматист мира

В сентябре 1945 года в Центральном Доме работников искусств десять сильнейших советских гроссмейстеров и мастеров уселись за шахматные столики. Места напротив каждого из них пустовали: партнеры находились за 9 тысяч километров — в Нью-Йорке. Происходил шахматный радиоматч СССР — США.

Соревнование это имело выдающееся значение. Дело в том, что американская команда в довоенное время четыре раза побеждала в «турнирах наций». Наши шахматисты в командных состязаниях в те годы не выступали. Встреча с сильной американской командой была своеобразным творческим отчетом советской шахматной школы, которая победоносно выходила на мировую арену.

Итоги матча, как известно, были неутешительны для американцев. Советские шахматисты выиграли тринадцать партий, пять закончили вничью и проиграли только две! Но даже на фоне этого триумфа ярко блистал результат Смыслова.

Перед ним этот матч поставил, пожалуй, более трудное испытание, чем перед любым другим из наших участников. На первой доске у американцев играл Денкер, которого они, как видно, сознательно отдали «на съедение» Ботвиннику, тем более, что Денкер, как тогдашний чемпион США, имел формальное право возглавлять команду. Зато на второй доске американцы надеялись реваншироваться: здесь пользовавшемуся мировой славой Решевскому противостоял все еще молодой Смыслов.

Американскую команду постигло разочарование: Смыслов победил в обеих партиях.

В марте 1946 года в небольшом португальском местечке близ Лиссабона внезапно скончался Александр Алехин. Впервые в шахматном мире наступила эпоха «междуцарствия». Международная шахматная федерация решила, что звание чемпиона будет разыграно в матч-турнире сильнейших гроссмейстеров. И только тогда Смыслов задумался: а почему бы и ему не попробовать свои силы?

Никому из самых близких друзей не признался он в своей дерзкой мечте. Только отцу мог бы он довериться, только отцу — всегдашнему лучшему другу, но Василий Осипович скончался за три года до этого...

В матч-турнире 1948 года Смыслов занял второе место, опередив Кереса, Решевского и Эйве. Его теперь повсюду стали называть «вторым шахматистом мира».

Новое призвание

Бывает, что у Смыслова внезапно наступают периоды, когда он вдруг охладевает к любимому искусству. Его властно зовет к себе другая страсть — пение.

Шахматисты всегда ревниво относились ко второму призванию Василия Смыслова. Оно им казалось причудой таланта. Сам же Смыслов никогда не оставлял надежды всерьез заняться своим голосом и решил, что теперь настало для этого самое подходящее время. Он выезжает в Ленинград специально брать уроки у лучших педагогов. Выступает в концертах перед студентами Ленинградского университета, в Доме ученых.

Теперь он часами засиживался за фортепьяно. Ему казалось, что наконец-то он нашел себя.

Правда, он участвовал в чемпионатах СССР, в первом турнире претендентов в 1950 году, но играл без былого вдохновения, фантазия и воображение как бы уступили рассудку и технике.

Но вот он увидел себя в партере Концертного зала имени Чайковского. Там, на сцене, сидели друг против друга Ботвинник и Бронштейн. Это было справедливо: в турнире претендентов и в матче с Болеславским Бронштейн убедительно доказал свое право скрестить оружие с Ботвинником. Но почему же все-таки он, Смыслов, «второй шахматист мира», оказался в роли зрителя?

Из всех очевидцев поединка Ботвинника с Бронштейном он был, наверное, самым внимательным. Как никто другой, Смыслов понимал замыслы соперников.

Бронштейн не проиграл матча, но и выиграть его не смог.

«Нет, для борьбы за мировое первенство надо не уступать чемпиону ни в чем», — сказал себе Смыслов.

(Пройдет шесть лет, и Бронштейн образно скажет о Смыслове, что тот «в состоянии бороться с чемпионом мира на каждом квадрате шахматной доски».)

Но прежде всего надо было завоевать право на эту борьбу. Почему-то он был уверен, что теперь наступит его черед. На следующем турнире претендентов в Цюрихе участвовали такие шахматные ассы, как Эйве, Бронштейн, Керес, Решевский и другие, но Смыслов твердо верил в успех. Он всегда любил длинные дистанции. Шахматный стайер, он, как никто, умел распределять свои силы. Он знал, как опасен Бронштейн на «последней прямой», и постарался увеличить разрыв настолько, чтобы последний бросок соперника не мог ничего изменить.

Поединок

И вот свершилось то, о чем годами втайне мечтал один и к чему долго готовился другой. Ботвинник и Смыслов... Старые противники. И, наверное, равные противники. Но поначалу казалось, что Смыслов взвалил себе на плечи ношу не по силам.

Вначале все были озадачены неудачами Смыслова. Стали поговаривать, что он не в состоянии пробить броню своего противника. Дрогнули даже его секунданты, да и сам Смыслов был ошеломлен шквалом обрушившихся на него ударов.

Ошеломлен, но не сломлен! Он не только выстоял, но и наверстал все упущенное. Случилось поразительное: в пяти партиях Смыслов набрал 4½ очка. Впервые за всю свою жизнь Ботвинник потерпел три поражения подряд!

После восемнадцатой партии счет был 10 : 8 в пользу чемпиона мира. Смыслов сделал героическое усилие и к последней партии сравнял счет. Но двадцать четвертая встреча закончилась вничью, и Ботвинник сохранил свое звание.

Было от чего отчаиваться!

Для того, чтобы три года спустя вновь сесть за столик в Концертном зале, ему надо было опять пройти сквозь строй гроссмейстеров, каждый из которых вправе был считать себя не менее достойным такой чести.

Мы уже знаем, что Смыслов сделал это. Он вновь вышел один на один с Ботвинником. Но теперь все уже было по-иному. Готовясь к матчу, Смыслов с необыкновенной отчетливостью представлял себе, как ему надо вести битву. У Ботвинника есть излюбленные дебютные схемы, которые он разыгрывает десятками лет и в которых ему знаком, если можно так выразиться, каждый закоулок. Значит, надо избирать другие схемы, где чемпион мира будет чувствовать себя не так уверенно.

В середине игры Ботвинник стремится навязать противнику свою стратегию. Чемпион мира предпочитает позиции с ясным планом. Значит, надо противопоставить ему иную стратегию, стремясь завязывать борьбу на всей доске.

Разбирают партию М. Ботвинника и В. Смыслова.

Ну, а что касается техники заключительной стадии игры, то она всегда была надежным оружием Смыслова.

У всех в памяти, как протекал этот матч. Только после пятой партии Ботвинник был впереди. Начиная с восьмой и вплоть до последней, двадцать второй партии, Смыслов вел счет, добившись в итоге внушительного перевеса — 12½ : 9½.

Многие удивлялись тому, как просто на первый взгляд побеждал Смыслов в этом матче. Но, как известно, все гениальное просто. Давно сказано, что скульптура — это глыба мрамора, от которой отсечено все лишнее. В игре Смыслова нет никаких украшательских «излишеств». Он одержал труднейшую победу, которая далась ему с величайшим трудом, но он добился ее простыми, самыми рациональными средствами, с помощью таланта, воли и здравого смысла...

Шапка Мономаха

Теперь он изведал бремя славы. Ее приносили газеты, она струилась из репродуктора, пряталась в телефонной трубке. Вестниками славы были почтальоны: в дни триумфа они принесли около тысячи писем и телеграмм.

Уже когда улеглись страсти, из Саратова от пенсионера П. Кушникова пришла трогательная посылка — старинные шахматы.

«Я слабый шахматист, обычный любитель, каких много, — писал он. — Но этим многим Вы доставили немало приятных минут. И вот сейчас хочется и Вам сделать что-нибудь приятное. Я решил передать Вам то, чем дорожил всю жизнь, — шахматы, которыми не раз играл Алехин в Казанском университете в 1909—1910 годах...»

Смыслов читал письмо и с грустью думал: «Если бы только отец дожил до этих дней...»

Во всем этом надо было разобраться. Только теперь он по-настоящему понял, как почетно и как трудно быть чемпионом мира. От чемпиона всегда многого ждут, и он должен, обязан оправдать ожидания. Что ж, он постарается, чтобы седьмой чемпион мира сделал для любимого искусства столько же, сколько и его выдающиеся предшественники...

Из почты ОГОНЬКА

ПЕТР ЗАЛОМОВ — САДОВОД

Революционер - большевик П. А. Заломов после побега из сибирской ссылки поселился в городе Судже. В часы досуга он занимался плодоводством. Получив от И. В. Мичурина лучшие его сорта, Заломов размножал их в небольшом саду и раздавал саженцы садоводам-любителям. Он собрал в своем саду свыше ста сортов плодовых растений и вел над ними фенологические наблюдения. Наряду с сортоиспытанием Петр Андреевич вел и селекционную работу с плодовыми культурами.

П. СТЕПАНОВ

Мичуринск.

В Ростове-на-Дону установлен памятник воинам, погибшим в боях за освобождение Ростова от фашистских захватчиков. Авторы проекта — художники Н. Замковой и Ю. Льельков, скульптор — Мыгас.

Фото С. Жирнова.

Редкий поединок

Бой произошел в лопухах и крапиве возле забора. Наседка ястребом сидела на каком-то зверьке, с криком махала крыльями, долбила клювом врага. Наконец курица успокоилась и направилась к цыплятам. На месте боя остался полуживой хорь. Он был так истерзан наседкой, что еле поворачивал голову. Шкура свисала клочь-
лову. Шкура свисала клочьями, глаза были выклеваны. В неравном поединке победила материнская сила.

И. МАЛЬЦЕВ

Чудово.

Без очков...

Человечество пользуется очками около 700 лет. Кто их изобрел, неизвестно, но скорее всего кто-то из венецианских мастеров, стеклянные изделия которых славились во всем мире.

Совершенствование очков и особенно оправы к ним шло очень медленно. Первоначально оправа делалась из дерева и крепилась не так, как в наши дни, а на головном уборе.

Последним словом оптики являются так называемые контактные очки. Это маленькие, по размеру глаза, выпуклые линзы, надеваемые под веко непосредственно на глаз. Эти линзы совершенно незаметны со стороны и незаменимы для актеров, спортсменов, особенно пловцов и шахтеров.

Но не все могут носить такие очки длительное время, к тому же они дороги, так как делаются индивидуально, по слепку с глаза.

Каковы же дальнейшие перспективы борьбы с близорукостью и дальнозоркостью?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассказать о чрезвычайно интересном открытии китайского врача Чжан Юй-фу.

В начале 1955 года Чжан Юй-фу для лечения перигетинита сетчатки глаза применил ионтофорез стрептомицина, то есть ввел лекарство в глаз с помощью слабого электрического тока. При этом он обнаружил, что у больного сильно уменьшилась близорукость. Изучая это явление, Чжан Юй-фу заинтересовался возможностью лечения близорукости, дальнозоркости и астигматизма глаз.

Проверка этого способа в пяти госпиталях на 844 больных дала в 556 случаях восстановление нормального зрения.

Кто знает, может, в дальнейшем врачи будут лечить близорукость и дальнозоркость, а не подбирать очки, приспосабливаясь к той или другой степени этого недостатка зрения.

Конечно, только длительные исследования покажут, насколько реальны новые возможности лечения глазных болезней.

Е. КОНОВАЛОВ, инженер

Ленинград.

Золотая веточка

Недра Севера богаты золотом. В минувшем году здесь в среднем через день находили самородки. Самый крупный из них весил 2 126 граммов. Другие были в килограмм и больше.

На конвейере, подающем песок для промывки, установлен небольшой прибор. Вот он сработал, и часть песка сброшена с ленты в специальный бункер. В этом песке самородок. Прибор для вылавливания золотых самородков сконструирован работниками энергетической лаборатории Дальстроя. Только за последнее время на приисках Колымы с его помощью выявлено 30 самородков общим весом около 10 килограммов.

Самородок, похожий на веточку, не относится к числу крупных: он весит 2,8 грамма. Но он очень красив, и горняки назвали его «Золотая веточка».

Ю. РЯБОВ

Фото Ф. Йонова.

Магадан.

Зеленая труба

Многим знакомы старинные подмосковные парки с причудливо подстриженными деревьями, образующими живые изгороди, пирамиды, шары. На этом снимке вы не увидите таких «чудес», какие созданы умелыми руками мастеров-садоводов. Это обыкновенная труба фабричного типа. У ее основания когда-то посадили несколько черенков дикого винограда. Под воздействием идущего по трубе тепла они развились в могучую поросль. Цепляясь усиками за углубления в кирпичной кладке, виноград неудержимо разрастается вширь и вверх. Пройдет еще немного времени, и вся труба превратится в живую зеленую пирамиду.

Такая озелененная труба находится в Светлогорске, Калининградской области, и составляет часть водолечебного корпуса санатория.

Сфотографировать всю трубу не удалось, здесь показана только ее верхняя часть.

С. ТИХОМИРОВ

Фото автора.

Ленинград.

Этот снимок сделан в 1911 году в Киеве. Мне удалось запечатлеть полет одного из первых русских летчиков, С. И. Уточкина, который демонстрировал перед киевлянами достижения авиации.

Н. ЖУДИН

Киев.

«Дорогой товарищ редактор!

Я написал стихотворение «Ваньняньцин». Может быть, Вам удастся использовать его для журнала?

С братским приветом!

ЯНЬ ЮН-ТУН

Китай, провинция Гуанси, город Наньнин»

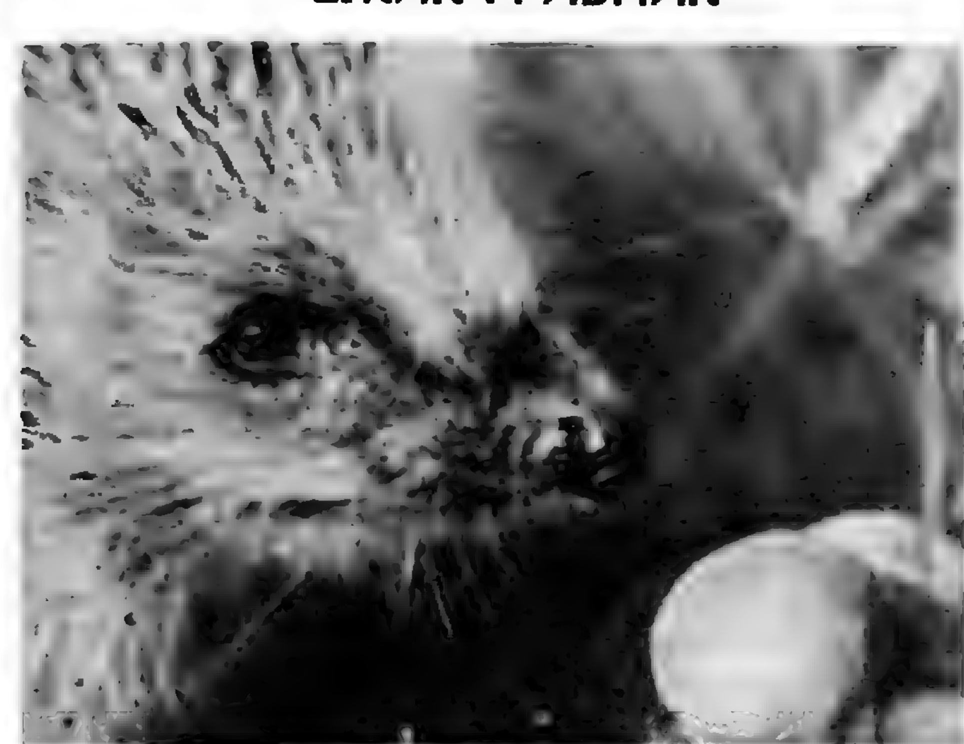
ВАНЬНЯНЬЦИН

За красоту и запах многие любят розу,
Многие — хризантему за то, что стойка
к морозам.
Многие любят лотос за то, что, в воде
белея,
Рос по соседству с тиной, а не замаран ею.
Больше всего иного я ваньняньцину предан
Хранит он покров зеленый весною,
зимою, летом,
Осенней порой ненастной.
Зеленый он и прекрасный.
Самая крепкая дружба какая на целом
свете?
Советско-китайская дружба!
Она — как растение это!

Перевел **Л. ЧЕРКАССКИЙ.**

Ваньняньцин — дословно вечнозеленый

ЕЖИК-ГРИБНИК

В лесу, в районе Кашина, я повстречался с ежиком. Он так залюбовался семейством молоденьких подосиновиков, что мне удалось сфотографировать эту сценку. Но лишь щелкнул затвор аппарата, зверек быстро свернулся в клубок.

В. КУТЫРЕВ

АВСТРАЛИЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ФЕСТИВАЛЬ

Письмо из Сиднея

Подготовка началась еще в январе. В обеденные перерывы на предприятиях и заводах, в спортивных кружках, в студенческих клубах и различных молодежных объединениях обсуждались волнующие вопросы: можно ли поехать и, самое главное, на какие средства ехать? Много было сказано молодыми австралийцами теплых слов, выражающих надежды на мир и международную дружбу. Но были и проповеди сомнительных «знатоков», которые пугали желающих ехать на фестиваль всякими несуразицами, вроде пресловутых «белых медведей», разгуливающих по Москве. Но провокаторы не достигли цели: австралийская делегация будет принимать участие в VI международном фестивале молодежи в Москве.

Главным организатором поездки явилась общественно-спортивная молодежная организация «Юрека». Профсоюзы и другие общественные объединения выделили наиболее достойных делегатов и средства для поездки. Делегация будет состоять из 150 человек, не считая туристов и некоторых спортсменов, едущих за свой счет. Возглавляют национальную делегацию Чез Брисланд, генеральный секретарь «Юрека», Брайн Монияи, президент «Юрека» в штате Квинсленд, Тэрри Чарлесворт, солистка Западно-Австралийской балетной компании, и пять представителей от Союза моряков.

Состав делегации разнообразен: едут рабочие, студенты, учителя, врачи, спортсмены, артисты, конторские служащие, фермеры. Каждый хочет не только Москву посмотреть, но и себя показать. Спортсмены готовятся к международным спортивным играм по плаванию, легкой атлетике, прыжкам в воду, поднятию тяжестей. Среди спортсменов — участники XVI Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне: легкоатлет Бэрри Холмс, Эдит Кочрейн (каноэ) и Форбс Кэрлил — тренер австралийской команды пловцов на XV и XVI Олимпиадах. Кэрлил у молодежи считается «старичком». Педагог и общественный деятель, он в течение 10 лет читал лекции по физиологии человека в Сиднейском университете. Эдит Кочрейн, участница XVI Олимпийских игр, учительница по профессии, для того, чтобы скопить деньги на поездку, поступила работать на шведский пароход, который и привезет ее в Европу.

Балерина Тэрри Чарлесворт собирается показать национальный танец австралийцев «Бролга». Музыкальная семья из штата Виктория, Соломон Сигал — скрипач, Леон Сигал — виолончелист и Ева Сигал — танцовщица, предполагает дать концерты. Джой Мюффи, молодая девушка из города Брокен Хилл, берет с собой магнитофон: она предполагает записать песни русских детей и популяризировать их среди австралийских ребят. Бурную деятельность в подготовке к фестивалю развил известный сиднейский музыкальный ансамбль «Южный крест», поставивший перед собой задачу: собрать 2 000 фунтов, необходимых оркестру для поездки на фестиваль. Ежедневно выступая в танцевальных залах, клубах, а то и просто на улице, дружные ребята из «Южного креста» собрали эту сумму. Они едут в Москву.

Все готовятся к международному празднику молодости по мере своих сил и способностей. Например, группа сельскохозяйственных рабочих из штата Южная Австралия собирается продемонстрировать своеобразный «номер»: рекордно быструю стрижку овец. Руф Адлер, домохозяйка из штата Виктория, решила удивить москвичей искусством приготовления национального австралийского кушанья «чипс» (жареный картофель).

Уже подходят к концу хлопоты перед отъездом. В первых числах июля вся делегация, разбившись на три группы, вылетает на самолетах в Пекин. В Пекине австралийцы 2—3 недели будут гостями китайской молодежи и после этого экспрессом Пекин — Москва выезжают в столицу Советского Союза. Этого путешествия по железной дороге, пересекающей всю советскую страну, участники делегации ждут с нетерпением и уже сейчас перелистывают справочники, словари, запасаются фотопленкой. Обычным стало среди них приветствие «товарич».

Каждый рвется уехать поскорее, с первой партией. Сколько впереди интересных впечатлений, ярких, праздничных дней, волнующих встреч!

А. КУЗНЕЦОВ

Ансамбль «Южный крест» выступает на улице Сиднея.
Фото автора.

Чемпионы Европы

В Софии в конце июня происходил розыгрыш первенства Европы для мужских баскетбольных команд. В этом интересном соревновании участвовали сильнейшие коллективы.

В финальных соревнованиях сборная команда Советского Союза одержала победы над национальными командами Франции, Югославии, Чехословакии, Польши, Румынии и Венгрии. Последнюю игру советские спортсмены провели с сильным коллективом болгарских баскетболистов, которые также имели шансы стать чемпионами. Игра закончилась победой команды СССР со счетом 60 : 57.

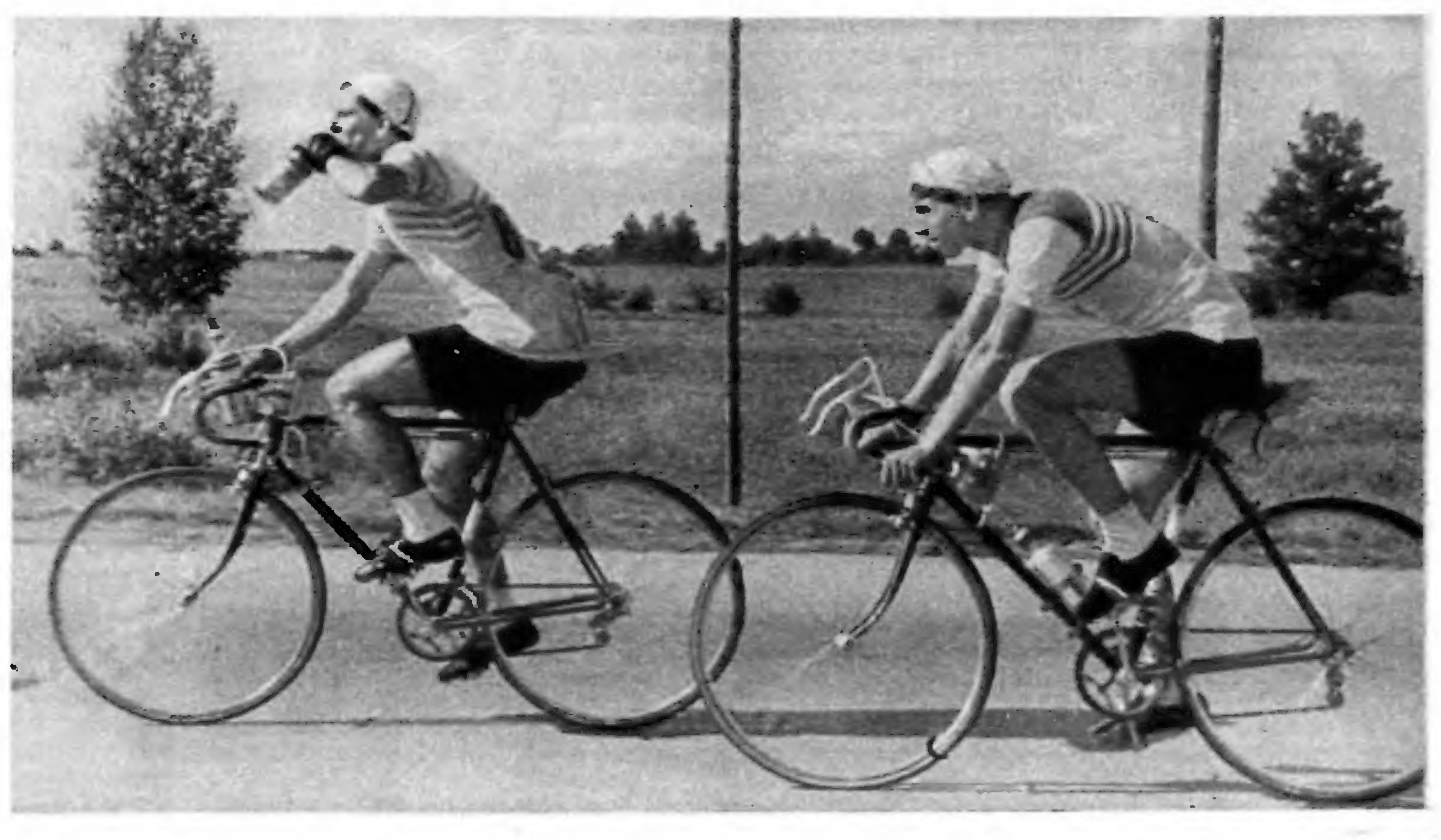
Таким образом, советские баскетболисты вновь вернули себе звание чемпионов Европы.

Советская команда проходит мимо трибун стадиона в Софии.
Фото Н. Волкова.

Сегодня кончается гонка

Н. Сиротин, Е. Клевцов и Е. Немытов — претенденты на приз «Огонька».

Многодневная велосипедная гонка заканчивается. Сегодня спортсмены будут финишировать в Москве.

На всей трассе шла упорная борьба не только между командами, но и индивидуальная борьба. Особенно она обострилась на дорогах Украины и на последних этапах. Временами скорость гонщиков доходила до 50 километров в час.

Приз «Огонька», как известно, будет присужден тому спортсмену, который наибольшее количество раз выйдет победителем на этапах.

По сумме времени впереди армеец Ю. Коледов. В командном зачете уверенно лидирует коллектив Центрального спортивного клуба Министерства обороны.

Претендентами на приз «Огонька» после десяти этапов являлись Н. Сиротин, Е. Клевцов и Е. Немытов — все члены команды ЦСК МО.

Кому же удастся вырваться вперед?

В минувшее воскресенье на московском стадионе имени В. И. Ленина состоялся очередной товарищеский международный матч — между московской командой общества «Локомотив» и известным турецким клубом «Галата-сарай».

Матч закончился победой советских футболистов со счетом 3 : 1. На нашем снимке запечатлен момент, когда турецкий вратарь Тургай пропустил мяч в свои ворота.

Фото А. Бочинина.

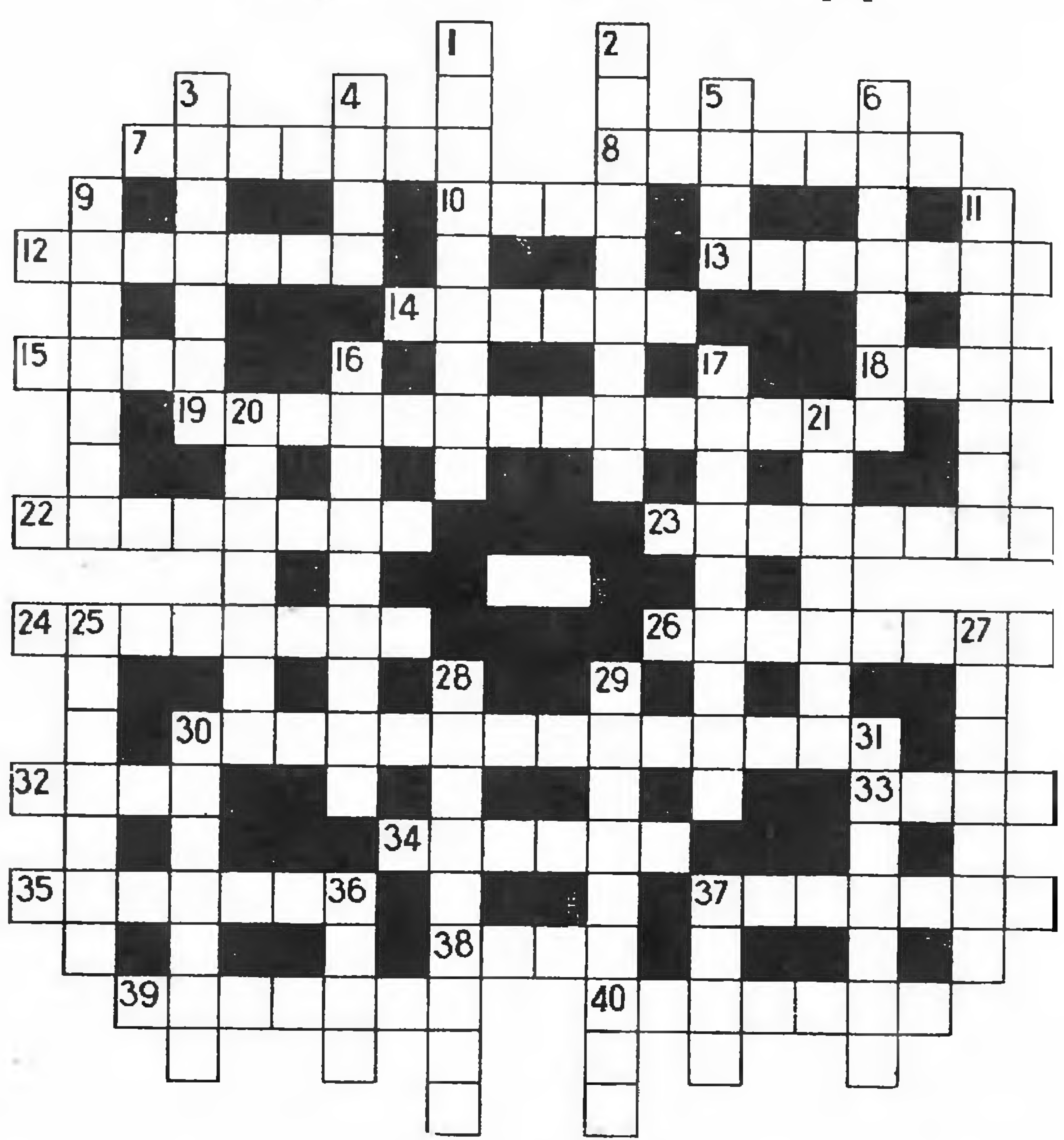

...Зверей посмотреть и себя показать.

Рисунок В. Черникова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Соревнование. 8. Действующее лицо в пьесе «Крылья» А. Корнейчука. 10. Знак препинания. 12. Древний город на Украине. 13. Союзная республика. 14. Лодка. 15. Плотный крупнозернистый снег. 18. Приток Роны. 19. Силовая установка. 22. Род загадки. 23. Музыкальный электроинструмент. 24. Спутник Сатурна. 26. Подготовка основы для ткани. 30. Спортсменка. 32. Массовая пляска у славянских народов. 33. Озеро в Красноярском крае. 34. Героическая драма Гете. 35. Наименьшая величина. 37. Рисунок, выполненный специальными карандашами. 38. Дикий бык. 39. Кит. 40. Рассказ А. П. Чехова.

По вертикали:

1. Птица семейства соколиных. 2. Кустарник, гуттаперченос. 3. Книга. 4. Дорога. 5. Река в Казахской ССР. 6. Шерстяная ткань. 9. Испанский живописец XVII века. 11. Опера Бетховена. 16. Вид строительных работ. 17. Музыкант. 20. Представительница народности тюркской языковой группы. 21. Часть произведения. 25. Наука. 27. Горный массив на Урале. 28. Ископаемое юрского периода. 29. Искусство безмоторного парения. 30. Денежная единица Венесуэлы. 31. Парламент Исландии. 36. Душистое растение. 37. Большой платок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

7. Гематит. 8. Кутузов. 9. Колонок. 11. Договор. 12. Мольер. 13. Фуляр. 15. Радон. 16. Библиография. 17. Изобретатель. 20. Довод. 22. Труба. 24. Ситник. 26. Дивизия. 27. Еруслан. 28. Пеликан. 29. Испанец.

По вертикали:

1. Ледоруб. 2. Савойя. 3. Бином. 4. Фурор. 5. Дурова. 6. Водород. 10. Конфигурация. 11. Деепричастие. 14. Руберойд. 15. Референт. 18. Корифей. 19. Образец. 21. Овидий. 23. Раскат. 24. Сиваш. 25. Кросс.

Интересные находки

Коллекция Государственного исторического музея неожиданно пополнилась великолепными экземплярами редчайших русских монет. А случилось это так.

Брянский музей получил письмо от заведующего клубом села Митьковки, Климовского района, А. В. Мацуева, в котором он описывал археологические памятники в окрестностях села и, в частности, найденные там вещи. Некоторые из предметов были пересланы в Москву, в Исторический музей. При их рассмотрении оказалось, что две круглые подвески-бляшки к ожерелью сделаны из подлинных восточных монет X века и тринадцать, что особенно важно, из русских монет времени князей Владимира Святославовича и Святополка Владимировича Окаянного, так называемых сребреников, первых монет, чеканенных на Руси. Следует сказать, что музею за 70 лет существования удалось собрать всего 29 таких монет.

В связи с большим интересом, который представляют монеты для науки, в окрестностях села Митьковки были проведены археологические работы. Установлено, что монеты найдены на месте курганного могильника, принадлежавшего древнему славянскому племени радимичей.

В музей поступили также клад римских монет I—III веков нашей эры (найден В. В. Голоцван, Черкасская область), клад восточных монет IX века (найденный А. Б. Булгаковым, Орловская область) и ряд кладов русских монет XVI—XVII веков.

Все они представляют большой интерес для науки.

Н. МЕЦ, заведующий отделом нумизматики Исторического музея, кандидат исторических наук.

ПИНЬ-ПИНЬ

Многие зоологи мира знают гигантскую панду только по описанию в книгах. Редкое животное обитает в высокогорных бамбуковых лесах провинции Сычуань в Китае. Питается большая панда листьями и побегами бамбука, и потому ее называют бамбуковым медведем. В 1936 году в Европу впервые удалось завезти панду. Эта и другие попытки оказались неудачными: животное быстро погибало. До последнего времени в неволе жили четыре панды, которые содержались в Пекинском зоопарке. Правительство Китайской Народной Республики запретило отлов и отстрел редчайшего животного.

Мэр города Пекина подарил москвичам гигантскую панду по кличке Пинь-пинь. В Московском зоопарке Пинь-пинь поселили в просторном загоне на так называемом Острове зверей. В прохладные и пасмурные дни (в жару Пинь-пинь прячется) с пандой знакомятся посетители. Внешне она напоминает медведя, хотя по ряду других признаков ближе стоит к енотам. Интересна окраска животного: белая густая шерсть верхней части туловища и головы, а «очки» вокруг глаз, широкая полоса через спину, лапы — черные.

Кроме бамбуковых побегов и листьев, в меню панды — рисовая каша, фруктовые соки, сахар, яйца, морковь, рыбий жир. Запасы бамбука, присланного из Китая, кончились, пришлось заняться специальной заготовкой этих кормов на Черноморском побережье в Закавказье.

М. КРУМИНА

Фото А. Анжанова.

Сделайте сами →

Чистить ботинки на ноге трудно и неудобно. Обычно (что греха таить!) мы ставим ногу на уголок сиденья стула, не всегда подкладывая под ногу бумажку.

А между тем сделать специальную подставку для чистки ботинок очень нетрудно. Она займет немного места. На фотографии показано устройство такого удобного приспособления.

На вкладках этого номера репродукции картин: И. И. Левитана «Лес» (Зеленая роща), А. И. Куинджи «Лунная ночь», Ф. А. Васильева «Мальчики в сосновом бору», И. И. Ендогурова «Пейзаж», А. П. Боголюбова «Море» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05289. Подписано к печати 4/VII 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 735. Заказ № 1597.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Капли дождя на стекле окна. Они сливаются в тоненькие струйки и, подрагивая, стекают вниз. А из окна смотрит на улицу огорченный мальчишка. Под фотографией подпись: «Опять Славек не пойдет гулять». Наверно, уже много дней идет дождь, и каждое утро этот мальчик с надеждой подбегает к окну. Может быть, прояснилось! Но на улице по-прежнему сыро, и дождь стучит по крышам...

Эта фотография Галины Идзяк была выставлена в Москве, в Центральном доме журналиста на выставке художественной фотографии Польской Народной Республики. Здесь демонстрировалось более ста семидесяти работ. Тут можно было увидеть и «механическую копалку» Януша Булгака — огромный ковш, сфотографированный в тот момент, когда из него высыпается земля; и теплую, сделанную с мягкой улыбкой фотографию Владислава Славного «Мальчики и голуби»; и «Шахтера со сверлом» Адама Богуша; и лирический этюд Романа Бужинского «Буки, покрытые инеем»; и героическую композицию Альфреда Функевича «За нашу и вашу свободу»; и работу Ирэны Маркевич «Чтобы никогда не было войны»...

Около ста авторов братской Польши приняли участие в выставке.

Генрих Германович. КРАКОВСКИЕ ГОЛУБИ.

Галина Идзяк. ОПЯТЬ СЛАВЕК НЕ ПОЙДЕТ ГУЛЯТЬ.

Владислав Славный. МАЛЬЧИКИ И ГОЛУБИ.

Эдмунд Здановский. САЛЮТ ГРЕБЦОВ.

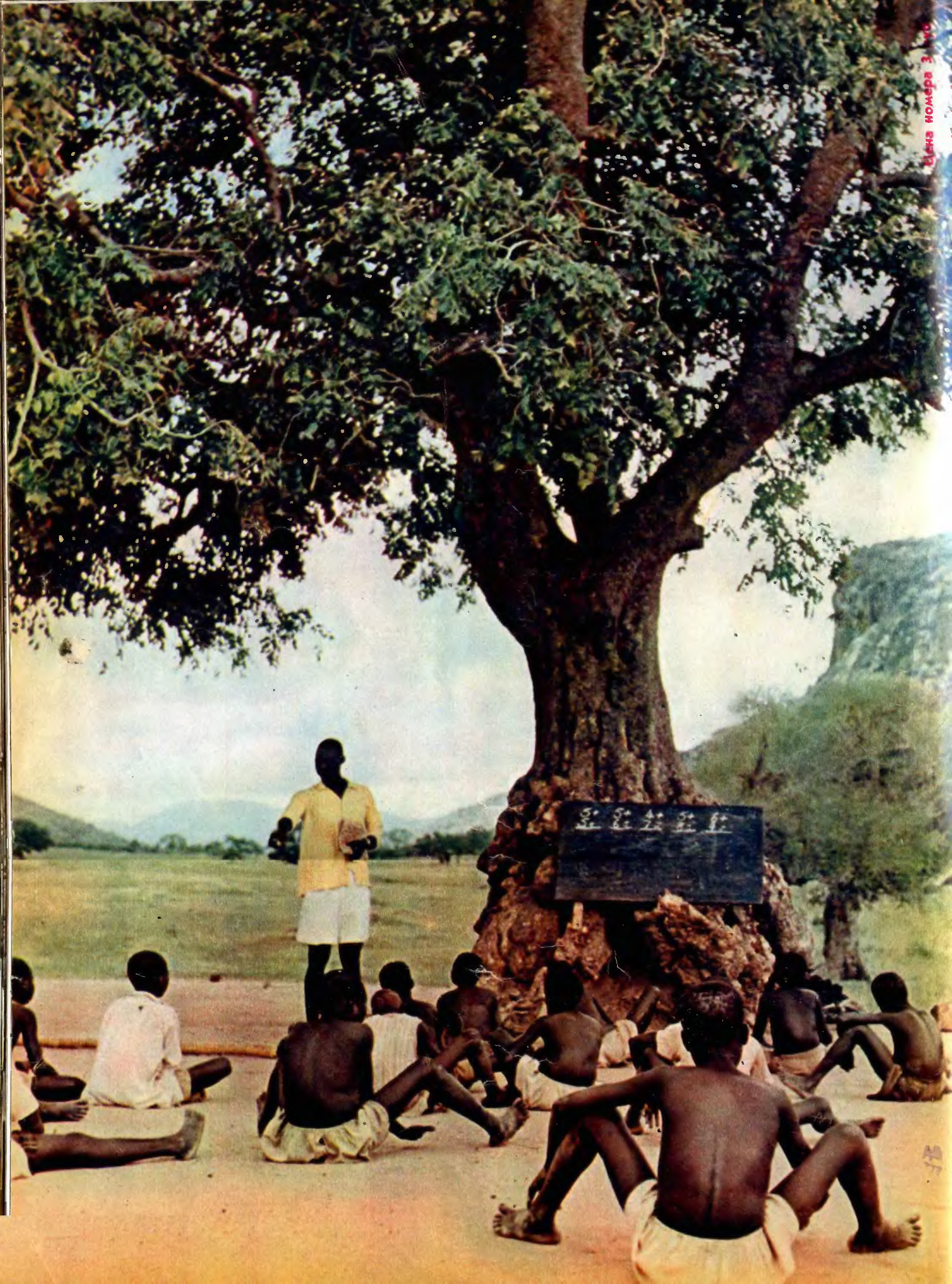

Польская художественная фотография

Цена номера 3